

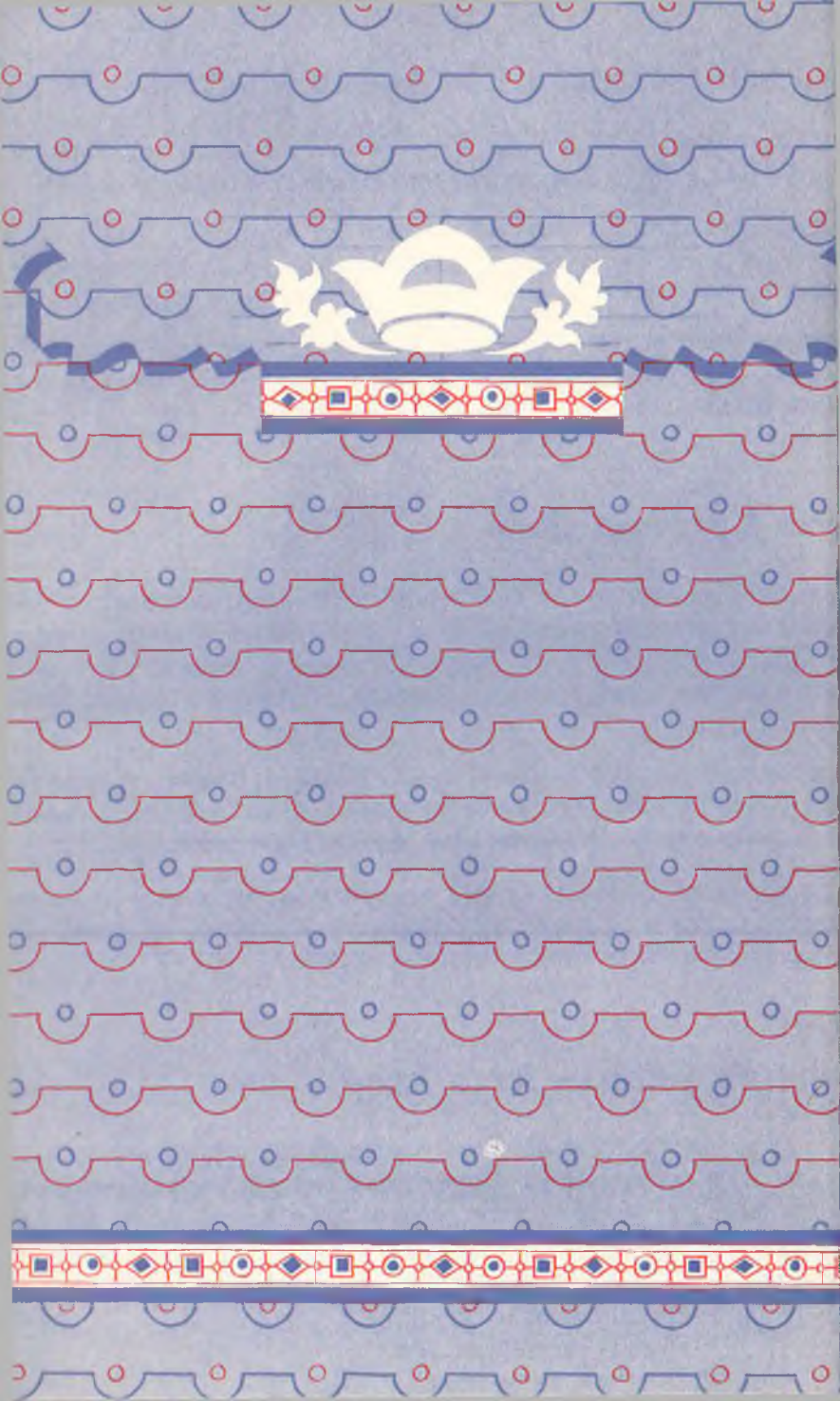
Лоран Тейс

НАСЛЕДИЕ КАРОЛИНГОВ

IX-X
ВЕКА

2

**НОВАЯ
ИСТОРИЯ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ
ФРАНЦИИ**

Laurent Theis

L'HÉRITAGE DES CHARLES

DE LA MORT DE CHARLEMAGNE
AUX ENVIRONS DE L'AN MIL

2

NOUVELLE
HISTOIRE
DE LA FRANCE
MÉDIÉVALE

ÉDITIONS DU SEUIL • 1990

Лоран Тейс

НАСЛЕДИЕ КАРОЛИНГОВ

IX—X
ВЕКА

2

НОВАЯ
ИСТОРИЯ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ
ФРАНЦИИ

МОСКВА • «СКАРАБЕЙ» • 1993

ББК 94+63.3 (4 Фр)
Т30

Перевод с французского

Т. А. Чесноковой

Художник

В. А. Корольков

Это издание осуществлено
при поддержке Министерства иностранных дел
Франции и французского посольства в Москве

Тейс. Л.

Т30

История Франции

Том 2/ Перевод Т. Чесноковой. — М.: «Скара-
бей», 1993. 272 с.

ISBN 5-86507-043-6 (т. 2)

2-й том цикла «Новая история средневековой Фран-
ции» — «Наследие Каролингов» написан преподавателем сре-
дневековой истории в Сорбонне. Он автор книг «Пришествие
Гуго Капета» (1984), «Дагобер — народный король» (1982).
Л. Тейс известен не только как историк, но и как издатель и
критик.

На русском языке книга публикуется впервые.

ББК 94+63.3 (4 Фр)

И 0503000000-02
3М5 (03)-93 Без объявл.

ISBN 5-86507-043-6 (т. 2)
ISBN 5-86507-022-3

© Чеснокова Т. А. Перевод с французского. 1993
© Корольков В. А. Художественное оформление. 1993

ПРЕДИСЛОВИЕ

Хорошо ли мы знаем то, что мы знаем? Необходимо пояснить кое-что, прежде чем мы приступим к истории двух столетий. Как рассказать с точностью, достоверно и, главное, истинно о времени, отделяющем нас от смерти Карла Великого в 814 году, об эпохе, охватывающей отрезок времени вплоть до 1000 года, когда царствовал Роберт, второй из династии Капетингов?

Чтобы попытаться понять эту эпоху, мы обращаемся к Фукидиду, Цезарю или Тациту. Или к Нитгарду, Флодоарду и Риншеру. У нас, французов, Карнак, Акрополь, Помпея IX—X веков свелись всего-навсего к каким-то кускам какой-нибудь стены, склепам и ямкам от столбов. Одна могила Тутанхамона, без сомнения, хранила больше ценных предметов, нежели все, что оставили нам Каролинги Западной Франкии.

Во что одевался Роберт Сильный? Действительно ли был подписан договор в Сен-Клер-сюр-Эпт? На каком языке говорил Людовик IV Заморский? В каком возрасте был коронован Гуго Капет? Мы пренебрегаем этими подробностями, а ведь речь здесь идет о самых значительных фигурах. Что же тогда говорить о народных массах, об имевших место событиях и об их связи, об образе мыслей и действия? Чем больше мы погружаемся в эти два столетия, тем больше сгущаются потемки.

Разумеется, существуют исторические документы, довольно многочисленные в количественном отношении. Написанные в подавляющем большинстве церковными лицами, они не ставили себе целью описывать земную жизнь. Как же истолковать, заставить говорить эти жития святых, рассказы о чудесах, канонические трактаты, даже анналы и хроники? Лишь редкие монастырские описи и дарственные грамоты, число которых растет после 950 года, бросают слабый луч света на эти весьма узкие места. Конечно же, дело касается только церкви. Светское общество в то время почти целиком погружено в молчание. Кроме того, клерикальная литература и не стремилась описывать этот, земной, мир, — скорее наоборот. Ее язык, латынь, обновленная в свете античности, была понятна все более и более узкому кругу образованных людей. Сам король Гуго Капет не понимал латыни. И даже этот язык подчас вводит нас в заблуждение или же повергает в изумление. Пример? В монастырских описях начала IX века нам встречаются разные названия при обозначении сельскохозяйственных орудий: то «соха», то «плуг». Так что же, первобытная соха или сразу уже современный плуг? В одном месте употреблен термин, которым владел автор образованный, читатель Вергилия, в другом месте виден автор не столь просвещенный. Вообще слово «плуг» могло означать «соху», и наоборот, или даже какой-нибудь промежуточный инструмент. В таких случаях археология является плохим помощником: жалкие деревянные предметы, изредка окованные металлом, почти все исчезли, не дойдя до наших дней. Итак, что же нам остается, кроме как не признаться в своей неосведомленности?

Безусловно, может сделать законные выводы тот, кто нашел клад с монетами, раскопал фундамент здания, достал со дна остов корабля, заботливо расшифровал и издал послание епископа, открыл какую-нибудь неопровержимую вассальную зависимость. Благодаря неутомимым исследованиям, наше знание с IX—X веков постоянно прогрессирует, и особенно в

последние пятнадцать лет. На современные работы я буду ссылаться беспрестанно, однако не собираюсь делать из этого чрезмерные обобщения.

Исследования данной эпохи позволят лишь изредка достичь синтеза, да и то малодостоверного. Фрагментарные и рассеянные, еще существующие документы свидетельствуют, что Франция IX—X веков была средоточием крайних противоположностей: завоевание территорий, образ жизни, социальные структуры, уровни культуры кардинально меняются в пространстве, даже на близком расстоянии или внутри одной и той же системы. Эволюция нигде не происходит одинаково. Кажется, что еще жива античность, сохраняется в силе романский мир, тогда как уже становится различимой система поместничьего землевладения. Короче говоря, изучение отдельных разновидностей чаще всего говорит само за себя. Хуже всего мы осведомлены в области производства, потребления и распределения материальных благ. Здесь риск приблизительности, даже искажения смысла настолько велик, что я предпочел бы ничего не добавлять сверх того, что написано об этом современниками той эпохи.

Более устойчивой и однородной представляется область идей, выражение которых является уделом узкого круга элиты: Бог, Церковь, король, соответствия между земным сообществом и Небесным Градом, — вот главные понятия, которые непрерывно питали работу интеллекта, лишь отдаленно связанного с материальной действительностью. Гораздо больше нам есть что сказать о Боге, в отличие от способа производства, ибо Бог и понятие о Боге являются определяющими, производящими сами структуры. Даже на расстоянии от той эпохи мы и сегодня должны трактовать и иногда принимать буквально терминологию сакрального. В этом, невзирая на изменчивость и скачкообразность, заключается глубинная целостность рассматриваемого нами периода, его единство под знаком священной монархии, — каковы бы ни были основания королевской власти у дюжины властителей,

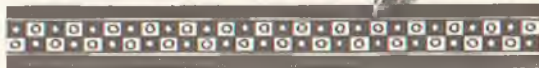

начиная с Людовика, уже Благочестивого, и кончая Робертом, тоже Благочестивым.

Как и в предыдущем томе, мы рассматриваем территорию, занимаемую современной Францией. Подобные разграничения не вполне уместны для IX—X веков, так как начиная с Верденского договора 843 года и до прихода к власти Гуго Капета в 987 году проявляются слабые черты постепенного формирования национальной идентичности. Не искажая контуров, попытаемся найти надлежащий выход из положения.

I
ВЕЛИКОЛЕПИЕ
ИМПЕРИИ
814 — 877
ГОДЫ

I

РАСТЕРЗАННАЯ ИМПЕРИЯ

814—843 годы

Разделять, дробить — вот правило. У франков королевская власть всегда использовалась именно так: раздел состояния между наследниками мужского пола. Каждый имеет право на свою долю. Семейным делом было наследование королевства, полномочий, богатств, исчисляемых людьми и землей. Именно отец семейства делит по справедливости. В 806 году в Тионвиле, следуя традиции своих предшественников, Карл Великий вступил во владение своим уделом, раздел которого, в свою очередь, вступал в силу после его смерти. Трое его сыновей — Карл, Пипин и Людовик — были уже королями, но не потому, что владели королевством, а потому, что являлись детьми короля. Коронация утверждала и освящала то, что передавалось из рода в род по наследству. Каждый из трех юношей получит, когда придет время, треть «империи, или королевства». О титуле императора и речи не было. Этим титулом определялся только сам Карл Великий. Императорский титул был сугубо личным делом и не переходил по наследству в династии Каролингов.

При разделе состояния Карл Великий не забывал и своих многочисленных дочерей, которые хотя и не наследовали королевскую власть, но тем не менее обладали царственной голубой кровью, были отмечены

Богом и выделены Им, чтобы вести свой христианский народ на пути ко спасению.

Но действительный раздел оказался отсроченным. Пипин, младший сын, умирает в 810 году. Карл — годом позже. Остался один Людовик. Теперь было легко объединить императорское достоинство и управление королевством в одних руках: в Ахене в 813 году по просьбе Карла Великого Генеральная Ассамблея признала Людовика, бывшего тогда королем Аквитании, августейшим императором и преемником Карла Великого.

1. НАД ЧЕМ ВЛАДСТВОВАЛ ЛЮДОВИК

В январе 814 года Людовик вступил на престол. Ему было тридцать шесть лет, и у него уже было три сына, не считая племянника Бернара, сына Пипина и короля Италии. Каким же было наследство Людовика? Напомним, что августейшая особа правит населением своей страны, которое в совокупности образует христианский народ. Империя, христианская по сути, с самого начала являлась понятием не территориальным. Император не обладал империей так, как своей земельной собственностью. Он лишь управляет империей, ведет ее, согласно Божественному промыслу. Пусть будет христианская империя, Римская империя, но при главенстве франкского элемента. В подобном случае династия Каролингов чувствует себя как дома.

В огромном конгломерате, созданном Карлом Великим, выделим центральное ядро, сопредельные королевства и периферийные земли. То, что является сегодняшней Францией, состояло из трех областей. Прежде всего, это Франкия, старое королевство Пипина Короткого, простирающееся от Луары до Эско, от Мёза до Рейна, включая Бургундию, а также более отдаленные Прованс и Септиманию. Здесь находились лучшие силы королевской налоговой администрации, самые близкие и преданные сторонники, как светские,

так и церковные. Христианство, за редким исключением, имело здесь наиболее глубокие корни.

Среди сопредельных княжеств хорошим примером служила Аквитания, также как, впрочем, Бавария и Италия. Римское влияние сохраняло здесь отчетливые следы, и франкам жилось там плохо. Начиная с 781 года Карл Великий стремился сделать Аквитанию королевством, введя в ней управление, хотя и формальное, своего сына Людовика, почти еще младенца. На юге, между Гаронной и Пиренеями, находилась Гасконь, отдаленная окраинная провинция. Слабо христианизированные, гасконцы были плохо управляемыми, несмотря на то, что их вожди в начале IX века клялись королю в верности и получили от него право занимать государственные должности. Еще более эксцентричными были бретонцы. К западу от городов Ренн и Ванн франки и ступить не осмеливались. Местные князья, особенно некий Морван, демонстрировали свою агрессивную независимость и требовали создания прохода, военного гласиса, который был поручен Карлу Юному, старшему сыну Карла Великого.

Кто же занимал наиболее важное место из всех этих народностей в эпоху, когда к власти пришел Людовик? За недостатком документов невозможно сказать что-либо о тех, кто находился на юге Луары. Мы можем вернее судить о плотности населения на севере, так как мы располагаем десятками описей IX века, хотя и не всегда полных, касающихся королевского и особенно церковного деления территории. Концентрация крестьянства была довольно значительной, даже чрезмерной в сравнении с развитием сельских структур. Зоны с высокой плотностью населения — Иль-де-Франс, Пикардия, Фландрия, Шампань, Лотарингия, — были хотя и ограниченными по масштабам, но наиболее развитыми. Впрочем, обжитые территории все равно были гораздо меньшими, почти ничтожными в сравнении с лесами, покрывающими большую часть земель. Плодородие почв тоже распределялось неравномерно. Но, насколько нам известно, сельское хозяйство суще-

етвенно. «Пустыни» были, несомненно, скорее правилом, чем исключением. Люди в подавляющем большинстве были привязаны к земле, которая кормила их, хотя и плохо. Они обрабатывали землю или собирали на ней плоды: широко были распространены охота и рыбная ловля. Собираение и расхищение — вот основные формы эксплуатации земель. Крестьяне были совершенно не оснащены в техническом отношении: лопата, заступ, просто голые руки — такие орудия труда, если можно так выразиться, были эффективными на песчаных почвах. Распашка земель, о чем свидетельствуют скорее документы, нежели археологические раскопки, производилась редко. Нищее сельское общество: мало орудий труда, мало скота, удобрений, низкая урожайность, мало или совсем нет — ни на юге, ни на севере камней для постройки домов. Также и мало денег, невзирая на настойчивые усилия Карла Великого ввести торговый обмен с использованием денег и, главное, организовать контроль за их обращением, за взиманием налогов, так как наличность могла привести к несправедливостям и беспорядку. Серебряные монеты служили в основном для уплаты оброка. В принципе король довольно долгое время держал монополию на чеканку монет. Это было атрибутом его королевской власти и гарантией качества сделок. На местных рынках, которые начали развиваться в начале IX века, господствующей формой был натуральный обмен. По наземным и водным торговым путям в более отдаленные края везли рабов, лошадей, соль, вина, пергамент, благовония, ценные металлы — а таковыми являлись все, — богато выработанные ткани. Император заботился о торговцах — евреях и фризах, как они часто именуются в текстах, и защищал их. Пример тому — распоряжение Людовика Благочестивого в 828 году. Дворянство, как светское, так и церковное, тоже обеспечивало себя товарами. Церкви и монастыри, к примеру, являлись активными потребителями импортных продуктов, начиная с заальпийских территорий, портов Средиземноморья и Север-

ного моря — таких, как Кентовик. В Провансе, в устье и вдоль реки Мёз, вблизи центров потребления под охраной властей насаждались постоянные точки торгового обмена и периодически устраивались ярмарки. Однако не стоит переоценивать этот процесс, хотя он действительно происходил. Он еще не был связан с развитием городов, совсем незаметным в IX веке. Если же город и существовал — а он действительно существовал, — то ради других целей.

В начале IX века город как таковой не определялся количеством населения. Вокруг крупных монастырей — Сен-Дени или Сен-Рикье, — поблизости от дворцов, загородных резиденций королей — вроде Аттиньи, Кьерзи, Компьень — начинали возводиться хижины и домишки, становясь жилищем для сотен человек. Так возникали поселения, деревни, располагаясь вблизи от богатых мест, где осуществлялось широкое потребление и перераспределение продуктов труда — на королевском или графском дворе, в монастырских братствах.

Совершенно иным был город, воспроизводящий двойную модель Рима и Иерусалима, земного и небесного. Такой город узнавался сразу, даже по развалинам, используемым подчас как карьер, вроде того, откуда добывал камни архиепископ Эббон, чтобы обновить собор в Реймсе: укрепить двери и часть башен. Такой город пришел из глубины веков, от истоков истории, потому что он был отмечен древнеримским присутствием. Античный облик сообщал городам особую ценность. Неважно, каких они были размеров и сколько в них оставалось жителей: Бове, Саплис, Амбрен, может быть, едва достигали тысячи жителей. Но здесь царила наиболее древняя и устойчивая власть, пережившая всевозможные политические изменения: институт епископства. Там, где епископ, там и город, дающий свое имя окрестным землям. Граф или король останавливаются в городе лишь от случая к случаю. Епископ же находится в нем постоянно, всю свою жизнь. Вокруг епископа образуется сообщество: каноники, писцы, один или несколько школьных учителей,

деятельные набожные вдовы, ремесленники, готовые смастерить все необходимое для отправления культа, — в общем, круг людей, достаточный для того, чтобы поддерживать не только пастора, но и должностное лицо, представляющее каролингскую власть на местах и часто имеющее превосходство над графом. Собор, который застала каноническая реформа Хродеганга из Меца, школа, резиденция епископа — так происходило формирование самой сердцевины города, совокупности окрестных церквей, городских и пригородных монастырей. Наиболее престижные, деятельные и выгодно расположенные епископства достигали размеров настоящих городов в античном понимании этого слова: несколько тысяч жителей в Реймсе, Пуатье, Лионе, Нарбонне; может, более десяти тысяч. Однако эти цифры приблизительны и неточны для Меца или Парижа, где с особой силой проявлялись связи между королевской и церковной властью.

Город пользовался большой славой как поставщик товаров, вдохновитель производства и обмена, центр мирского и духовного руководства, источник знаний и умений, место, где можно укрыться от опасности. В иконографии город занял значительное место. И как бы ни был он слаб в материальном плане, все же городской элемент, доставшийся от римской цивилизации, сохранял немаловажную культурную значимость. Институт епископства был важнейшим организующим началом не только внутри Церкви, но и для всего общества в целом. Город и его иконография сохранялись в самом сердце западной цивилизации, хотя он стал меньше по размерам, пришел в упадок, зарос лугами и полями, и каменных строений в нем почти не осталось.

2. ДОСТОИНСТВА ПОРЯДКА

К Небесному Граду, обители единого Бога, как описал его св. Августин, христианский народ должен идти упорядоченно.

Единство, упорядоченность — вот ключевые понятия нового императора Людовика. Личность Людовика Благочестивого просматривается менее явственно, чем его окружение, которое давало ему советы, принимало вместе с ним решения о том, что нужно народу. О том, что хорошо, что благоприятствует на пути к общему спасению, что каждый занимает свое место. И эти различия, необходимые иерархические структуры обеспечивали стабильность и пезыблемость общества в целом.

Как только Людовик вступил на престол, он тотчас же занялся этим упорядочением. И для начала произвел чистку своего окружения, родственников, освобождаясь от вековых наслоений: многочисленны́е сестры императора были отправлены в монастыри для укрепления их целомудрия, а их любовники были удалены от королевского двора. Женщины с неопределенным положением, ведущие себя двусмысленно, живя на содержании у вельмож, были изгнаны. Очистив дворец от женщин и связанных с ними удовольствий, Людовик превратил его в ризницу Божественного храма, стремясь к чистоте, к которой Церковь с переменным успехом пыталась призвать мирское общество, слишком падкое на плотские утехы. Так не явился ли император связующим звеном между миром и Церковью? Такое связующее положение Людовика, более выраженное, нежели у его отца, и более осознанное, конкретизируется в церемонии его коронации. Разумеется, Карл Великий своей властью провозгласил сына императором в 813 году. В то время императорский титул и не требовал иного подтверждения или освящения. Однако Людовик, несомненно, ощущал потребность в более прочном духовном узаконивании своих прав. Так, осенью 816 года в Реймсе он получил благословение вместе со своей супругой Ирменгардой от престарелого папы Этьена IV, который спешно совершил это путешествие, чтобы заручиться поддержкой самого могущественного в мире человека. И Людовик действительно предпринял необходимые меры, с тем

чтобы обеспечить независимость института папства. Начиная с 816 года в особенности было признано, по крайней мере косвенно, что восшествие на престол должно сопровождаться помазанием, совершаемым папой. Глава Церкви извлекал большую выгоду из нового порядка.

Присутствие Церкви, ее влияние: эти признаки различимы повсюду. Императора больше уже не сопровождают знатные аристократы, родственники или друзья — Вала, Адалард или Ангильберт. Остатки его окружают более серьезные персоны: священник Элизахар, монах Бенедикт, — которых он знал и возвысил еще в бытность свою королем Аквитании. Бенедикт, в юности звавшийся Витиза, был сыном лангедокского дворянина, гот, как говорили, исполнявший обязанности графа в Магелонне. Привлеченный монашеской жизнью, он основал в своем родовом поместье в Аниапе общину по уставу и во имя св. Бенедикта, чье имя он взял себе. Устав бенедиктинцев тогда был гораздо больше распространен в Италии, чем в королевстве франков, где в равной степени использовались и другие уставы, и в частности Колумбана, — подчас в искаженном виде. В некоторых же монастырях соблюдение устава было сведено практически к нулю. Кроме того, оставалось много странствующих монахов, аскетов или лишь слывающих таковыми, они переходили из монастыря в монастырь и всячески избегали контроля. Единение и дисциплину надо было еще укреплять. Став императором, Людовик приблизил к себе реформатора монастырей Геллон, Сен-Савен, Массай и многих других на юге Луары. В Индене, неподалеку от Ахена Бенедикт возглавил общину, призванную стать образцовой в исполнении нового устава. Между 816 и 818 годами по инициативе Бенедикта, которого Людовик поставил «во главе всех монахов своей империи», созывались церковные соборы и генеральные ассамблеи, например, в Ахене в 817 году; они вырабатывали положения, предназначенные для регламентации и унификации под покровительством св. Бенедикта мо-

нашеской жизни, для организации каноников в настоящие общины согласно правилу св. Хродеганга, а в более общем плане — для упорядочения и очищения церковного мира, становящегося моделью для мира светского, который Церковь обязана была окормлять и вести за собой. Короче, повсюду назрела необходимость реформ, возвращение к чистым истокам, возврат, основанный на чтении св. Августина и св. Бенедикта о том, что есть Царство Небесное и его земные отражения, — а особенно на чтении биографа св. Бенедикта — папы Григория Великого. Первейшей необходимостью стало как для духовенства, так и в неменьшей степени для императора упорядочение отношения к Богу. Процесс единения и очищения, начатый верховной властью, похоже, возбудил волну сопротивления. Так, духовенство в Сен-Дени наотрез отказывалось следовать строгостям монастырского устава. Для них не было ничего привлекательного в том, чтобы заниматься физическим трудом, как предписывал устав бенедиктинцев, служить всенощные бдения и отказывать себе в некоторых удовольствиях своего времени, даже совсем невинных. Таким образом, усилия императора и его советника на деле имели слабый эффект, тем более что в 821 году Бенедикт умер. Вместе с тем в процесс реформирования включились лучшие из аббатов и епископов. Они руководствовались как добродетелью, так и чистым интересом. Реформированная, унифицированная, освобожденная, насколько это возможно, от подчинения светским властям, Церковь только выигрывала в плане могущества и влияния: обновленная монастырская община была вправе требовать возврата изъятых богатств, получить право неприкосновенности, лучше управлять приходом, расширять свою деятельность за счет увеличения пожертвований. Епископ, возглавляя корпус хорошо организованных каноников, мог эффективнее контролировать вверенных ему чад. Иерархи галло-франкской Церкви, деятельные и сильные, хорошо осведомленные о своих правах и обязанностях, опира-

ющиеся на прочные унифицированные структуры, были способны дать отпор светским властям. Так как они пользовались доверием короля, как это обстояло с Людовиком, то они могли также внушить ему свои представления во имя Промысла Божьего, чьими законными и естественными истолкователями они являлись.

Так, Агобард, архиепископ Лиона, был одним из тех, для кого единение в вере воплощалось в единстве народов, возглавляемых императором. Различие национальностей и юридических прав служило препятствием на пути к необходимому и желаемому единству христианского мира.

Единство — вот самое неотложное. И император хорошо понимал это. Случай или, скорее, Провидение призвало его вершить судьбами всей империи, этого уникального единства. Он уже больше не «собиратель» королевств — король франков, лангобардов, аквитанцев и пр. Взойдя на престол, он провозгласил себя «августейшим императором». Править империей, объединенной по религиозному признаку, — не то же самое, что управлять королевствами. «Христианская республика, христианская религия» — вот обе стороны монеты, на которой отныне изображен храм. Эти понятия, отшлифованные и оправленные, словно драгоценные камни, духовными лицами из императорского окружения, стали превосходить реальность гражданского общества. Если Церковь едина и вечна, то почему бы империи, являющейся опорой Церкви, не иметь таких же качеств?

Здесь идеология столкнулась с реальной силой вещей. Сам Людовик был единственным потомком мужского пола и преемником умершего императора. Однако у него было трое сыновей королевского происхождения и равноправных по своему положению. Что же станет с империей, с порядком, когда наступит дележ наследства? Едва свыкнувшись со своей ролью, Людовик уже начал проявлять беспокойство. Конечно, традицией раздела пренебречь нельзя, а тем более упразднить ее совсем. Император и его советники

думали по крайней мере о смягчении удара, могущего скомпрометировать или разрушить незыблемое основание империи. Противники неделимости действовали совершенно сознательно. Свидетельством тому является конституция, выработанная и обнародованная в Ахене в течение лета 817 года на генеральной ассамблее. Уже в самой ее пресамбуле записано следующее: «верные», то есть главным образом светские вельможи, просили императора «с самыми преданными чувствами» определить права наследования его престола заранее, досрочно, поделив состояние поровну между его сыновьями, «в соответствии с традицией наших отцов», — то есть согласно принципу «раздела империи» Карла Великого в 806 году: раздел наследства максимально справедливый, между детьми мужского пола, стоящими на службе Богу и христианскому народу.

«Разделять» — это слово приводило в трепет церковных иерархов. Разделить империю — не означает ли это то же самое, что расчленить тело Христово? Раздел обозначит трещину в здании единой империи, через которую просочится зло, и тогда брат восстанет на брата, а сын — на отца. Один Бог, одна Церковь, одна империя — вот главное начало, долженствующее преобладать над всеми остальными. Не разделять и разъединять, а упорядочивать, гармонизировать: империя, вверенная единому Богу, управляемая Его Церковью, во имя спасения всего христианского народа.

«Вдохновленный Божественной силой», Людовик первый из Каролингов, как бы почтив память своего предшественника и предка Хлодвиг, первого христианского короля франков, подтверждает: «Ни нам, ни нашим праведным советникам» — сразу видно влияние определенной группы — «не представляется возможным из любви к нашим детям разрушить единство империи, которое Бог сохраняет нам во благо. Мы не хотели бы также нанести ущерб св. Церкви и подорвать ее могущество, на котором покоятся права всех королевств в целом».

Таким образом, конституция 817 года не разделяет: она организует. Лотарь, старший сын, провозглашался императором и единственным наследником империи; Пипин сохранял за собой Аквитанию, королем которой он был уже три года; самый младший, Людовик, получал большую Баварию. Отсюда видно, что раздел коснулся лишь периферийных районов франкского королевства, а ядро оставалось неделимым. Более того, когда Лотарь сменит на престоле своего отца, то будут ограничения независимости отдельных королей, вынужденных подчиняться верховной императорской власти — в частности, в военной и дипломатической сферах. Главное же соединительное звено империи — в том, что братья Лотаря не смогут вступить в брак без его согласия. Наконец, в случае смерти одного из трех братьев новый раздел наследства не предусматривался: необходимо было только определить единственного наследника усопшего. Если же умрет Лотарь, то вельможи должны будут испросить Божьего благословения на то, чтобы узнать, кто из двух оставшихся братьев должен будет заменить короля во имя «сохранения единства империи».

Это навязываемое сверху единство подавляло многие традиции, интересы и обычаи. Реальной силой обладали еще и клановые связи, и этническое родство. После возвышения Элизахара и Бенедикта назначение вестгота Агобарда архиепископом Лиона пришлось не по вкусу франкской аристократии. Ее негодование вызвало и назначение Эббона с его темным происхождением на должность архиепископа в самом знатном городе — Реймсе. «Упорядочение империи» ставило аристократию перед необходимостью определиться по отношению к всевозможным перестановкам. Принцип единства поселил смятение в умах, особенно среди мирян, от которых ускользали побудительные причины действий императора. Император, будучи военачальником, судьей и благодетелем, перемещался также в разряд фигур божественных. Однако, создав за три года своего правления процедуру собственного насле-

дования, он поставил себя в положение, которое стремились упразднить либо ожидали его упразднения. Не в этом ли главные причины, толкнувшие в конце 817 года итальянского короля Бернара к восстанию? По правде говоря, мы ничего не знаем об этом событии. Факт в том, что конституция 817 года нигде не упоминает об Италии, поэтому племяннику императора было из-за чего беспокоиться. Не стал ли Бернар игрушкой в чужих руках, жертвой злой воли людей из старого окружения Карла Великого? На это как будто указывали и репрессии лично со стороны Людовика: Орлеанский епископ Теодульф, старый соратник Карла Великого, был низложен, а сводные братья императора были отправлены в монастырь. Что же касается Бернара, то ему, согласно еще долго сохранявшейся практике, выкололи глаза, что привело к скоростижной смерти. Итальянское королевство осталось под непосредственным управлением двух королей. Единство было спасено и даже укреплено.

Все чаще созывались генеральные ассамблеи — зримый символ единения христианского народа. Весной в Неймегене, осенью 821 года в Тионвиле участниками собрания была принята присяга на верность новому порядку. Лучшие из монастырей перешли под королевскую опеку и покровительство, превратившись в могущественную опору монархии. Императорская канцелярия была активной как никогда, повсюду распространяя законодательные акты, грамоты и дарственные. Людовик посылал проповедников Евангелия за пределы своей империи и предлагал креститься не только князьям, но и целым народам, таким, как скандинавские, остававшиеся еще язычниками.

Поистине великолепное и грандиозное сооружение представляла собой христианская империя в первой трети IX века: император Людовик в окружении мудрых аббатов и епископов, руководимый Высшей Силой, уверенно ведет бесчисленное братство верных по пути ко спасению. С этим не могла сравниться ни одна земная власть. Подобное владычество, будучи явным

знаком Божьего благоволения, достигалось молитвой и милосердием, а не силой оружия. Привлечь милость Божию на народы, которых доверило императору Провидение, — вот в чем заключалась его миссия, как ее сформулировала для Людовика Церковь. Его уделом больше отныне не были захватнические войны и обогащение. Главная цель теперь — согласие, мир, слава Божия и слава служащих Богу.

По этому пути Людовик продвинулся далеко. Будучи несомненно виновным в пролитой крови Бернара и его союзников, в тревоге за установление мира и согласия, император расточает дары и делает жесты примирения: возвращение из ссылки Адаларда Корбийского и Вала, признание своих сводных братьев — Дрогон при этом получает сан епископа в Меце, — нарочито усугубленное раскаяние, известное под названием «Всеобщего покаяния в Аттиньи». Действительно, на ассамблее летом 822 года Людовик публично исповедовал свои грехи и призвал аристократов последовать своему примеру. Эта демонстрация смирения, стремление к святости должны были очистить империю от ядовитых испарений. Динамика предшествующего периода правления уступила место статичному созерцанию уже созданного. Распространение христианства, казалось, приняло всеохватывающие размеры. Завершились завоевательные походы, которые каждую весну укрепляли связи между князем и его боевыми спутниками. С войны против язычников возвращались тогда увенчанные славой, захватив богатую добычу. И если король имел нужду в деньгах, он мог без стеснения завладеть богатствами Церкви, которую он крепко держал в своих руках и использовал в интересах своих приближенных. Однако теперь настало время, когда скорее Церковь держала императора под своим контролем. В этом вся суть христианского Запада: здесь нет больше места насилию. Обогащение былых времен сменилось эпохой щедрых даров, приносимых Богу. Эрмольд Черный в своем стихотворении к императору Людовику признавался: «Все, что накопили его предки

и Карл Великий, он раздал бедным и Церкви». Широко творя милостыню, Людовик изымал деньги на это из все скудеющей казны. Что же касается светских вельмож, то им предписывалось поведение в духе набожности и самоотречения, по примеру епископа Ионы Орлеанского, смастерившего все эти зеркала для князей, с тем чтобы они созерцали в них добродетели, необходимые для их собственного спасения.

3. СИЛА ВЕЩЕЙ

Но жизнь века требовала иного. Так, и сам император, овдовев, предпочел жениться в 819 году на молодой и красивой Юдифи, привлекательной представительнице могущественного семейства Вельфов, обладающего всевозможными богатствами, почестями и властью. В июне 823 года в этом втором браке, более удачном, родился сын Карл. Наведение порядка в империи в 817 году не устоит. В самом деле, рано или поздно нужно будет выделить часть наследства и Карлу, наряду с Людовиком и Пипином. Юдифь и другие заинтересованные лица следили за этим. В убытке оказывался Лотарь, который только что стал императором: коронация состоялась в Риме, в присутствии папы Паскаля. Вся вторая половина правления Людовика Благочестивого объясняется в основном вторжением этого смущающего фактора, которым стало само существование Карла. Этот биологический и династический факт обнаружил, как при помощи умственных конструкций пытались замаскировать реально существующие личные взаимоотношения, связь интересов; требование эффективной власти над людьми и желание сохранить свои богатства восторжествовали над духовными целями. На христианском Западе 820—830 годов политическое единство принадлежало миру постоянно возвращающихся символов. Этот символ циркулировал по мере необходимости. На самом деле защитник единства и прочности империи, император

Людovic практически вернулся к идее раздела королевств, тогда как Лотарь, другой император, объединил вокруг себя сторонников наведения порядка, задуманного в 817 году. К нему примкнули Вала, аббат в Корби, Гильдуин, аббат Сен-Дени, епископы Агобард Лионский, Иона Орлеанский, Исайя Амьенский, Варфоломей Нарбоннский, Эббон Реймский, культурная и ученая элита.

Определим главную тенденцию тех сложных изменений, которые происходили между 825 и 840 годами: это прежде всего усиление духовного влияния церкви, стремящейся контролировать все общество в целом, включая правителей, королей, императора, великосветскую знать. Четыре больших церковных собора, состоявшихся в 839 году в Майнце, Лионе, Тулузе и Париже, были тому ярчайшим подтверждением. Власть духовная наступала на власть мирскую: епитимья, наложенная на Людовика — императора, временно лишенного своих нрав, — в аббатстве Сен-Медар в Суассоне, осенью 833 года Эббоном Реймским, довела эту тенденцию до крайности, против чего выступили некоторые аббаты, как, например, Рабан Мавр из Прюма. Появлялись хрупкие оппозиционные коалиции против Людовика Благочестивого: они действовали во имя Карла, с одной стороны, или Лотаря и его братьев — с другой. Положение оппозиционеров укреплялось по мере того, как их поддержки все более настойчиво искали. То были крупные королевские чиновники, готовые разменивать свою клятву о верности. Начиная с 826 года в связи с походом против сарацин, угрожавших Барселоне, появляются, с одной стороны, графы Матфрид Орлеанский и Гуго Турский, приближенные Лотаря, а с другой — Бернар Септиманский, крестник Людовика Благочестивого, и Эд, родственник Бернара. Гуго и Матфрид, не спеша помогать Бернару, выступили как предатели, и Людовик сместил графа Орлеанского, передав его полномочия Эду. Бернар, хороший военачальник, был повышен до королевского казначея. В окружении Людовика он пользовался

большим влиянием благодаря близкой дружбе с его женой Юдифью, — очень близкой, как шептали вокруг. Такие знатные вельможи, обладающие воинскими почестями, и крупные земельные собственники, — кому они служили, кому были преданны? Определенно, императору; но тогда было два императора, чьи интересы не совпадали. Более того, эти вельможи, находясь в Аквитании, были подданными короля Пипина, в Баварии — короля Людовика Немецкого. Вступая в должность, они присягали на верность. И сами принимали присягу от тех, кто в нижних эшелонах власти был под их покровительством и защитой. Но если в связи с территориальными изменениями внутри империи они переходили из одного подчинения в другое, находясь под властью разных королей, то понятие преданности делалось расплывчатым; клятвы менялись и обменивались, общественные и личные связи слабели, запутывались, исчезали. Нарастало смятение, и каждый служил тому, кто казался ему наиболее полезным с точки зрения собственной выгоды, кто предлагал надежные гарантии и щедрые дары. В таких условиях каждый был волен выбрать себе хозяина. В 829, а точнее, 831 году Людовик Благочестивый изменяет условия раздела наследства, вводя в долю юного Карла Лысого. «Упорядочение империи», которому Людовик требовал присягнуть своих вельмож, было разрушено. Во имя имперского единства Агобард чутко реагировал на недовольство «множеством противоречивых присяг», то и дело требовавшихся от подданных, и упрекал императора: «Вы не должны трогать конституцию. Вам не удастся изменить ее безнаказанно, не подвергая опасности спасение вашей души». Но даже прежде своей души Людовик уже рисковал своим телом: в июле 833 года на поле Менсонж преданные императору люди дезертировали и перешли в стан его сыновей, рассчитывая на большую выгоду. Людовик, Юдифь и Карл оказались в заключении. Их выпустили через несколько месяцев, и после своей коронации в 838 году Карл получил земли между Мезом и Сеной, к

которым после смерти Пипина он присоединил еще и Аквитанию, отвоевав ее у Пипина II, сына умершего. А в июне 840 года император погиб в промежутке между двумя битвами против своего сына Людовика. При содействии его сводного брата Дрогона тело Людовика было перенесено в собор св. Арнуля в Меце — Арнуля, знаменитого предка этого необычного рода, судьба которого казалась еще далекой от завершения.

После смерти отца — смерти желаемой — братья остались втроем. На востоке — Людовик, на западе и на юге — Карл; каждый из них жаждал сохранить свою долю в целостности и неприкосновенности, а возможно, и увеличить ее. Лотарь же хотел получить все. Разве он не был тогда единственным императором? Он хотел стать таким, как его отец и дед. В его владении был Рим, Ахен — семейные ценности империи. В лучшем случае он мог оставить Баварию Людовику, а Аквитанию Карлу, которую, впрочем, требовал их племянник Пипин. Между тремя братьями начинается ссора. «Распря, стычка» — такие слова можно найти в повествовании историка этих событий, Нитгарда, который был одновременно их участником и очевидцем. Интересная фигура этот Нитгард: внук Карла Великого, светский аббат из Сен-Рикье, как и его отец Ангильберт, он был одним из редко встречающихся, практически последних светских лиц, владеющих книжной культурой. Этот знатный аристократ, абсолютно преданный Карлу, описывает империю до 814 года как волшебную страну величия и единства. Несогласие братьев приводит его в ужас. По его мнению, грех лежит на Лотаре. В самом деле, вместо того чтобы сражаться в открытую, он виляет. Лотарь безбожно обманывает преданных ему людей. Провозгласив свое господство, напоминает Нитгард, он пообещал сохранить за каждым долю отцовского наследства и даже приумножить ее. Однако он повел себя так, чтобы переманить к себе приближенных своих братьев — Людовика и особенно Карла. Тех же, кто отказывался изменить присяге и перейти на его сторону, начиная с

самого Нитгарда, он лишал почестей. Многие из дворян поддавались искушению — такие, как Гильдуин, аббат из Сен-Дени, и Жирар, граф Парижский. «Подобные им предпочли, словно рабы, скорее забыть о долге и нарушить присягу, чем хоть на миг расстаться со своими богатствами». Происки Лотаря приводили к отступничеству в стане неприятеля.

Но даже если Нитгард и возмущен таким поведением, все происходило именно так, потому что тогдашние князья были наиболее уязвимыми в плане своей материальной заинтересованности, а Людовик и Карл тоже пользовались этим. Сманить их подданных означало лишить их как бы лучшей части самих себя. Ибо фигуры королей были не столько индивидами, сколько представляли собой общественный институт, средоточие общественных связей. То же самое относилось и к графам, маркизам, аббатам, которые по долгу службы обязаны были вершить правосудие, взимать налоги, собирать войско для защиты королевства. Все это требовало приложения усилий. И главное, за счет своих владений, фамильных связей, переплетающихся подчас по всему Западу, должностные лица образовывали собой группы, без поддержки которых князь ничего уже не мог предпринять, а менее всего — выступить против них. Взгляните на графа Адаларда, сенешала Людовика Благочестивого. Последний, как жалуются его кузен Нитгард, ни в чем тому не отказывал. Адалард использовал кредит доверия, чтобы удовлетворить свою алчность и алчность своих родственников. «Он советовал королю то дать больше прав частным лицам, то раздать общественные доходы; король же, отвечая на всякие прошения, совершенно разорил государство». Адалард привлек на свою сторону множество единомышленников и оказался таким образом вне конкуренции за власть. Карл Лысый хорошо знал это. В период ожесточенного соперничества, когда Лотарь поручил ему контролировать вельмож, он дошел до того, что влился в группу Адаларда, женившись в декабре 842 года на племяннице графа Эрментруде.

Этот брак был своего рода сделкой между двумя сторонами: с одной — Карл, предполагаемый властитель западных франков; с другой — влиятельная династия, выходцы из Германии, где были их владения, а их могущество простиралось и на запад: парижский граф Жирар, присягнувший на верность Лотарю, был братом Адаларда, чья сестра, мать Эрментруды, вышла замуж за Эда Орлеанского, умершего в 834 году, у которого, в свою очередь, был брат, граф Блуа, умерший вскоре за ним. Все эти могущественные фигуры и их вассалы, в общем-то, не представляли собой ничего особенного. Да и цены на услуги росли. Лотарь, получив доступ к имперским сокровищам и к королевским налогам, располагал таким образом большими средствами для переманивания, чем оба его брата. Тогда Карл, сплотивший во время своих походов вокруг себя аквитанцев, нейстрийцев и бургундцев, заключил союз с Людовиком против Лотаря. Коррупции и обману были противопоставлены своего рода оружие и клятвенное братство. Речь шла о судьбах империи, христианского Запада и в конце концов всего мира: божественное и человеческое переплелись друг с другом. Чтобы распутать этот клубок, предстоит, как обычно, сражение, а потом переговоры. 25 июня 841 года в Фонтенуа-ан-Пюизе Людовик и Карл, преисполненные самых благочестивых намерений, отбили атаку Лотаря. Битва между братьями была до крайности жестокой. Случай исключительный в истории средневековых войн; битва скорее напоминала об античных временах, когда люди, знакомые между собой, убивали друг друга сотнями. Психологическое и моральное потрясение было огромным. Наконец, император и его свита обратились в бегство. Бог указал, на чьей стороне право. По крайней мере, победители поспешили себя в этом уверить. Ведь среди убитых оказались все же их друзья, родственники, христиане. Как же это получилось? Чтобы смыть позорное пятно, обратились в сторону Церкви: епископы, по зрелом размышлении, стали уверять, что «битва велась ис-

ключительно во имя торжества справедливости», а чтобы умиловить Бога и очистить человеческие души, был объявлен трехдневный пост.

Поверженный Лотарь не отказался от своих притязаний и вскоре вновь вторгся в королевство Карла. Тогда Людовик и Карл объединили свои войска в Страсбурге и 14 февраля 842 года обменялись клятвами, дошедшими до наших дней и представляющими в основном лингвистический интерес. Торжественные слова были произнесены о Боге, братьях и сеньорах. Слова «император», «короли», «королевства» не употреблялись вовсе. Личное, частное — вот что в 842 году обладало реальной силой.

И над этими силами короли все больше и больше утрачивали контроль. «Корольки», — как сетовал дьякон Флор из Лиона. Действительно, на чем держалась военная тактика и политическая стратегия Карла Лысого, ищущего сильной власти? На его кавалерии: лошади устали, у лошадей не хватает корма... Фураж — вот главная забота внука Карла Великого, короля франков и аквитанцев, у которого не было под рукой даже сменной рубашки. Королевство за коня!

4. НЕОБХОДИМЫЙ РАЗДЕЛ

И за геополитический порядок тоже. Действительно, когда после боев наступило время переговоров, три брата, собравшись на берегу Соны, неподалеку от Макопа, решили в июне 842 года заключить мир и поделить империю на «возможно равные части». Сто двадцать экспертов, каждая треть из которых назначалась одним из королей, собрались в октябре в Кобленце, с тем чтобы приступить к разделу. Заметно, пишет Нитгард, что ни один из них не имел «ясного представления о размерах империи в целом». И только после длительных выяснений в начале августа 843 года в Вердене братья пришли к окончательному соглашению. Как пишет Нитгард, речь шла не столько о

разделе территорий, сколько о разделе епископств, аббатств, графств и налоговых округов, с людьми и землей, правами и доходами.

Раздел Франкского королевства на три части вызвал различные толкования, тем более что текст договора не сохранился до наших дней. О линиях границ лучше сможет рассказать карта напротив, составленная на основе более поздних известных договоров, нежели пронумерованный список географических названий. Наиболее крупные ученые-историки пришли сегодня к общему мнению о том, на каких принципах был осуществлен раздел: каждый из братьев получил значительную часть наследия Каролингов. Лотарь — земли между Льежем и Ахеном, Людовик — между Франкфуртом и Вормсом, Карл — между Ланом и Парижем, и в частности Аттиньи, Кьерзи и Компьень. Таким образом, каждый имел во владении часть исконных земель франкской династии. Кроме того, количество отошедших к каждому из братьев епископств и графств было примерно равным. Наконец, в общих чертах были учтены богатство и владения великосветской знати. Традиционным правилом стало следующее: все почести и блага исходят только от короля и только королю присягают на верность. Вполне вероятно, что в связи с этим произошли некоторые перемещения подданных: например, некоторые аристократы, имеющие владения в Германии, предпочли перейти на службу к Карлу.

Играли ли роль языковые различия? Трудно ответить на этот вопрос отрицательно. Без сомнения, каталонцы и фламандцы не понимали друг друга так же, как гасконцы и бургундцы. Но непосредственные вассалы Карла, особо приближенные к нему и имеющие власть в его королевстве, говорили — и можно предположить это с уверенностью — на романском языке. Об этом языке, порожденном латынью, или скорее древнеримским, и о его состоянии в середине IX века мы почти ничего не знаем, кроме нескольких слов из присяги в Страсбурге, которые цитирует Нитгард со

ссылкой на Людовика. Нам известно только, что этот язык существовал, как существовало и германское наречие, уже восстановленное.

В Вердене были достигнуты независимость и паритет королей и их королевств. Лотарь сохранил за собой титул императора, что еще больше укрепило позиции старшего брата, хотя титул этот был вместе с тем сугубо номинальным и личностным. Он уже не имел значения для империи как для политического и даже идеологического единства, а еще меньше — в системе управления ею, — так как император контролировал теперь лишь треть того, что раньше было империей. Флор, лионский дьякон, сетует на это: «Имя и слава империи утрачены. Некогда единые, королевства теперь растерзаны на три части».

Будучи отныне на равных, три брата успокоились. Они обещали друг другу помощь и поддержку во имя франкского и христианского единства, к которому каждый из них сам принадлежал, — во имя внутреннего мира и внешней безопасности.

У духовных лиц был повод для жалоб. Вслед за ними могли сетовать и историки, говоря о крахе унитарного государства, столь желаемого Карлом Великим и поддерживаемого Людовиком Благочестивым, — будто бы раздел непременно означал ослабление и упадок. В действительности же речь шла как раз об обратном. Гигантский конгломерат, который представляла собой империя, в территориальном отношении — от Байонны до Магдебурга, от Беневенто до Фризии, — не имел никакого смысла ни в этническом, ни в культурном, ни в политическом плане. Только христианство являлось объединяющим началом. Но какова была в средние века доля истинно христианского населения? Верденский договор, окончательно закрепив разделение империи на ряд независимых королевств, стал первым шагом на пути к гармонизации политической организации общества с экономической и социальной реальностью. Чтобы достичь еще большего равновесия, нужно было предпринять целый ряд других шагов.

Чрезмерное раздувание империи Каролингов требовало более реалистического основания. Королевства, разделенные по Верденскому договору, также оставались раздутыми. В мире, где личные связи служили основой для социальных и политических отношений, эффективность управления зависела только от умеренного самоограничения. Энергичность правления Карла Великого и начала правления Людовика Благочестивого, когда франки выступали в роли завоевателей, увлекаемая за собой светскую и духовную элиту, долго маскировала собой пропасть между идеями и реальностью. Однако во второй трети IX века время экспансии миновало. В самом государстве и на его границах короли перешли к обороне. Наступило восстановление западного общества в более узких пределах, на основе ограниченных объединений. И это восстановление требовало времени и постепенности. В течение тридцати четырех лет Карл Лысый утратит контроль над своей частью империи, полученной им в 843 году. Несмотря на большие усилия и кратковременные успехи, он никогда не достигал полного и всеобъемлющего управления своим королевством.

2

КОРОЛЬ, КОТОРЫЙ УМЕР ИМПЕРАТОРОМ

843—877 годы

Отныне мы в основном будем рассматривать правление Карла Лысого и его преемников в Западнофранкском королевстве на протяжении полутора веков. Каролингская империя являлась лишь воспоминанием. Но поскольку она была воспоминанием, ее присутствие реально ощущалось, владело помыслами короля и его приближенных, в особенности духовных лиц. Любое общество эволюционирует, и люди раннего Средневековья продвигались вперед, оглядываясь непрестанно на события прошлого, как на модель, от которой немислимо оторваться. В середине IX века империя развивалась в идеологическом направлении. В этом качестве она сохранялась как могущественная реальность, даже если она более уже не была таковой. Оставались навязчивые идеи об утраченном единстве, о необходимости его восстановления.

Подобное чувство было тем более неотвязным, что на практике-то уже действовали разъединяющие силы.

1. ОБЩИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ЭПОХЕ КАРЛА ЛЫСОГО

Было ли королевство Карла совсем непрочным? Иными словами, произошло в 843 году рождение Франции или же нет?

Это вопрос серьезный и тем более не анахроничный. Им задавались довольно рано еще средневековые историки. Дело в том, что доля Карла, несмотря на политические потрясения и династические превратности, никогда впоследствии не дробилась на части: ею владело всегда одно лицо, какой бы ни была природа его власти.

Терминология той эпохи оставалась расплывчатой, унаследовав античные определения. Аббат Луп Феррьерский в своей переписке 830—860 годов заявляет, что, проплыв по Рейну с востока на запад, он вернулся к себе на родину. Заслуживает внимания его конкретное отношение к лингвистическим различиям. Географические названия известного ему мира — Италия, Германия, Галлия. Франки населяли последние две страны. Однако название «Франкия» у него не встречается, в отличие от Нитгарда, который локализует Франкию в границах Луары и Рейна, объединяя таким образом древние Нейстрию и Австразию — остававшиеся в употреблении названия.

Центр притяжения нового королевства располагался ближе к западу, несмотря на усилия Карла Лысого вернуть себе восточные территории, откуда была родом его семья и где покоем его славный дед Карл Великий. В то время опорные точки королевской власти находились в Лане и Орлеане, Реймсе и Париже, но главным образом в Сен-Дени, чье значение, особенно идеологическое, все возрастало. Это были наиболее благоприятные владения короля Карла: здесь размещались его многочисленные дворцы, здесь же были его лучшие епископы и аббаты, его преданные вассалы. Здесь крепла обновленная законная власть Каролингов, даже если область между Мёзом и Рейном и имела большее историческое значение. В середине IX века Западная Франкия находилась на стадии становления. Не будучи еще нацией или государством, она по крайней мере существовала как таковая. Длительное правление Карла Лысого позволило этой сущности обрести имя и лицо, если не облечься плотью.

Рассмотрим перипетии правления Карла. В Рождество 875 года он стал императором. Коронация состоялась при участии папы Иоанна VIII, в римском соборе Св. Петра — самом священном месте христианского Запада. Умер же император почти через два года, в возрасте пятидесяти четырех лет.

Чтобы разобраться в клубке событий, ограниченных рамками летописных источников, кратких и скудных на подробности, я остановлюсь на некоторых основных, на мой взгляд, положениях: королевская власть и аристократия, светская и церковная; управление королевством; давление со стороны внешних противников. Разумеется, все эти элементы были перемешаны и влияли друг на друга. К ним можно также прибавить взаимные притяжения и отталкивания между членами каролингской династии, властвующими над другими западными королевствами, а также процесс наследования престола.

Столь важный период, о котором существует достаточно много документов из королевской канцелярии — собственно единственного источника, а также из Церкви, описывался с привлечением весьма значительных аргументов: рождение феодального общества и в то же время усиление королевской администрации, раздробленность и в то же время объединение Западной Франкии, ослабление Церкви и в то же время контроль над королевской властью со стороны епископов, воинственные набеги норманнов и в то же время развитие экономических и особенно культурных связей, расширение влияния папства и в то же время возникновение галликанства.

Что можно добавить к сказанному?

Особенно много документов и фактов не требуется. Следует принимать во внимание географические и культурные особенности, ведущие к хронологическим неувязкам: королевская администрация играла главную роль в Шампани и Пикардии, в то время как в Руэрге она и не показывалась, и графы больше уже не отчисляли в королевскую казну обязательную долю

налогов и штрафов. Положение в разных областях было различным, в зависимости от того, имелись там королевские владения или же нет, и вознаграждались ли подданные за их услуги или нет.

Следовательно, различные территории и слои населения развивались неравномерно. В действительности участь подавляющего большинства населения оставалась неизменной: разве для мужика имело какое-то значение, от кого он зависел юридически, на кого он работал и кто пользовался плодами его труда? В общем при наличии нюансов, тенденция состояла в следующем: административная система Каролингов в конце VIII века испытывала большие трудности. Но те, кто ей служил, и те, кто ею пользовался, были не одни и те же. Должностные обязанности исполнялись группами, чаще всего принадлежащими к одному и тому же роду, живущему на этой земле, и распределялись между доверенными лицами. Скандинавская угроза, столкновения между Карлом Лысым и его братьями и племянниками усилили стремление дворян к автономии. Королевская власть и ее функции тоже претерпели изменения. Король все больше должен был — и, несомненно, желал — вступить в сделку со своей аристократией. Большие права и престиж королевского престола уравнивались и обязанностями перед своими подданными и особенно перед Церковью. Король Карл, невзирая на оскудение государства еще при отце, все же сохранил за собой большие богатства: его многочисленные наследственные имения простирались между Луарой и Мёзом, а также в Бургундии и Септимании. Так что ему было что раздаривать, хотя и в меньших объемах, чем прежде. С другой стороны, уплата пошлин и штрафов еще существовала и находилась в ведении короля, хотя из-за его уступок существенно сократилась. Наконец, в королевском распоряжении были доходы епископств и особенно аббатств, таких, как Корби, Сен-Медар в Суассоне, Сен-Мартен в Туре, Сен-Кантен и прежде всего Сен-Дени, где сам Карл состоял светским аббатом. И

он широко пользовался богатствами Церкви, продолжая здесь старую традицию, прерванную лишь правлением Людовика Благочестивого. Он изымал церковные богатства с тем, чтобы щедро наградить преданных ему людей или чтобы удовлетворить притязания норманнов. В эпоху его правления выросло число светских аббатов: это было главным желанием членов королевской семьи — особенно младших и побочных детей, а также дворянства.

2. ВОЗВЫШЕНИЕ АРИСТОКРАТИИ

Итак, был король, дворяне, среди которых следует различать аристократию светскую и духовную, хотя и не противопоставляя их друг другу, тем более что епископы и аббаты тоже имели светские интересы и образ действий, представляя свой род в лоне Церкви.

Король, дворяне... О них все больше и больше упоминают исторические тексты, и в цитировании их имен иногда сложно разобраться. В пользу дворянства король поступает своими собственными интересами, и в политической расстановке сил дворяне приобретают все большее значение и вес.

Передача и сохранение за собой постов и имен — вот вокруг чего ведется вся игра: узнать, кто именно поддерживает короля, кто имеет поддержку в своем клане, получить графские привилегии, с доходами, именьями, властными полномочиями — все эти земли, льготы, в обмен на которые король может заручиться верностью влиятельных особ, становящихся его вассалами. По меньшей мере до конца IX века как в умах, так и на практике явственно сохранялась разница между графскими почестями и вассальными привилегиями. Одни — вознаграждение за исполнение общественного долга, другие — компенсация за личную активность. В реальности же смятение усиливалось. Ведь то, что однажды попало в руки главы рода, уже так и оставалось в одних руках: ему все труднее было

с этим расставаться. Унаследование полученных имений, присвоение полномочий членами одной семьи — в таком русле происходило развитие, начиная со второй трети IX века, охватывая три-четыре поколения, распространяясь на различные провинции и социальные слои.

Правление Карла Лысого стало предвестником этих процессов. В связи с этим следует обратиться к двум немаловажным документам, несчетное число раз комментируемым в историографии, датируемым — один началом, а второй — концом этого правления.

Осенью 843 года Карл еще не полностью вступил во владение своей долей наследства, полученной по Верденскому договору. Он сражался на западе с княжеством непокорных бретонцев. До того, как зима рассеяла сражающихся, все князья — а именно из северной Луары — собрались на переговоры на вилле Кулен, поблизости от Мана. Они обсуждают, оценивают, взвешивают общие интересы. Лучше всего умели заставить слушать себя церковные лица, и прежде всего епископы, могущие надлежащим способом придать любому человеческому соглашению гарантии вечности. В итоге от имени всего собрания был составлен текст, который отправили на подпись королю. Стабильность, спокойствие — вот главные понятия, встречающиеся уже во введении к договору, связывающему короля и аристократов воедино. Король, «священный орден духовенства» и «светская знать» заявляли о том, что они выступают вместе, сообщая, как одно сердце, один голос. Не следует думать, что дело касается просто стилистического клише, скрывающего истинное соотношение сил. Все сознавали, что общие дела могут идти успешно только при условии, что каждый получит ему причитающееся: Церковь — почет и богатства, как в благодатные времена императора Людовика; Карл — «достоинство королевской власти, преданность и послушание подданных»; епископы и велико-светские вельможи призывались помочь королю «советом и поддержкой», — весьма многообещающая формулировка!

Со своей стороны Карл отказывался от ошибок молодости и изъявлял готовность не лишать беспричинно кого бы то ни было почестей, обещая «сохранить за каждым, независимо от рода и звания, его законные права». Все будут следить за тем, чтобы король в империи родственных и дружеских связей не совершил какого-нибудь неверного шага, недостойного его сана.

Как обычно, этот «договор» стремился восстановить старые порядки. Ничего нового здесь не происходило. Договор освящал нерасторжимость связей между королевской властью и аристократией. В нем указывалось, что король не имеет права лишить графа его титула из чистого каприза. Долгу службы и послушанию подданных должно было соответствовать и уважение их собственных прав. Решения, принятые в Кулене, свидетельствуют об этом: король — это одновременно и сеньор, вассалом которого является граф. Незыблемость сана и должностей, их наследование, возможно, были уже заложены в основе такого порядка.

В таких взаимных обязательствах, в соблюдении чести и справедливости епископы были одновременно судьями и подсудимыми: стоя наравне с графами и даже выше их по своему положению, они в большинстве своем, похоже, являлись королевскими вассалами, даже если некоторые из них и испытывали сомнения, когда присягали на верность кому-то иному, кроме одного Господа Бога. Именно церковные лица в Кулене сформулировали и зафиксировали в договоре отношения между королем и аристократией. Именно они активнее других требовали гарантий и защиты против посягательств светских властей на их права — причем начиная с самого короля, который постоянно изымал средства у аббатств и епископств для вознаграждения своих подданных. На протяжении всего правления Карла епископы и аббаты постоянно будут требовать — и иногда получать обратно, — узурпированные церковные богатства. Переписка аббата Лупа Феррьерского содержит многочисленные сетования па этот счет;

чтобы подкупить графа Одульфа, Карл Лысый в 842 году отобрал у аббатства Феррьер владения в Сен-Жоссе. В 845 году аббат писал королю: «Уступая уговорам тех, кто не боится обогащаться, отбирая у Бога, вы снесите удовлетворить пожелания мирян». Лупу пришлось ждать еще шесть или семь лет, чтобы получить назад свои владения. Другие могущественные друзья стоили королю еще дороже, и собратья Лупа наверняка никогда уже больше не вернули себе свои владения. В целом отношения между королем и дворянством определялись так: услуга за услугу. А разве когда-нибудь бывает иначе?

Формулировки договора в Кулене должны пониматься буквально. Они уточняют случаи, в которых король не имеет права лишать аристократию почестей. Взамен этого признается безусловным право короля назначать на должность и снимать с нее, и он пользовался этим правом на протяжении всего своего правления, особенно в первой его половине: в Нанте, Мане, Анжере, Отёне графские титулы множество раз меняли своих владельцев. Когда дворянское семейство выполняет перед королем все свои обязательства, то во имя чего же лишать его привилегий, особенно если дворянские графства расположены далеко или находятся в невыгодном и опасном соседстве? Право назначать на должность епископов принадлежало исключительно Карлу, хотя, естественно, здесь проявлялась игра влияний и различных сил, а также периодическое и все более усиливающееся вмешательство пап. «Missi», особые уполномоченные — главное учреждение предшествующих властителей — существовали в отдельных провинциях еще и в 860-е годы. Но это была местная знать, занимающаяся теперь своими обязанностями только в своей области. Далекие от того, чтобы контролировать графов, они лишь дублировали их деятельность. Теряющая гибкость, держащаяся на посредничестве — так эволюционировала общественная система в правление Каролингов. Между королем и народом формировались институты власти, все более тесно свя-

зывая группы и отдельные кланы посредством королевской службы и земельной собственности. Вместе с тем этот процесс в эпоху правления Карла не завершился, ибо тот оставался великим властелином и крупным князем, которому, несмотря ни на что, оставалось преданным все его королевство.

14 июня 877 года в Кьерзи, Карл, отправляясь в Италию, в последний раз собрал своих дворян. Оставим на миг все то, что имело политическое, династическое и дипломатическое значение, чтобы уяснить себе, к какому же соглашению пришли король и знать на период отсутствия монарха. Нужно было решить вопрос и о вакантных должностях на королевской службе. Что касается епископств и аббатств, то назначенное архиепископом лицо становилось временно исполняющим обязанности и действовало в сотрудничестве с графом, до того как король пожалует новый титул. Также и епископ мог участвовать во временном управлении графством, в союзе с местным должностным лицом.

Наиболее примечательно то, что в этом установленном порядке особое значение придавалось сыновьям королевских служащих. За ними признавалось естественное — если не юридическое — право быть преемниками своих отцов по службе и наследованию имений. Точно так же обстояло дело и с детьми королевских вассалов. В обоих случаях король официальным назначением подтверждал это наследование. Подобные меры носили характер исключительности и временности. В то же время они демонстрировали постепенное укоренение передачи должностей и богатств по наследству, усиливая путаницу в сфере государственных почестей и частных льгот. Наконец, право вмешательства графов в дела епископской администрации тоже не осталось без последствий. Все же контроль над епископствами — важный элемент правления Каролингов — ускользал из-под власти суверена. Крупные аббатства, обладающие земельными богатствами, их воины, их духовное влияние, ради которого

их и содержали, — все находилось в подчинении местным властям: ими же назначались графы и аббаты. К 860 году аббатства Сен-Мартен в Туре и Мармутье, Сент-Обен и Сен-Лезен в Анжере, Сен-Симфорьен в Отёне, Сен-Илэр в Пуатье находились во владении знатных династий и даже передавались по наследству. Королю оставалось лишь узаконить эту практику, ибо в ней он первый же подал пример. И он не стал вмешиваться в процесс наследования, чтобы не усугубить кризиса власти.

3. ЭПОХА КРИЗИСА

Кризисов на Западе в Каролингскую эпоху было предостаточно. Некоторые из них шли королю на пользу, большинство же — в ущерб. Единство королевства, которое так стремился поддерживать Карл и воинственными набегами, и подкупом, под влиянием центробежных сил начинало рассыпаться. Сложности обнаружились в самом начале правления. В Аквитании Пипин II, племянник короля, при поддержке Бернара Септиманского, отказался признать верховную власть за Карлом. В 844 году Бернар был схвачен и обезглавлен, однако Пипин, чьи сторонники разбили королевскую армию возле Ангулема, где Гуго из Сен-Кантена, побочный сын Карла Великого, и Нитгард встретили смерть и где томился в заточении Луп Феррьерский, — именно там Пипин в 845 году утвердил свою власть над Аквитанией. Однако, видя неспособность Пипина защитить их от норманнов, аквитанцы перешли на сторону Карла, коронованного в Орлеане 6 июня 848 года. То, что аквитанцы, то есть несколько десятков знатных дворян, епископов и аббатов присягнули ему на верность, сомнению не подлежит. Был ли Карл только королем Аквитании? Так называемая «Хроника аббатства Сен-Берген», находящаяся тогда у епископа Труа Прудепция, едва ли более определенна в этом вопросе. Главное заключалось в том, что Карл все же

был коронован. Будучи королем уже давно, он никогда не был им на деле. То, что Карл был помазан Венилоном, или Ганелоном, архиепископом Санса, чья кафедра в то время была самой престижной в Галлии; то, что церемония происходила в Орлеане, на границе Франкии и Аквитании, в центре наследственных земель Карла, — все это показывает, что сама коронация в политическом и идеологическом смысле выходила за рамки одной только Аквитании. В доказательство тому напомним о коронации Карла, старшего сына короля, в 855 году, на этот раз ставшего властителем одной Аквитании. К этому времени даже если Пипин II до самой своей смерти в 864 году не переставал нарушать спокойствие, главенство Карла Лысого на юге Луары больше не ставилось под сомнение.

Иначе строились отношения с бретонцами. Их власти признавали зависимость от предшественников Карла Лысого. Но система власти Каролингов, не выходя за пределы восточных границ, практически не распространялась на Бретань. Графские обязанности — там, где они существовали, — исполнялись местными магнатами. Дополнительные сложности заключались в том, что бретонские епископы зависели от архиепископа Тура — города, весьма отдаленного как в географическом, так и в политическом отношении. Франки никогда по-настоящему не жили в Бретани и желали только одного: чтобы бретонцы там и оставались. Соперничество различных провинций внутри страны долгое время оставалось опасным. Кроме того, в середине правления Людовика Благочестивого вождь Номиноз заставил признать свое верховенство над некоторыми народностями. Чтобы привлечь его на свою сторону, император около 830 года назначил его графом Вапна, а Бретань стала, хотя и фиктивно, его владением. Однако Номиноз на этом не успокоился. Вовремя заключив союз с группой Ламбера Нантского, который считал себя обобщренным Карлом, он пересек границу, которая, если верить Пруденцию и Лупу Феррьерскому, издавна разделяла земли франков и

бретонцев, то есть Вилен и Куенон. После набега на Ман Номиноз, назвавшийся «герцогом Бретани», наносит сильный удар по войскам Карла в Баллоне, возле Редона, в ноябре 845 года, — и Карл попадает к нему в плен. Потом последовало чередование войн и перемирий между королем и бретонским князем, который в целях формирования автономного и подчиняющегося только ему духовенства, по примеру Каролингов, отстранил от должности четырех из семи своих епископов и попытался сделать Доль архиепископской резиденцией. Тогда под руководством архиепископов Ландрамна Турского, Венилона Санского, Павла Руанского, Гинкмара Реймского на заседание синода в июле 850 года собрались двадцать два епископа Франкии и обратились к Номиноз с суровым предостережением, отождествив защиту Церкви с защитой королевства Карла, которому они оказывали активную поддержку, в отличие от некоторых светских изменников, как, например, Ламбера. После смерти Номиноз в следующем году, его сын Эриспоз, одержав еще одну победу над Карлом в Бесле, — где погиб, в частности, граф-аббат Турский Вивьен, — получил от короля в обмен на клятву в верности подтверждение своего бретонского господства, а также графства Рец, Нант и Ренн. Он вошел в систему и даже в семью Каролингов, так как его дочь обручилась с будущим Людовиком Заикой, получившим по такому случаю титул короля Нейстрии. Но он был убит в 857 году своим кузеном Соломоном, который наследовал его престол, что привело к нестабильности в районах Мана и нижней Луары. Соломон получил от Карла часть Анжу, Котантен и Авраншен. Его княжество достигло тогда значительных размеров, он именовал сам себя «князем всей Бретани и большей части Галлии». Вплоть до конца правления Карла бретонцы оставались непримиримыми. Князья их были настроены очень воинственно, Соломон купался в роскоши. Хотя бретонцы были открыты франкскому миру и имели крепкую опору в своих монастырских традициях — это особенно каса-

ется аббатства в Редоне, основанного в 832 году Конвуайоном.

На востоке владений Карла династические переплетения вселяли надежду на более заманчивые перспективы. С 843 по 855 год трое Каролингов, преемники Карла Великого и Людовика Благочестивого, поддерживали довольно тесные отношения, хотя дело не обошлось без потрясений и давления со стороны местной аристократии, особенно епископов. Но отношения сохранялись, словно поверх политических и территориальных разделений идеологическое и даже биологическое наследие франков оставалось неделимым. Этот принцип, названный в текстах «братством», «согласием», нашел воплощение во встречах трех королей в Юце в октябре 844 года, в Мерсене в феврале 847 года и в мае 851 года — там прославлялось согласие королей-братьев и их подданных на благо общего франкского единства. Ни слова не было об «империи» или «императоре», чей титул носил Лотарь.

К концу лета 855 года старый император почувствовал приближение смерти и начал приводить в порядок свои дела, будучи правителем разумным и предусмотрительным. Бог не обделил его сыновьями, и он отдал Людовику, старшему, королевство Италию с императорским титулом впридачу, — императором Людовик стал с 850 года; среднему, Лотарю, достались лучшие франкские владения: от Фризии до Юра, с центром в Ахене, и к тому же Лотарингия; Карл же, эпилептический ребенок, который в будущем, как полагали, вряд ли произведет на свет потомство, — получил Прованс, которым на деле управлял Жирар, граф Лионский и Вьеннский. После раздела император, под бременем тягот и лет, удалился умирать в Прюмский монастырь, — смерть наступила в первый же осенний день. Теперь вместо трех правящих Каролингов стало пять королей с таким же количеством королевств, и даже больше. На этом окончился и период братства: братья, дяди, племянники соединялись и разлучались в неустойчивых группировках. На-

иболее грозный кризис разразился в 858 году, когда на Карла Лысого восстал Людовик Немецкий; также и в 856 году, вследствие воцарения юного Людовика Заики в Нейстрии, из-за разных мотивов династического соперничества и королевского управления графствами в этих землях запротестовала многочисленная партия аристократов. В 858 году она уже восстала открыто. Ее возглавили Роберт Сильный, граф Тура и Анжера, владделец влиятельных аббатств и прославленный военачальник, — и Венилон, архиепископ Санский. С ними выступили графы Эд Орлеанский и Адалард Парижский. Естественно, Пизин Аквитанский воспользовался случаем, чтобы подлить масла в огонь. Это восстание, как с огорчением повествуют церковные тексты, сопровождалось разбоем и грабежами, как будто не хватало норманнских набегов. Именно этот момент, когда Карл был втянут в борьбу с последними, и выбрал Людовик Немецкий для вторжения в королевство своего брата в августе 858 года по призыву мятежников. Вскоре он захватил Шалон-сюр-Марн, затем Санс, наконец, Агтины — традиционную резиденцию западнофранкских королей. Венилон — предатель Ганелон в эпосе — проложил ему дорогу. Он был единственным епископом, примкнувшим к Людовику. Зато светская знать в основном присягнула на верность старшему сыну династии, оставшемуся от первого брака императора Людовика Благочестивого и чуждому клану королевы Юдифи. Чтобы заручиться поддержкой, пусть временной, Людовик прибегнул к привычному способу: он начал раздаривать, как сообщает «Хроника аббатства Сен-Бертен», графства, монастыри, королевские земли и владения. Карл Лысый укрылся в Осеруа, в семье своей матери, Вельф. Тем временем свершилось главное: Людовик созвал в Реймсе ассамблею, которая должна была закрепить законность его власти. Франкские епископы под руководством Гипкмара Реймского отказались в ней участвовать. Они заявили, что их господином, кроме Господа Бога, остается только Карл. Они анализировали поли-

тическую ситуацию на удивление трезво и рассудительно. «Те, кто сегодня тебе улыбается, — пишут они Людовiku, — получив от тебя желаемое, будут улыбаться другим, когда ты окажешься на смертном одре, чтобы получить от них то, что раньше получали от тебя; но может случиться и так, что они предадут тебя еще при твоей жизни». Из этого ясно видно, что епископат являлся наиболее прочным костяком каролингского государства, вернее, того, что еще оставалось от него. Не будучи прямо заинтересованными в семейных связях или земельной собственности соперников, епископы имели право говорить открыто и призывать к миру и единству. И без их признания и благословения Людовик ничего не мог добиться. Более чем когда бы то ни было Карл мог опереться именно на них, на Гинкмара, первого среди епископов после измены Венилона. Уже в начале 859 года Карл сумел обратить в бегство своего старшего брата. Каким был его следующий шаг? Одарить преданных ему людей именениями и аббатствами. Роберт Сильный вновь приобрел и даже увеличил свои владения между Сеной и Луарой.

4. АПОГЕЙ ПРАВЛЕНИЯ

На исходе этого затяжного кризиса основы королевской власти и государственного устройства обнажились еще более явственно. Прежде всего, франкский епископат, под руководством выдающегося Гинкмара Реймского, деяния которого определили развитие всей третьей четверти века, все более усиливал свое влияние на общество; епископы не только определяли ориентиры управления и давали им оценку, но и выполняли за короля некоторые его обязанности, — в частности, когда снова возник вопрос о достижении согласия между каролингскими князьями в 860—861 годах. И в дальнейшем можно увидеть, что каждый кризис сопровождался усилением значения епископата.

Вместе с тем, поскольку епископы неклись об общественном благе, они придавали королевской власти священный смысл. И это свойство оставалось преобладающим и усиленно защищалось самим Карлом. Король подавлял разгорающиеся мятежи, включая разногласия внутри собственной семьи со своим сыном Карломаном. И так как право было на его стороне, то он не гнушался применением грубой силы: Бернар Септиманский и его сын Гийом, Пипин Аквитанский, Гозбер Манский были уничтожены. Когда же место правосудия занимает личная прихоть, то есть когда дворяне замечают, что король выходит за рамки законности, то Карл уже никогда не сможет добиться своего. Пример? В 867 году, повествует «Хроника аббатства Сен-Бертен», некий Акфрид, возглавлявший аббатство Сен-Илэр в Пуатье и расточавший королю щедрые подарки, получил графство Бурж в обход его настоящего владельца Жерара. Король, будучи гарантом общественного права, поступил в этом случае незаконно. Действуя таким образом, он выказал неуважение к присяге, данной в Кьерзи в марте 858 года, когда он обязался «уважать и защищать каждого согласно лицу и званию, охранять его честь и безопасность, как должно королю, верному своим собственным подданным». Жерар не был поставлен в известность, поэтому он не преминул напомнить, что «служит королю верой и правдой». И право оказалось не на стороне короля. Графство определенно сохранялось за Жераром, и Акфрид не сумел захватить его. Хуже было бы, если бы подданные доброго графа Жерара на следующий же год схватили бы узурпатора и обезглавили его. Только в 872 году Карл Лысый сумел распорядиться Берри в пользу очень могущественного лица, своего шурина Бозона, уже владевшего северным Провансом и начавшего с тех пор свое стремительное восхождение вверх по иерархической лестнице. Но в 872 году Жерар, возможно, уже умер.

Король западных франков жаждал прибрать к рукам Прованс начиная со смерти императора Лотаря.

Его стремлением было захватить любой становящийся доступным кусочек Франкского королевства. С 861 года, когда были окончательно ликвидированы последствия мятежа 858 года, король посягнул на королевство своего племянника Карла Провансальского. Однако Карла вынудило отступить сопротивление влиятельного в этих краях графа Жирара Вьеннского, поддерживаемого архиепископом Гинкмаром Реймским, который сурово осудил удар по христианскому братству, тем более что аббатство Сен-Реми в Провансе, принадлежавшее Реймской церкви, могло быть в этом случае конфисковано Жираром. Также и в 863 году, после смерти Карла Провансальского, Карл ничего не смог добиться. Лучшую часть наследства — районы Лиона, Вьенна, Гренобля, Узе — получил Лотарь II, которому сохранил верность Жирар, будучи преданным и в 843 году его отцу.

Лотарь оказался удачливее других. Однако и он прошел через перипетии борьбы со своими дядьями. Вечный вопрос передачи королевств, возникающий с самого начала правления Каролингов, встал в эти годы и перед Лотарем. Однако в отличие от королей — родственников и предшественников, у него не было избытка законных наследников, скорее их недостаток. То, что называют разводом Лотаря — очень сложное и запутанное дело, — определило собой важный этап в развитии западнофранкского королевства, и прежде всего его территориальные изменения. Это был этапный момент в изменении правил игры на христианском Западе, где король западных франков в третьей четверти века обладал неоспоримым преимуществом.

О чем же шла речь? Лотарь II, как мы помним, получил после смерти отца лучшую часть центрального королевства, а именно северную, где находились могущественные аббатства — такие, как Прюм и Лобб; богатые епископства — Мец, Кёльн и Трир; наконец, сокровищница каролингского духа — Ахен, с его императорским дворцом и церковью. В 863 году он

увеличил свои владения за счет юга. И все же этот юный, энергичный король, окруженный преданными ему людьми из числа светской знати и духовенства, имел существенный недостаток: у него не было законного наследника. Конечно, сын у него был, — однако мать его была незаконной супругой — сожительницей Вальдрада. Настоящая же супруга, Тейтберга, была бесплодной. К несчастью, Лотарь в течение десяти лет пытался устроить так, чтобы законной королевой стала Вальдрада. Замысел был прост. Пипин Короткий, Карл Великий, Людовик Благодетельный, будучи в сходной ситуации, весьма преуспели: таковы были их влияние и престиж и таковы были нравы той эпохи, когда Церковь играла не столь заметную роль. Кроме того, разве родоначальник династии сам не являлся внебрачным сыном? Но уже в следующем поколении контроль Церкви над гражданским обществом усилился: мы еще вернемся в будущем к этому вопросу.

В 860 году Лотарь не мог обосновать законность своего личного хотения. Естественно, лотарингские епископы сделали все возможное: было установлено, что Тейтберга без ведома Лотаря вступила в кровосмесительную связь. Такое пятно аннулировало ее брак с королем. В 862 году Лотарь женится на Вальдраде и делает ее королевой. Их маленький сын Гуго становится наследником королевства и носит титул короля. На этом вопрос мог, должен быть закрыт. Семейные проблемы, в конце концов, оставались делом личным, и брак в IX веке и еще долго впоследствии среди князей, благословенных Церковью, не являлся таинством. Наконец, кровосмесительная связь Тейтберги со своим братом Юбертом, недостойным зачатанным аббатом из Сен-Морис в Агоне, в Вале, была очень даже правдоподобной. Тейтберга была не первой королевой, отпавившейся искупать свой грех, мнимый или действительный, в монастырь. Однако маневр не удался, ибо он выходил за рамки простого семейного дела. Гинкмар Реймский одним из первых вознегодовал и в 861 году занял позицию осуждения того, что он

заклеймил словом «развод», тогда как его лотарингские коллеги констатировали всего лишь недействительность брака. Гинкмар вступился за канонические принципы, которые на деле были весьма туманными. Говоря о Боге и Церкви, он в действительности защищал интересы своего хозяина, короля Карла, которому было безразлично наследие Лотаря: никаких законных наследников в его королевстве! Имелась также и семья Тейтберги — род, очень влиятельный в Италии, Бургундии и Лотарингии: старший брат королевы был аббатом в Горце, второй брат — Бозон, граф в Италии, третий — сомнительный граф-аббат Юберт, превративший свои монастыри в Юра в бордели, к чему совершенно лояльно относился Карл Лысый, который отдал Юберту даже аббатство Сен-Мартен в Туре — жемчужину франкской короны. Все перечисленные персоны, конечно же, восстали против Лотаря, при поддержке его брата императора Людовика II и при пристальном интересе к этому делу его дяди Людовика Немецкого. С обеих сторон в судьи призывался папа Николай I. И этот новый шаг был чреват последствиями. Прелат, потребовав от Лотаря отказаться от Вальдрады и взять обратно в жены Тейтбергу, использовал этот случай для усиления дальнейшего вмешательства в королевские дела и для укрепления своей власти над епископами. Однако короли и епископы не были расположены терпеть подобный диктат. Николай умер в 867 году, а Лотарь в течение двух лет оставался между двумя женщинами. Удача оказалась на стороне Карла, активно поддерживаемого своими епископами, в первых рядах которых были Гинкмар Реймский и некоторое время хитроумный Адон Вьеннский. В свои сорок пять лет Карл был самым энергичным из западных королей и самым предприимчивым. Все больше проявлялись в нем качества его прославленного деда и тезки, а также качества всего его рода, который по мужской линии восходил к Арнулу, святому епископу Меца. Именно в этот город, колыбель династии, и устремился Карл. Казалось, что

Лотарингия призывает его к себе. Верные епископы — Франкон Льежский, Арнуль Тульский, Адвенций Мецский — торопят его овладеть наследством Лотаря, его великолепным королевством, полным материальных и, главное, духовных благ. Только он один, по своему происхождению и прежде всего из своей личной способности управлять государством, достоин править Лотарингией. Его коронация состоялась 9 сентября в соборе Сент-Этьен, после того как Карл, приветствуемый дворянами, произнес торжественное обещание исполнять свои обязанности и заставлять уважать свои права.

Коронация 869 года и все речи, произнесенные на ней, были очень важными с идеологической точки зрения. Я вернусь к ним немного позже. Политическое, даже физическое внедрение короля западных франков в Лотарингию сделалось главным элементом западной системы. Именно здесь проходила тогда граница, пусть зыбкая, между Франкией и Германией. В августе 870 года Карл Лысый и Людовик Немецкий в Мерсенском дворце скрепили исчезновение Лотарингии, подружески поделив ее между собой. И если Карл должен был отказаться от Меца и Ахена, то он получал Льеж, Верден, Туль, Безансон, и еще впридачу Лион, Вьенн и весь правый берег Роны — территории, которые выпрашивал себе Лотарь II в 863 году. Император Людовик II и его ставленник папа Адриан могли активно протестовать против такого насилия, лишившего брата владений в пользу дядей; ничего не осталось из той доли, которой по Верденскому договору владел император Лотарь, старший брат, если бы не восточный Прованс и Италия, где Людовик II уже устал отражать набеги мусульман. Маркиз Жирар во Вьенне мог вполне отвергнуть соглашение, заключенное без его участия и согласия. 24 декабря Карл при поддержке епископов Реми Лионского и Адона Вьеннского вошел в этот город и отдал графства Жирара Бозону, сыну Бивена из Горца, вдовца, за которого он выдал сестру Ришильду в Ахене в начале года. Бозон и его клан были в зените своего могущества. Они далеко пойдут.

Действительно, без сомнения, этот год — 870-й — был даже важнее 843-го. Наследие Карла Великого после различных перемен в жизни наследников было разделено на две существенные части, и это разделение увеличится в последующие десятилетия: здесь — Франция, там — Германия. Оба эти образования были еще слабы, включали в себя другие королевства, некоторые из которых вскоре выйдут из-под власти Каролингов, разделившись, в свою очередь, на более или менее жизнеспособные княжества. И все же восточные и западные франки отдалялись друг от друга, идея превосходства единой империи были мертва, хотя ее и пытались еще неоднократно воплотить в жизнь: сам Карл пытался сделать это в течение пяти лет. Мерсенское разделение надолго закрепило границы западных территорий. И сегодня Карл Лысый действительно может называться первым королем Франции начиная с 870 года.

5. ОШИБКА ИМПЕРАТОРА

Конечно же, Карл Лысый хотел расширить границы своего государства. Однако его приближенные в то время стремились его удержать от этого, и в большинстве своем за ним не последовали. Те, кто был с ним в Орлеане в 848 году, в Меце в 869 году, во Вьенне в 870 году, — в Италию не пойдут. Им там нечего было делать, а тем более — самому Карлу.

Император Людовик II умер летом 875 года, не оставив после себя сыновей. Карл, самый деятельный из оставшихся в живых двух Каролингов, в течение многих лет являлся папским кандидатом на императорский престол; ведь именно папы освящают теперь титул императора — при условии, что претендент овладеет Итальянским королевством. Едва скончался Людовик II, как папа Иоанн VIII провозгласил Карла императором. Последний немедленно отправляется в Италию. Он разбивает Карломана, старшего сына

Людовика Немецкого, посланного задержать его продвижение в Италию, и 17 декабря вступает в Рим — как раз в тот момент, когда его брат был погребен в Аттиньи, во имя восстановления мира и справедливости, поколебленных амбициозными притязаниями Карла. Гинкмар, сетуя, что «наш король нас оставил», и что король никогда не посоветуется с окружающими, а также Бозон смогли успешно исправить пошатнувшееся положение, и Людовик через несколько недель обратился в бегство. Вдали, в соборе Св. Петра в Риме, король западных франков, воскресший Карл Великий, новый император на Рождество был помазан папой. Через пять недель в Павии некоторая часть итальянских дворян присягнула ему на верность. Доверив управление итальянским королевством Бозону, получившему должность герцога, Карл вскоре вернулся во Франкию. Он — император Запада; все его поведение, манеры, облачение подтверждают это. Таким он предстал перед своими подданными на генеральной ассамблее в Понтьоне в начале лета 876 года, где были утверждены римские и итальянские акты. И снова император Карл взял на себя ответственность за христианский мир, над которым он властвовал. Власть его была велика, но уже подходила к концу. На булле, которая имела хождение в императорской канцелярии, можно было прочитать: «Обновленная Римская и Франкская империя», — смесь старых формулировок, означающая, что империя расширила свои границы. Однако сами франки еще пока не почувствовали этого. Когда в августе 876 года умер престарелый Людовик, император вошел в Лотарингию, в Ахен — сердце тогдашней империи. В Кёльне он подписывает грамоту о «тридцать седьмом годе (своего) правления во Франкии, седьмом — в Лотарингии, втором — во всей империи и первой годовщине — в качестве преемника короля Людовика». Это было слишком. В начале октября Людовик, младший сын Людовика Немецкого, разбивает императорскую армию в Андернахе. Император поспешно отступает. Каким бы императором

он ни был, он прежде всего оставался королем Западной Франкии. Германия, Лотарингия были не для него.

Не оставил ли Господь своего избранника, окончательно допустив, чтобы он пошатнулся? Расширение границ накладывало на императора непомерные обязанности. Он чувствовал это, и еще больше — его окружение. В начале 877 года папа закликает его поспешить на защиту Рима от мусульман. Рим — Церковь, апостолы, эпицентр христианского мира — находился в смертельной опасности. Первейший долг императора, сама природа его священной власти обязывали его отразить удар. Карл, ослабевший, подавленный, но преисполнившись чувства долга, отправляется в Италию. К концу лета — он в Павии, вместе со скрывавшимся от преследователей папой. Однако вместо врагов Христа он встречается лицом к лицу со своим племянником Карломаном. К осени Карл совершенно обессилел. Все вокруг него разваливалось. Италия, империя — все было потеряно. И даже во Франкии начались волнения. Наряд Карла Великого оказался ему не по плечу. Еле-еле пошел он в себе силы для отступления. Но далеко Карл не ушел. В Морьенн, в простой хижине, 6 октября 877 года он испустил последний вздох. Ему было пятьдесят четыре года, из которых тридцать семь лет было отдано деятельному и весьма примечательному правлению. Но и самое примечательное и грандиозное терпит провал. Он покинут своими приближенными, оставлен Богом, как об этом свидетельствовало зловоние от его разложившегося трупа, так что при перевозке его упрятали в бочку, засмолили и обернули ее кожей. Весть о смерти императора, быстро распространившаяся во Франкии, усилила смятение и разожгла пастоящий торг за право наследования престола. Из четырех сыновей Карла выжил только Людовик, прозванный Заикой, тридцати одного года, хилый и болезненный.

Однако Карл еще раньше предпринял последние предосторожности. 14 июня на королевской вилле в Кьерзи, как обычно вот уже многие годы, состоялась

генеральная ассамблея. Подобные ассамблеи были остоном каролингской системы, демонстрируя расстановку сил вокруг короля и служа единственной законодательной инстанцией правительства. Там собирались и совещались самые влиятельные, рассудительные и просвещенные лица со всех концов империи: епископы, аббаты, графы; они составляли окружение своего короля, к тому же и императора, живую опору Франкского королевства. Какую же помощь оказали они Карлу? С виду решительные, советы давались, похоже, без особого удовольствия и носили по сути осторожный, оборонительный характер. Что же касалось почестей и привилегий, о чем я говорил выше, то сохранение королевской династии было в центре внимания. Решения были также приняты касательно конкретного функционирования административного аппарата. Ключевым положением было следующее: чтобы никто не шлохнулся до возвращения императора из Италии. Но стоило Карлу уехать, как все случилось как раз наоборот.

Генеральная ассамблея в Кьерзи и капитулярий, который за ней последовал, были практически последними в Западпофранкском королевстве. Больше уже никогда аристократия королевства не соберется для того, чтобы обсудить общие интересы Церкви и народа. Вспышка каролингского всемогущества осыпалась в Кьерзи последними догорающими огоньками — по образу и подобию золота и мрамора церкви Сент-Мари в Компьене, освященной несколькими днями раньше, — превосходной копии, созданной по желанию Карла с императорской капеллы в Ахене.

Знать не пошла навстречу императору, и это было характерным признаком: Бозон, граф Прованса, Гуго Аббат, граф Нейстрии, Бернар, граф Оверни, другой Бернар, граф Готии, — все воздержались. Несомненно, они не ощущали себя ни солидарными, ни ответственными за судьбу империи, центр которой сместился в Италию, на восток. Они осуждали Карла особенно за то, что тот, поглощенный делами империи в целом,

опустошает церковные и светские владения во Франкии, то есть в той доле наследства, которую он получил в 843 году. А кому нужны мечтания о всемирной миссии, когда беда приходит в центральные земли западного королевства? Одержимый своими идеями, Карл, перед тем как отправиться освобождать Италию будто бы от мавританцев, заплатил норманнам выкуп в пять тысяч фунтов серебром, чтобы они покинули долину Сены. И снова он требует денег, к возмущению крупных земельных собственников, которые должны расплачиваться из своего кармана. Вести переговоры вместо того, чтобы воевать... Как тут не порадоваться скандинавским варварам и дьяволу вместе с ними, как тут не осмелеть еще больше?

6. НОРМАННЫ НАПОСЛЕДОК

Пришло время перейти к норманнской агрессии, когда потомки Карла Великого в Западной Франкии расплачивались по счетам, пытаясь определить, что же осталось от самого королевства с исчезновением наиболее знаменитого из этих потомков.

Активная агрессия викингов на Западе отмечает собой все правление Карла Лысого и даже его преемников вплоть до начала X века. Точные формы и особенно реальные последствия этих неистовых вторжений различить сложно. Достоверно то, что они совпали с изменением структуры общества франков и управления им. Агрессия подтолкнула и ускорила эти процессы, обнажила образ действия и степень осознанности ситуации. Центробежные силы, почти с самого начала раскачивающие каролингскую систему, проявлялись все больше. Под воздействием ударов извне рухнули засовы. Действительность поколебала идеологические и политические построения. Возросло стремление к разделению и обособлению.

Сегодня уже больше не верят в то, что набегги норманнов, а еще менее мусульман на юго-востоке

разрушили королевство франков. Точно так же не верят на слово и тем, кто рассказывает всякую всячину о поведении варваров. Подобные авторы, разумеется, были духовными лицами, и в большинстве своем монахами. А именно епископальные церкви и особенно монастыри расплачивались больше всех за норманнское нашествие. Сверх того, риторика всегда преувеличивала размеры бедствия, с тем чтобы доказать одновременно и глубину греховности людей, и силу святых, единственно могущих остановить разбойников. На самом деле основной литературный материал, повествующий о катастрофе, содержится в рассказах о чудесах и о перенесении мощей святых. Прибавим к этому, что разорительные грабежи норманнов служили иногда поводом для монастырей в их просьбах о дополнительных привилегиях или земельных владениях к королевским властям. Исчезновение в огне архивов какого-нибудь аббатства таило в себе не только одни неприятности. В действительности разбой был гораздо менее очевидным. В Пикардии, богатой королевскими налоговыми службами, образцовыми монастырями и престижными городами, как отмечает Робер Фоссье, из пятидесяти пяти документов, известных с 835 по 935 год, только два констатируют ущерб, нанесенный норманнами. И даже Гинкмар Реймский в своем капитальном труде весьма немногословен на этот счет. Итак, помимо упомянутых мною агиографических текстов, лучший из которых — «Перенесение мощей святого Филибера», составленный монахом Эрмантером из Нуармутье около 850 года, — только два автора служат источником обильного и традиционного цитирования: это Пасказ Радберт, аббат в Корби, и его жалоба 860 года, и описание осады Парижа Аббоном из Сен-Жермен-де-Пре в 886 году. В остальном упоминания о норманнах, в основном хроникальные, сухи, кратки и немногочисленны.

Начиная с 830-х годов и в особенности в 840 году приморские области от Фризии до Адура, долины Соммы, Сены, Луары, Гаронны периодически подвер-

гались набегам норманнов. Равнинная страна, но-видимому, не пострадала. Да и что можно было награбить в крестьянских хижинах? Конечно, корм для лошадей, ибо норманны, пришвартовавшись к берегу на своих кораблях, приучались к кавалерийским переходам; провизию для людей, которую они добывали в окрестностях своих лагерей. Но что прежде всего искали варвары, так это драгоценные металлы. И они находили их там, где хранились главные ценности всего королевства: в церквях городов и аббатств. Древность этих церквей, их слава и священные реликвии казались вне досягаемости какого бы то ни было осквернения. Однако начиная с 840 года осквернения все же происходят. Вот что поражало умы людей. Первым пал Руан — в 841 году. Затем настала очередь портового города Кентовика, Нанта, Сента, Бордо в 848 году. На следующий год были сожжены некоторые знаменитые церкви Парижа. Та же участь постигла в 853 году Сен-Мартен в Туре.

Начиная с 856 года норманны наступают все более решительно: снова атака на Париж, затем — Шартр, Эврё, Байё, Бове, Анжер, Тур, Нуайон, Амьен, Мелён, Мо, Орлеан, Перигё, Лимож и множество крупных аббатств: Сен-Вандрий, Сен-Валери, Сен-Бертен, Сен-Жермен-де-Пре в 861 году; Сен-Сибар в Ангулеме, Сен-Илэр в Пуатье, Флёри-сюр-Луар в 865-м... Через несколько лет настала очередь Сен-Жери в Камбре, Сен-Васта в Корби, Сен-Рикье. В долине Роны, а вскоре и в альпийских предгорьях участились набеги мусульман. В частности, многочисленным атакам подвергся Арль. Несомненно, грабежи и насилия, разорения, производимые норманнами, были частью тех бедствий, которые обрушились на христианский Запад со смертью Карла Великого. Войны между королями, соперничество между феодалами, мелкие и крупные грабежи — все эти разбойные действия, о которых все больше упоминается в исторических документах, способствовали возникновению атмосферы постоянного насилия. В конце концов норманны нарушили правила

игры: 24 июня 843 года в воскресный день на св. Иоанна в Нантском соборе во время богослужения норманнами был убит епископ и духовенство, а также часть прихожан, причем кровь пролилась над алтарем — несмываемое пятно крайнего осквернения, потрясшее всех окружающих. Еще ужаснее было норманнское вторжение в Сен-Жермен-де-Пре на Пасху 858 года — в самое святое воскресение года. Нечестивцы, надругавшиеся над святынями, не остались безнаказанными. На Западе служители Церкви все же были защищены самим своим саном. Пролить кровь епископа — все равно что пролить кровь Христа, совершить святотатство. Между тем были убиты Фротвальд Шартрский (его утопили), Бальтфрид из Байё, Эрменфрид из Бове, Иммон из Нуайона. Христиан брали в плен, продавали их как рабов. Столь внезапные невиданные несчастья были непостижимы для ума, и вывод был один: Бог решил покарать свой народ. Столь ужасная кара, должно быть, вызвана не менее ужасными прегрешениями. Мудрые церковные иерархи вскоре поняли это. Бог оставляет своих чад только тогда, когда они отклоняются от своего пути, падая в грязь, — под грязью же разумелись в основном подрыв существующего порядка и нарушение христианского мира и согласия. Епископы, собравшись в Мо в 845 году, высказались следующим образом: «Так как заповеди Божии не соблюдались, то Бог в виде наказания попустил гонителям христиан, норманнам, дойти до самого Парижа». А Божией каре возможно только подчиниться и смиренно, в молитве и покаянии, ожидать, когда же Небо сменит гнев на милость. И тогда этот бич, эта чума, одновременно пагубная и очищающая, исчезнут.

Одиакo норманны не уходили. Они снова и снова возвращались, более того, они селились на землях франков. Тогда как духовенство со своими сокровищами старалось держаться как можно дальше от грабителей, было совершенно очевидным, что возглавить аристократию и повести ее в бой должен король. Не-

поворотливая франкская кавалерия в военном отношении не была готова к сражениям с противником немногочисленным, рассеянным, неуловимым, быстро передвигающимся по воде. Более того, уже длительное время на территории Франкского королевства не происходило войн с внешним противником. Наконец, светские власти, на которых лежала обязанность отражать нападения врага и защищать Церковь и безоружный народ, оставались в бездействии. Эрмантер из Нуармутье, Эмуан из Сен-Жермен-де-Пре с возмущением свидетельствуют: вместо того чтобы сражаться с варварами, феодалы сидят сложа руки, а король выпущен давать выкуп за то, чтобы норманны убрались из королевства. Идея коллективной защиты не приходила в голову властям, гораздо более озабоченным тем, как бы сохранить и увеличить свое состояние, нажитое в середине века. Во время набега 845 года на Париж Карл Лысый созывает свою армию. Ведь речь шла о защите Сен-Дени — жемчужины королевских аббатств. «Многие пришли на зов, но не все», — многозначительно пишет летописец. Да и те, кто пришел, отказались воевать и обратились в бегство, посоветовав королю заплатить семь тысяч фунтов, как того требовал вождь норманнов Рагнар, с тем чтобы установить хотя бы хрупкий и непрочный мир. В 852 году на Сене по тем же причинам было уплачено другому вождю — Готфриду. В 858 году, когда Карл предпринял штурм лагеря викингов в Осель и сражался, как полагается королю, в первых рядах, — его приближенные внезапно оставили его. За недостатком решительных действий королям постоянно приходилось платить дань. В 877 году Гинкмар писал Людовику Заике, сразу же после его восшествия на престол: «Многие годы это королевство никто не защищал, а только платил дань и откупался»... Тот же архиепископ Реймский тридцать лет назад негодовал по поводу того, что епископ Нантский Этард, город которого находился под угрозой, пожелал сменить епархию: «Как можно допустить, чтобы священник, не имея

жены и детей, не желал жить среди язычников, вместо того чтобы последовать смелому примеру графа того же города, у которого, сверх того, имелась на попечении семья?» Хороший призыв к сопротивлению. Но когда в 882 году те же язычники приблизились к Реймсу, после того как они разграбили Лаи, Гинкмар, не дожидаясь их, бежал. Правда, захват церковного иерарха был дорогостоящим. В апреле 858 года норманны схватили аббата из Сен-Дени Людовика, архиканцлера и внука Карла Великого. Они потребовали за него огромный выкуп: 688 фунтов золотом и 3250 фунтов серебром; для сбора денег объединили свои усилия епископы, графы, аббаты и другие богатые персоны.

Неучастие, дезертирство, а иногда кощунственный союз... В 849 году Гийом Септиманский завербовал в ряды своих мятежников мусульманские отряды, которых предоставил в его распоряжение Абд-аль-Рахман. В 857 году Пипин II Аквитанский входит в Пуатье «на штыках» норманнов. В 862 году Соломон Бретонский мобилизует норманнов против Карла Лысого, с которым он раньше был в союзе против тех же норманнов.

Несмотря на дезертирство, кризисы и мятежи аристократов, в частности в 857—859 годах, Карл, насколько было возможно, давал отпор внешнему противнику, достойно представляя свою королевскую власть. Начиная с 860 года и в течение последующих пятнадцати лет он развертывает активную деятельность по вытеснению врага из своего королевства. Весной 861 года Карл подкупает датские отряды на Сомме, чтобы они разбили своих же датчан в нижней Сене. В начале 862 года он покоряет отряд норманнов, разграбивших Мо, который он остановил на Марне, на укрепленном мосту Трильбарду. Обращенные в истинную веру, они стали сражаться на стороне Карла. Самой эффективной защитой стали укрепительные сооружения. Норманны не умели вести осадную войну, и для того чтобы их остановить, достаточно было нескольких заграждений, земляных или каменных. В 862 году в Питре, в месте слияния Эр и Сены, по

инициативе короля началось сооружение укрепленного моста, хотя трудно было предположить, будет ли он когда-нибудь достроен. Подобные сооружения возводились в Пон-де-Се и на острове Сите в Париже. В 864 году на новой генеральной ассамблее в Питре Карл проявил настойчивость: «Чтобы все без промедления встало на защиту страны; чтобы графы в своих крепостях бдили неусыпно; чтобы крепости возводились быстро и активно». Именно королю и общественным властям принадлежала монополия возведения крепостных стен и башен — этих орудий мира и стабильности в обществе. В том же самом капитулярии король распорядился, чтобы «все те, кто в последнее время без королевского разрешения возводил замки, укрепительные сооружения и заграждения, разрушили подобные постройки до первого августа». Было ли это распоряжение исполнено? Король настаивал на уважении к своей власти, однако заграждения, как с его согласия, так и без него, все равно возводились или восстанавливались — в Овер-сюр-Уаз, Шарантоне, Сен-Дени, Компьене. Епископы работали над восстановлением древнеримских стен, давно заброшенных и уже полуразрушенных: Тур, Реймс, Нуайон, Ле-Ман, Орлеан, Лангр, Ренн, Отён были окружены защитным кольцом. В конце века сами аббатства укреплялись, похоже, с помощью живущего поблизости населения. Таковыми были Сен-Васт и Сент-Омер.

7. ПЕРВЫЕ БОЛЬШИЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ

Одновременно с попытками возведения оборонительных сооружений король старается организовать более методический отпор врагу. Он принуждает графов мобилизовать все свои силы на исполнение их прямого долга. И действительно, феодалы откликнулись на призывы гораздо более энергично, чем в первые годы нашествия: в 863 году в сражении под Ангулемом погиб граф Тюрпьон, а граф Этьен разделил

его участь при защите своего города Клермона. По возможности Карл наказывал за невыполнение своего долга: «Адаларда, которому была доверена защита от норманнов, и его приближенных Гуго и Беранже, которые не принесли никакой пользы своим служением, король лишил почестей и одарил ими других лиц». Однако такое проявление королевской власти, о котором сообщает «Хроника аббатства Сеп-Бертен» в 865 году, было нечастым. И тем не менее оно тоже было возможным. Также по политическим и стратегическим соображениям Карл сумел переместить влиятельного военачальника Роберта Сильного, который после разрыва с королем в 856—859 годах стал теперь незаменим в борьбе с Людовиком Заикой и его союзниками — сначала бретонцами, затем варварами. Так, отправив в 865 году Роберта, бывшего до того графом Тура и Анжера, в Бургундию, уже в качестве графа Отёна, Осера и Невера, с тем чтобы освободить место в Нейстрии своему сыну Людовику, помирившемуся с отцом, — Карл вспоминает через год о Роберте и отдает под его ответственность Анжу и Турень. Роберт Сильный справляется с обязанностями успешно. В 864 году его рапило на Луаре. В конце 865 года он одерживает — редкий случай — победу над противником. Осенью 866 года Роберт пал смертью храбрых вблизи от священного места — церкви в Бриссарте; вместе с ним погиб и граф Рамнульф из Пуатье. Своевременная пропаганда наделила их обоих героическими добродетелями. До 883 года дело Роберта, то есть защиту западной части королевства, продолжил Гуго Аббат, германский кузен Карла Лысого и несомненно шурин Роберта, а затем Гозлен, происходивший из влиятельного семейства в Мэн, аббат в Жюмьеж, Сен-Дени и Сен-Жермен-де-Пре, ставший епископом Парижа, сводный брат и преемник архиканцлера Людовика.

Другие представители знатных династий тоже отличились в битвах с норманнами. На севере — Бодуан, прозванный Железная Рука, который в 862 году женил-

ся на Юдифи, дочери короля, и который был владельцем многочисленных графств во Фландрии и аббатом в Сен-Бертен. Вплоть до своей смерти в 879 году он выполнял свой долг, к которому, правда, примешивались и его собственные интересы. На другом конце королевства — герцогство Гасконь. Его правители уже долгое время давали отпор язычникам. В 816 году Санш-Лу, приближенный Людовика Благочестивого, пал в битве с мусульманами. Его сын Санш Санше, прозванный «Митарра», что означает «дикий», был в 840-х годах графом в Фезенсаке. Начиная с 845 года, когда норманны наступали на Гаронне и Адуре и когда граф Сегин из Бордо, носивший, согласно Лупу Феррьерскому, титул герцога Гасконского, был убит, — Санш Санше организовал защиту, то воюя с норманнами, то ведя с ними переговоры. В Южных Пиренеях он дал отпор мусульманам. Настоящий князь местного происхождения, он не нуждался в санкционировании своих действий со стороны короля. В дела на окраинах королевства Карл Лысый давно уже не вмешивался. Санш заменял его, работая также и на себя. Здесь гораздо раньше, чем в других местах, власть стала ничьей; каролингские структуры управления, как светские, так и церковные, быстро развалились, тем более что они никогда по-настоящему там и не прижились. Это несколько не мешало Саншу проявить себя союзником короля, которому он в 852 году выдал захваченного им Пипина II. Свобода действий у гасконского князя была полной. Его пост, будучи неопределенным в общественном и юридическом отношении, поддерживался только политической и материальной силой его обладателя. Титул был унаследован его племянником Арно, сыном графа в Перигё, а затем его внуком Гарсией, не спешившим взять на себя мятежную разрушенную Гасконь.

Бодуан во Фландрии, Роберт и Гуго в Нейстрии и Бургундии, Санш и его потомство в Гаскони — все эти могущественные фигуры, главные представители заинтересованных кланов, выполняли прежде всего воен-

ные функции, доверенные им или оставленные им королем. Набеги норманнов, необходимость и способность отбивать их, разумеется, ускорили происходящие процессы, обнаружив при этом, что принцип единства королевства под непосредственной властью династии Каролингов не соответствовал социальной и политической действительности. Однако процесс, как я уже отмечал, продолжал развиваться дальше. В 870-е годы он становится все более различным для нас, обретя свое воплощение в тех дворянах, которые пришли к власти в крупных территориальных объединениях и стали передавать их по наследству. Был ли Карл организатором или вдохновителем создания таких объединений, такого сосредоточения графств, аббатств, а вскоре и епископств в руках немногих? Достоверно лишь то, что король не стоял в стороне от этих процессов. Мы видим, как он отбирал одно графство у какого-нибудь князька, чтобы передать его другому, как он передавал аббатства от одной группы другой, а иногда даже — что происходило гораздо реже — перемещал какого-нибудь правителя из одной провинции в другую и, пользуясь по необходимости соперничеством знатных родов, умирял открытые мятежи. На самом деле вся эта игра, конечно же, складывалась из переговоров, сделок, компромиссов, скрытых от нас. В итоге же десятков знатных особ, которые за пределами малой Франции, находящейся под строгим контролем короля, выполняли свои обязанности и копили богатства на значительной части территории королевства, продолжали оставаться в безусловной верности своему королю, который по-прежнему был намного сильнее и могущественнее — не говоря уж об авторитете, — чем каждый из них.

От Берри до Лангедока три основных клана сменяли друг друга, вытесняя и враждуя друг с другом иногда до смерти: клан Бернара Плантавелью, сына Бернара Септиманского, сначала графа Отёнского, контролирующего также Лимузен и Овернь и временно захватившего в 872 году Тулузен у соперничающего

клана Раймундов, который войдет в силу немного позже. Третье лицо по имени Бернар Готский жил в Лангедоке и оспаривал Берри у Плантавелью, а также графство Отён, владение Тьерри, их общего предка, будучи очень алчным, ибо он властвовал во франкской Бургундии. Вот почему на некоторое время его получит Роберт Сильный, перед тем как оно перейдет семье Бозон; сам Бозон был влиятельной персоной в южной Бургундии, от Шалона до Вьенна, в самом конце правления Карла Лысого, к тому же являясь его шурином.

На нижних ступенях иерархической лестницы, под этими знатными маркизами, как чаще всего называют их тексты, и владельцами многочисленных графств, находились Гифред в Сердани, Рампульт в Пуатье, чьи потомки станут очень могущественными в Аквитании, Вульгрн в Ангулеме и Перигё и некоторые другие.

Вплоть до конца правления Карла и даже немного после него такая концентрация постов и должностей в руках нескольких людей, тем более что король находился далеко, — такие объединения графств со своей управленческой структурой и феодальной собственностью оставались все еще разрозненными, неустойчивыми, временными. Поначалу король вмешивался в этот процесс. К тому же сами маркизы, за исключением Гасконского и графов в Сердани и Конфлане, недостаточно еще пустили корни в своих новых владениях. Большинство из них, почти все, были по происхождению франками. Конечно же, этнические реалии в политической расстановке сил трудно поддаются определению. Однако в Оверни, например, или в Провансе ясно чувствовалось, что местная аристократия, владеющая землей, имеющая и церковные функции, включая епископские, поставляющая свои кадры на должности в различных областях, — имеет очень солидный вес, и маркиз должен был заручиться ее поддержкой, чтобы сохранить свою власть, оставаясь посредником между этой аристократией и королем, к которому он один

имел доступ. Тем более что вассальная зависимость и бенефиции, развитые на севере Луары, отсутствовали на юге. Их не было ни в Оверни, ни в Гаскони, ни в Каталонии или Лангедоке. Отношения все более приобретали формы римского права. В этих краях не так-то просто было стать подданным другого. Сделки заключались между лицами, юридически равными, по-любовно. На деле единственная повинность была та, которую местные власти выполняли перед самим королем, как бы далеко он ни находился. Эти края хранили свои древние особенности, и новоиспеченным маркизам приходилось с ними считаться. Знатные вельможи, по крайней мере преуспевающие из них, прочно внедрялись в это общество только в последующем поколении, между 880 и 900 годами. Завоевание земель, а затем обживание их, материальные и идеологические основания, — во всех этих процессах значительную роль играла Церковь. Собственность больших аббатств служила первейшей приманкой: Сен-Бертен, Сен-Мартен в Туре, Сен-Симфорьен в Отёне, Сен-Жермен в Осере, Сен-Марсьяль в Лиможе, Сен-Илэр в Пуатье, Сен-Жюльен в Бриуде и некоторые другие являлись решающими козырями в игре маркизов. Именно в этот период начало впервые проявляться подчинение церковных структур светским лицам, и в течение двух последних десятилетий века этот процесс усиливался. Со времени правления Людовика Благочестивого духовенство выступало против подчинения и грабежей, слишком свойственных королю, раздававшему богатства Церкви преданным ему людям. В «Хронике аббатства Сен-Бертен» Гинкмар явно радуется по поводу смерти Роберта Сильного и Рамнульфа в 866 году. Если они пали в Бриссарте от руки норманнов, слепого орудия Божественной воли, то только потому, что один осмелился присвоить себе Сен-Мартен в Туре, а другой — Сен-Илэр в Пуатье. Свершившееся должно открыть глаза и остальным узурпаторам, включая королевских, которые вели себя не лучше в Сен-Кантен или Сен-Васт.

8. ИТОГИ НОРМАННСКОЙ АГРЕССИИ

Несомненно, участвовавшие нападения норманнов на церкви, разрушение их и обращение в бегство духовенства значительно подрывали материальные и духовные основы множества монастырей. Феодалы, взяв их под свою защиту, восстановив их, с большей легкостью могли затем завладеть ими. Церкви были первой и наиболее привлекательной добычей, поэтому с них взимались деньги, необходимые для того, чтобы откупиться от варваров. Все эти поборы тоже обедняли Церковь, если еще учесть, что они происходили регулярно в течение полувека. Еще в 882 году, как сообщает «Хропика аббатства Сен-Бертен», король Карл Толстый купил добровольный уход норманнов, позаимствовав «несколько тысяч фунтов серебром и золотом из казны Сент-Этьен в Меце и других церквей». Разумеется, такие изъятия церковных богатств делали саму Церковь все более уязвимой.

Относительное разделение королевства в интересах крупной аристократии ослабляло государственную власть, а всеобщее замешательство, грабежи и набеги норманнов — не столько из-за их жестокости, сколько из-за длительности и повторяемости — нанесли ощутимый удар каролингской системе, остававшейся от Карла Великого. Конкретное воздействие этого удара определить довольно сложно, и историографические дискуссии по этому поводу еще продолжаются. Но даже из-за нескольких мощных ударов западное королевство не было сломлено до конца. К примеру, в эту же эпоху переживает расцвет интеллектуальная и художественная деятельность. Продолжала функционировать экономика. В Сен-Бертен, Сен-Реми в Реймсе около 860 года были установлены последние большие полиптихи — наподобие тех, которые находились в Сен-Жермен-де-Пре сорока годами раньше. Крестьяне были привязаны к земле и редко покидали ее — только в случае опасности. Конечно же, в крупные области стекалось больше всего рабочей силы. Воспользовав-

шись паникой и неразберихой, зависимые крестьяне могли оставить родные места и найти себе работу не на столь принудительных условиях, тогда как владельцы обезлюдевших земель набирали себе новых крестьян на условиях оброка и более легких повинностей. Ослабление государственного давления, смягчение эксплуатации крестьян говорили в пользу норманнов и их присутствия. Но подобная тенденция к освобождению, если она действительно и имела место, на самом деле была едва заметной. Как провести границу между передвижениями, вызванными внешней агрессией, и бегством от хозяина, столь же древним, как и само рабство?

Были ли под угрозой коммуникации? Разумеется, как отмечают Луп Феррьерский и другие авторы, на дорогах было опасно. Путешественники рисковали и своей жизнью, и поклажей. Но разве когда-нибудь дороги были безопасными? Путешествие по воде действительно становилось ненадежным и к тому же дорогостоящим. Некоторые порты — Дорштадт, Кентовик — первыми подвергались разграблению и уже не оправлялись после таких ударов. Однако торговля не исчезала. Питрский капитулярий 864 года уделял большое внимание экономическим и финансовым вопросам. Естественно, распоряжения законодательного и нормативного порядка следует толковать осторожно: отражали ли они реальность, когда говорили о существующих рынках и об их торговле? Или же они стремились, напротив, навязать этой реальности чисто теоретические установки, иные по природе? Король, во всяком случае, подтвердил свою прерогативу в финансовой области, назначив девять мастерских, обладающих монополией на чеканку монет. Пытаясь ввести в обращение более легкие серебряные монеты, ставил ли Карл себе целью развивать торговлю, хотел ли он ускорить это развитие? Так или иначе, ценный металл находился в обращении в силу необходимости при выкачивании денег в пользу норманнов. Но эти планы могли иметь целенаправленный характер: пираты, ви-

кинги тоже ведь были потребителями и торговцами, покупающими и продающими; невозможно все время заниматься грабежом. Некоторые отряды скандинавов переходили к оседлому образу жизни, в частности в долинах рек. В Байонне, Нанте, нижней Сене они не только грабили, но и занимались торговлей. Норманнская агрессия, став своего рода ударом дубиной по Франкскому королевству, в отдельных сферах, несомненно, была и ударом хлыста, подстегнувшим к активной деятельности. Перемещения культурных сокровищ по территории государства также оказались плодотворными. Так, Овернь и Бургундия, главные места убежища спасающихся от врагов церковников, получили пользу от притока священных реликвий и рукописей, осевших в местных церквях. Наиболее известный, но не единственный пример — долгое путешествие по стране мощей св. Филибера, покинувших Нуармутье в 836 году и остановившихся в итоге в Турню, после долгого пребывания в Пуату и Велей.

Все это определено было последствием пребывания викингов. Да и как отличить последствия ущерба, нанесенного внешним врагом, от результатов внутренних раздоров, дележа и беспорядков? «Нормандизм» был хищническим образом действия, свойственным не только норманнским завоевателям. Светская знать королевства была столь же необузданной и столь же безжалостно обрушивалась на бедняков и па церкви, обирая и преследуя их «на норманнский манер», как выражались оскорбленные церковники.

Когда король прислушивался к Богу и советам Церкви, он был в состоянии восстановить мир и порядок. Когда он выполнял возложенную на него миссию, то почет и слава сопутствовали ему: так было с Карлом Лысым между 860 и 873 годами, пока он не пренебрег своим долгом в угоду имперским амбициям и итальянскому миру. Так было и с Людовиком III, его внуком, победившим варваров в Сокур-ан-Вимё в августе 881 года, а в следующем году — и с его юным братом Карломаном. Оба последних умерли слишком

рано, в 20 и 17 лет, оставив после себя королевство, которое их предок Карл Великий даже и не узнал бы. Последний известный нам собор западнофранкских королей в Вере был возглавлен юным Карломаном. Он состоялся в марте 884 года, и принятый на нем капитулярный призыв к борьбе со «злом грабежей и разрушения», «с этим ядом, разлившимся повсюду (...). С этой смертоносной заразой, поражающей тело и душу». «И что удивительного в том, — написано в преамбуле, — что язычники и другие народы вторгаются к нам, расхищают наши богатства, когда каждый из нас сам обирает своего ближайшего соседа?»

Варварство, разрушение, бессилие. Христианский мир в конце IX века был болью тех, кто терзался тревогой и беспокойством, размышляя о его судьбах. Стабильность, духовная и общественная, была подорвана. В 882 году умер Гипкмар, скрываясь от норманнов в Элерпей. Незадолго до смерти он продиктовал Карломану, единственному наследнику Карла Лысого, свое последнее произведение «О королевской власти» («*De ordine palatii*»). В то время, когда повсюду наступали норманны, когда силы разрушения подтачивали основы королевства, когда дворяне становились королями, — престарелый архиепископ Реймса в последний раз говорил о единственно ценном: о Царстве Божием и его земных отражениях.

3

ЗНАТЬ, ПОНИМАТЬ, ИЗЛАГАТЬ

814—882 годы

Большее всего нам известно о духовной жизни в IX веке в Западпофранкском королевстве, начиная с правления Людовика Благочестивого и до смерти в 888 году его внука Карла Толстого, последнего из династии Каролингов, являвшегося одновременно императором Запада и королем франков. По крайней мере, нам известно о духовной жизни эпохи, воплощенной в памятниках письменности — привилегии узкого круга людей, — письменности, являющейся монополией церкви начиная со второй половины века и на долгое время вперед. Конечно же, существовали связи между письменной и устной культурой. Жития святых, повествования о чудесах, появлявшиеся в больших количествах, действительно читались, читали собой проповеди и поучения, способствовали процессу христианизации, и в частности, по мере того, как возникали сельские церкви. Такая обильная литература, на которой основывается большинство текстов каролингской эпохи, была связана с развитием епископских церквей и больших монастырей, а главное, с той пропагандой, которую они вели, прославляя святого, во имя которого они были возведены, или сообщая о тех реликвиях, которыми они обладали, усиливая тем самым их почитание.

Подобные агиографические тексты, иногда обнажа-

вшие, словно украдкой, основы гражданского общества, с трудом поддаются истолкованию, тем более что они часто используют более древние версии VI и VII веков, обновляя и обогащая их. Растущее число текстов свидетельствует о стремлении Церкви сформировать свои образцы и модели для всего общества. Мы уже наблюдали, как при различных обстоятельствах идеология служила источником информации для королевской власти и как она интерпретировала политические и общественные отношения. Король, епископы, аббаты, графы были основной составляющей интеллектуальных и духовных структур в обществе, а также и искусства, которое воплощало поступь века.

После смерти Карла Великого западный мир в целом был уже христианским. Такова была миссия и заслуга почившего императора, расширявшего границы своей империи. Разумеется, далеко на севере и на востоке оставались варварские племена вне пределов досягаемости Слова Божия и меча франков. Иберийские районы были особенно заполнены мусульманами, которые являлись язычниками иного рода. Людовик Благочестивому удавалось христианизировать одних и подавить или отбить нападения других. Но, несмотря на эти отдельные места, никогда еще столько народностей не исповедовали имя Христа. Посредством крещения человек становится членом Церкви, тела Христова, ее паствой; происходило крещение взрослых, иногда в массовом порядке для новообращенных; детей крестили во все более раннем возрасте. Все ли дети в империи были крещеными? Слишком смело утверждать это наверняка. Во всяком случае, они должны были быть крещеными, если рождались свободными. Для рабов крещение было знаком и достаточным, если не необходимым, поводом для получения свободы. Церковь, таким образом, стала инициатором установления равенства между самым обездоленным из мужиков и самим королем.

Короли же на протяжении двух веков получали помазание. В 754 году римский епископ Этьен отпра-

вился в аббатство Сен-Дени, где в присутствии церковных иерархов и светских властей он помазал голову, руки и ноги короля Пипина, а также королевы Берты и детей Карломана и Карла, предав анафеме тех, кто осмелится лишить Франкское королевство потомков этого королевского рода. Впоследствии первый из епископов неоднократно повторял эту церемонию. Разумеется, из политических соображений; однако не является ли политика в конечном итоге, как гласит само ее название, окончательным завершением Божьего Града? Итак, от верхов до низов общества Бог, святые и Церковь освящали все существенные принципы организации и поведения его членов. Да постигнет и собогует их каждый — в этом суть и смысл превратностей века.

1. ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ

Чтобы трудиться, каждый на своем месте, ради общего дела, угодного Богу, нужно знать, где находишься. В Западнофранкском королевстве пространство, казалось, было достаточно структурированным. Карл Лысый, который был вынужден, особенно в начале своего правления, со всех сторон отражать удары, передвигался по стране очень быстро и всюду успевал, тем более что в лошадях недостатка не было и, что главное, немногочисленные мосты были в хорошем состоянии: а можно было воспользоваться и бродом. Древнеримские дороги еще сохранились и были в порядке по крайней мере на подходах к городам и дворцам. Объединение местных земельных владений происходило в строго очерченных территориальных границах. Когда в 868 году Карл Лысый утвердил привилегии, данные графом Жираром Вьенским монастырю в Везелей, который он со своей женой Бертой основал пять лет назад, то королевская канцелярия сообщает очень точное географическое описание этого места: «В нашем королевстве Бургундия, в графстве

Аваллон, в приходе города Отен, в местечке, называемом Везелей». Архиепископ Реймский, чья церковь, наравне с другими старинными крупными городами, имела владения на территории всего королевства — в Аквитании, Оверни, Провансе — и даже за его пределами, в Тюрингии, в 860-е годы почти точно знал, где именно располагаются его владения. Короче говоря, там, где влияние Римской империи оставалось наиболее сильным, там пространство было освоено лучше всего. Границы между епархиями, графствами, королевствами, последовательный раздел которых, начиная с 843 года, стал оформляться именно с установления границ, были хорошо известны аристократии. Для других горизонт, конечно же, был более ограниченным: в представлении основной массы пупом земли являлся епископский город или какое-нибудь крупное аббатство.

Отсчет времени принадлежал античной культуре. Названия месяцев и декад, которые их разделяли — календы, ноны и иды, — пережили все, и в частности попытки христианизации, а в эпоху Карла Великого — германизации. Посвящение некоторых дней великим святым, празднование Рождества, Пасхи, освященность воскресного дня долгое время приживались в системе, приспособляющейся как к сельскохозяйственному циклу, так и к нуждам светской и церковной администрации. В таком положении датирование событий особенно и не требовалось. Сами события были упорядочены по отношению друг к другу, а не в универсальной и абсолютной иерархии. Даже такой деятельный, утонченный и скрупулезный интеллигент, как Луп Феррьерский, почти никогда не датирует своих писем, хотя ссылки на череду времен в его переписке весьма многочисленны. Кроме того, за исключением главных событий — коронация короля или посвящение в сан епископа, созыв генеральной ассамблеи или церковного собора, появление в небе кометы, — никто не жил, строя планы хотя бы на несколько дней вперед. Речь шла только о настоящем или ближайшем буду-

щем. Еще более сомнительным было погружение в прошлое. Те, кто интересовался прошлым, были убеждены в том, что мир очень стар и все быстрее и быстрее катится к неумолимому вырождению. Старый Гинкмар Реймский в 881 году со злорадством заметил юному королю Людовику III, с целью назидания, что его предшественники Карл Великий, Людовик Благочестивый, Карл Лысый и Людовик Заика жили все меньше и меньше, и что сам Людовик III тем более проживет не дольше их. Этот выдающийся архиепископ изумлялся тому, как много повидал он на своем веку: перед ним прошли четыре поколения королей. «Из всех, кого я видел во главе королевства во времена нашего господина, императора Людовика, ни один уже не остался в живых», — пишет он не без гордости в своем последнем произведении «О королевской власти» («De ordini palatii»). «Когда я был молодым, — подчеркивает он, — настолько это казалось невероятным! — я своими глазами видел знаменитого Адаларда Корбийского, кузена Карла Великого». И вот уже читатель, или скорее слушатель, ошеломленный, погружается в славное прошлое, где прихотливая память объединила Пипина и Дагобером и с Хлодвигом. «О самом рождении, о первых годах жизни и даже о детстве, — пишет Эйнгард в своей биографии Карла Великого, в близком окружении которого он находился (сама же биография написана незадолго до 830 года), — говорить было бы для меня абсурдом, ибо об этом нигде не написано, и в живых сегодня не осталось никого, кто бы знал что-либо достоверное об этом раннем периоде жизни Карла Великого». Действительно, мы не знаем даже точного месяца рождения императора. Мы не доверяем составителю королевской хроники, указывающему год рождения Людовика Благочестивого, хотя он и вел хронику современных ему событий. Зато Эйнгард, как и все его коллеги-историки, чрезвычайно озабочен точностью даты смерти короля: «На 72-м году жизни, на 47-м году своего правления, 5 календа февраля, 3-й час дня». Вместе с тем в

своей «Истории сыновей Людовика Благочестивого» Нитгард ничего не пишет о годе, когда Людовик женился на Юдифи, о дате рождения Карла Лысого. Зато он с точностью указывает, что император умер в 12 календу июля. Затем он ошибается на шесть месяцев в определении продолжительности его правления. Короче говоря, единственный день рождения, который учитывается и отмечається в церквях и монастырях, — это дата кончины — тот миг, когда существование обретает смысл, когда начинается подлинная жизнь. В таких датах — самые прочные точки опоры прошлого, из которых и складывается календарь. Исходя из этого, день имеет несомненно большее значение, чем год. Старая хронология как таковая не имеет особой ценности; ценно значение событий. От древнеримского летописца авторы хроник заимствовали формулы, но не метод. На деле же в устной по преимуществу культуре уже через два поколения все смешалось и перепуталось, — настолько различны вопросы, задаваемые прошлому, и представления о времени. О будущем речи почти нет. О нем ведаёт лишь Бог. А от мира и процессов, в нем происходящих, ничего хорошего ждать не приходится.

2. ЯЗЫК УСТНЫЙ И ПИСЬМЕННЫЙ

Находясь в различных, иногда неопределённых измерениях времени и пространства, люди и общественные группы отождествлялись по языковому признаку. От этих языков до нас дошло только то, что было транскрибировано, — ничтожные отрывки, вызвавшие бесконечные комментарии. Приходится смириться и кружить вокруг каролингского общества за недостатком возможности войти в него по-королевски широким путем, каковым являются реально бывшие в употреблении наречия. Клятвы, произносимые в Страсбурге и состоявшие из официальных латинских формулировок, не в состоянии восполнить пробелы. Можно

высказать лишь некоторые общие положения, которые, конечно же, будут изменены или вовсе опровергнуты конкретной действительностью. Территория Западнофранкского королевства в границах 843 года практически вся в течение веков говорила по-латыни, за исключением кельтского и баскского языков, которые невозстановимы. Будучи во все времена опорой администрации и средством обращения в христианскую веру, разговорная латынь претерпела сильные изменения: большие — на севере Луары, меньше — на юге. Для династии Каролингов, происходившей из междуречья Мёзы и Рейна, латынь долгое время оставалась иностранным языком. Они говорили на франкском. Карл Великий, как уточняет Эйнгард, потрудился выучить латынь и говорил на ней в совершенстве. Однако о какой латыни здесь идет речь? Скорее всего о той, которую называют «кухонной» — плод разговорной латыни, сильно искаженной, — или же о латинском языке, восстановленном усилиями ученых во второй половине VIII века? Во всяком случае, в IX веке различаются между собой три большие языковые группы, разделяя и людей, говорящих на этих языках: возрожденная латынь, романский язык и германские наречия, из которых наиболее известен франкский язык. И если Людовик Благочестивый и Карл Лысый охотно говорили по-франкски, как и по-романски, то Луи Феррерский пренебрегает им и не желает даже выучить его. Начиная с 840-х годов романо-германское двуязычие уже больше не являлось признаком особой образованности. Билингвизм отвечал практической необходимости: изъясняться понятно с теми, кто воспринимался как иностранец. В противоположность клятве в Страсбурге в 842 году, Людовик Немецкий и Карл Лысый во время встречи в Кобленце в 860 году обратились к своим слушателям на франкском и соответственно романском языках. Похоже, что германский язык укоренился гораздо раньше романского. С начала IX века именно на нем переписывают рукописи, создают духовные и литературные произведения. Первый

текст на романском языке, которым мы располагаем, — это Секвенция святой Евлалии, литургический текст, состоящий примерно из тридцати стихов на пикардском, — диалект романского языка. Сам текст написан около 880 года в аббатстве Сент-Аман, которое было в то время крупным культурным центром. Этот язык ничего общего с латынью уже не имел. Несмотря на это, латинский не превратился в мертвый язык, годный лишь для интеллектуальной и церковной сферы. Турский собор в 813 году призвал епископов переводить свои проповеди с латыни на романский или германский языки, тем более что большинство этих проповедей они писали не сами, а заимствовали из сборников, и только в переводе паства смогла бы понимать их. В то же время, в 860 году, когда Гинкмар обращался к своим прихожанам, то он, похоже, говорил по-латыни, и его проповеди были понятны по крайней мере свободным людям реймской провинции. Похоже... В действительности, единственный язык, который нам доступен и на котором сохранились памятники письменности, — это латынь. На ней учились и учили.

3. КУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Упорядочивать, обновлять, освящать. От Пипина Короткого до Карла Толстого все каролингские князья и их окружение пытались претворить в жизнь эту программу, отвечающую простому и важному требованию: устроить земную жизнь как можно лучше в соответствии с Божественным планом; служить Богу так, чтобы гармония двух миров осуществлялась к великому благу христианского народа. Трудиться над устройством мира в согласии с небесным планом, способствовать осуществлению Заповедей Священного Писания, распространять знания о Христе — все это требовало соответствующих средств. Для того чтобы руководить, окормлять, паставлять народы, необходи-

мы знания и искусство. Долгом короля и Церкви является развитие знания ради лучшего служения. Наиболее великим и прославленным выступает в связи с этим король, продвинувшийся дальше всех по этому пути, а более влиятельными и более близкими к Богу являются духовные учреждения, создающие и распространяющие формулы и образцы, угодные Богу.

Развитие письменности во всех областях знания, пусть даже ограниченное конкретным местом и относительно узким кругом посвященных, нарастало па протяжении всего IX века, затрагивая прежде всего личность и образ князя. Непревзойденный пример для современников той эпохи — Карл Великий. Однако его внук Карл Лысый не уступал ему в величии. Хейрик, знаменитый логик, преподававший в Осере в 860—875 годах, писал ему об этом в посвящении: «Вы останетесь навечно в памяти прежде всего за то, что в своем усердии вы сравнивались и даже превзошли рвение вашего знаменитого предка Карла». Вот почему очаги литературы, науки, искусства создавались активнее всего там, где король непосредственно проявлял свою власть и влияние, где он и его приближенные имели обширные владения: Луара, Иль-де-Франс, Пикардия, Шампань, Лотарингия, северная Бургундия, — там процветала наука, доставшаяся в наследство от античности и поставленная на службу Новому Завету. Ничего похожего не было в Нормандии, Аквитании, Провансе. Лучше обстояло дело в Бретани, в правление от Номиноз до Соломона, — по крайней мере на ее восточных окраинах.

Уметь читать, а еще сложнее — писать, а также считать и петь, или хотя бы читать, псалмы — вот что было необходимо в служении Богу, Церкви и па службе у короля. Но все начинается со школы, с достаточного количества школ и качества преподавания в них. Об этом проявляли беспокойство и король в своих капитуляриях и посланиях, и церковные иерархи в канонах своих соборов. В текстах проводится различие между монастырскими школами, в основном предназ-

наченными — начиная с собора в Ахене в 817 году — для подготовки будущих монахов, и школами государственными, за которые нес ответственность епископ и его капитул. Парижский собор 829 года рекомендовал Людовика Благочестивому открыть «государственные школы» в трех областях империи, и подобные рекомендации заставляют задуматься об уставе и истинном положении таких школ, которые собор в Савоньер еще более убедительно призывает короля расширять. Разумеется, во всех этих случаях заметно, что образование находилось исключительно в руках церковных лиц. Несомненно, светские власти долгое время были в этом заинтересованы, ориентируясь на образец самого королевского дворца, в котором были смешаны капелла и канцелярия. Именно при дворе, от капеллана или нотариуса, великосветская знать могла получить образование, необходимое для исполнения своих обязанностей, — то есть читать и изъясняться по-латыни. Конечно, более редкими были случаи, когда дети аристократов посещали монастырскую или церковную школу. Дети учились у своих родителей или у их приближенных, а также при дворе, где находилось несколько молодых людей, тщательно отобранных и готовящихся занять самые высокие светские и церковные посты. Во всяком случае, количество мирян, умеющих писать, похоже, уменьшалось. К последним, кто еще демонстрировал это умение, относились Нитгард, ближайший родственник короля, и графиня Дуода. Их переписка относится к 840—843 годам. Столь часто цитируемый пример Дуоды — поистине исключительный. Эта женщина, которую некоторые считали уроженкой Австразии и которая на самом деле была сестрой гасконского князя Санша Санше, — являлась супругой Бернара Септиманского, крестника и камергера Людовика Благочестивого. Таким образом, она принадлежала к самым близким кругам короля. Учебник, который она написала, находясь в уединении на юге, или, что более правдоподобно, который она продиктовала, ибо почерк напоминает скорее руку ее стар-

шего сына Гийома, примкнувшего к Карлу Лысому, — отражает большую начитанность, содержит собрание цитат, как всегда, заменяющих собой доказательства. Без сомнения, Гийом был способен оценить и глубину обращения к нему матери, местами очень трогательно-го, и библейские мотивы, и акrostих, помещенный в начале материнского труда. Дуода надеется, что он сможет прочитать стихотворение своему младшему брату. Великосветская знать действительно продолжала читать и учиться чтению на протяжении всего IX века. О двоих из этого круга мы знаем, — но это после 850 года; оба составили себе состояние из книг. Завещание от 864 года сообщает о Эвраре де Фриуле из могущественной династии Уирошид, зяте Людовика Благочестивого. А другое завещание гласит о графе Эккаре Маконском, чистокровном Каролинге, умершем в 877 году. В этих документах указана опись всей их библиотеки или только ее части: несколько десятков названий, охватывающих необходимую совокупность полезных знаний: литургика, патристика, грамматика, история церкви, агрономия, военное искусство. Действительно ли Эврар и Эккар умели читать? Или же эти книги были частью дорогостоящей обстановки? Наиболее вероятно то, что их заставляли читать духовные лица из их окружения и что они вполне понимали то, что они читали. Однако и для них, и для их потомков, особенно в менее образованных слоях аристократии, письменная латынь постепенно делалась непонятной.

Сама латынь существовала ради совершения богослужения. Язык общения с Богом должен быть очищен от вековых наслоений, чтобы стать всеобщим и совершенным, каковыми являются сами Церковь и христианство, обновленные императором Карлом Великим. В традиции, идущей от св. Иеронима, которой в неравной степени следовали во Франкском королевстве, любовь к письменности и стремление к Богу соединялись в одно целое. Использование латыни и изятие ее за образец означало подражание древнеримской литературе периода ее расцвета. Поэтому Цицерон и Вер-

гилий были пересажены на почву церковной культуры, были разрешены, как пишет Луп Феррьерский, в обществе избранных. С ними и благодаря им стало возможным лучше изучать Священное Писание и правильное составлять литургические, канонические, агиографические тексты, угодные Богу и полезные Его служителям. Восстановить связь с классической античностью означало благочестивый поступок. Если к тому же изучение литературы доставляет чистое наслаждение, то в этом нет греха. Это возрождение, начатое во второй половине VIII века, было еще далеко от завершения. Поколение ученых, следующее за Алкуином, предалось этой работе с силой и убеждением. Переписка Лула Феррьерского наполнена советами со знатоками о значении и произношении латинских слов. «Locuples» («богатый») в родительном падеже, — указывает Луи своему ученику в Фульда монаху Альтуину, — имеет ударение на предпоследнем слоге, как показывает Присциан в пятом томе». Знать грамматику — значит встать на путь истины. Настойчиво ощущалась потребность достать как можно больше текстов, и в лучшей редакции, ибо текст с искажениями — это грех против духа. Среди ученых и между религиозными учреждениями выдача книг и обмен ими шли успешно, даже если их счастливые обладатели не хотели выпускать из рук свои ценные экземпляры. Луп Феррьерский является неисчерпаемым, почти единственным источником знаний о культурной практике во второй четверти IX века. Прочитируем более подробно его письмо к Эйнгарду, написанное около 829 года, маперные обороты которого типичны для эпистолярного жанра тех времен: «Переходя границы всякого приличия, я еще прошу Вас одолжить мне несколько Ваших книг на время моего пребывания здесь: просить книги — это гораздо менее дерзко, чем добиваться дара дружбы. Я хотел бы получить трактат Цицерона о риторике (у меня он есть, но очень плохой: я сверил свой экземпляр с рукописью, которую здесь нашел, и считаю, что она лучше, мой же — с массой ошибок)»...

Издательские усилия, предпринимавшиеся еще предшествующим поколением, растут. Количество текстов, переписанных в монастырских скрипториях в IX веке — главным образом на севере Луары, — в целом внушительно, причем это касается и светских, и церковных произведений. Качество же, превосходя все то, что осталось от литературы трех предшествующих веков, было более неравномерным. Болезненно ощущается незнание греческого языка. Когда в 827 году византийский император Михаил послал своему брату Людовику бесценный дар — экземпляр большого трактата «О небесной иерархии» Дионисия Ареопагита, то аббат Гильдуин из Сен-Дени предложил перевести его усилиями своей монастырской братии, среди которой был и юный Гинкмар. Увы! Результат получился совершенно невразумительным. Иоанн Скот Эриугена, крупный ученый, через тридцать лет сделал новый перевод, получше, но тоже путанный. Да и сам оригинал, по правде говоря, весьма заумный.

4. НЕОБХОДИМОЕ ПОСЛУШАНИЕ

Эта жажда знаний, это стремление учиться в старых текстах, представляющих малейшего бумагомарателя средневековой империи гигантом мысли и стиля, получают смысл только в контексте церковной идеологии. Не довольствуясь только собственной стезей — то есть богослужением в самом прямом смысле слова, — Церковь предпринимала усилия — вплоть до конца IX века и до смерти Гинкмара в 882 году — по распространению своих идей и концепций в единстве литературы, культуры, западной цивилизации. Борьба с силами зла продолжалась. Славу Божию и славу Его Церкви, мир и справедливость надо было защищать, а еще лучше — распространять повсюду и при любых обстоятельствах. Не нужно искать в этой деятельности всеобъемлющий и конкретно согласованный план, даже если церковные иерархи и часто созывали ассамб-

леи. Но отдельные усилия, во всяком случае наиболее плодотворные из них, имеют столь же важное значение. Кроме того, в сильной личности и неутомимой деятельности Гинкмара, архиепископа Реймского в 845—882 годах, бегло прочитываются главные особенности всех этих начинаний.

Деятельность эта была далека от завершения. Огромные препятствия чинила ей неумолимая сила вещей. Положение Церкви, состояние общества, полномочия власти, в частности королевской, были в 880—890 годах вовсе не такими, какими мечтали их видеть духовные лица, ради чего они и трудились; но все получалось скорее наоборот. Вместе с тем, хотя и весьма хаотично, сложился корпус теорий, определились ориентиры, постепенно вырисовывались новые взаимоотношения между светским и церковным миром, которые в дальнейшем принесут свои плоды.

Одним из понятий, к которому было наиболее привязано каролингское духовенство, которое описывалось в духовных текстах и к уважению которого они неустанно призывали власть имущих, начиная с короля, — был закон. Именно в законе совпадают требования порядка, справедливости и мира. Законодательная работа в IX веке, имевшая целью организовать действия и поступки согласно правилам из религиозных источников, приняла большой размах, по крайней мере в том, что касалось определений и предписаний. Гинкмар во многом способствовал этому приведению в соответствие закона Божия и земного. На протяжении всего века и особенно после 830 года многочисленные «дела», иногда очень сложные в каноническом и дисциплинарном смысле, заставляли обсуждать понятия закона, порядка, власти. Так называемый вопрос о духовенстве Эббона заставил потрудиться большую часть епископата Гинкмара. Гинкмар сменил Эббона в 845 году; последнего низложили на соборе в Тионвиле за измену — по требованию Людовика Благочестивого. Однако Эббон Реймский успел рукоположить несколько священников. Некоторые из них проявили

беспокойство по поводу низложения Эббона, в частности некий Вульфад; подобное обращение с архиепископом было расценено ими как незаконное. Но и само пребывание этих священников в лоне Церкви вызывало серьезные сомнения и в течение долгих лет служило предметом обсуждений епископов, Рима и короля Карла. В особенности, когда в 866 году встал вопрос о назначении того же Вульфада архиепископом Буржа после переговоров между Карлом Лысым и папой Николаем I.

Дело Готшалка, питавшее церковную хронику в течение двадцати лет, еще ярче выявило зависимость между политикой, обществом и Церковью. Готшалк, монах и священник, ученик знаменитого Рабана Мавра, аббата из Фульда, обладал независимостью суждений; начиная с 845 года, странствуя по стране, особенно в реймских землях, он проповедовал предопределение, которое в его истолковании было доведено до крайности. Подобное возрождение дискуссий Августина и Пелагия интересно со многих точек зрения. С одной стороны, внутри Церкви они вызвали активное противостояние между Гинкмаром Реймским и Пруденцием из Труа; с другой — настойчивые усилия Рабана Мавра, ставшего архиепископом Майнца, и особенно Гинкмара, с тем чтобы заставить Готшалка замолчать. Готшалк умер в 868 году, после долгих лет, проведенных в заточении в аббатстве Отвилле; проповеди же его заставили собраться на совет иерархов Западной Церкви. Такие значительные ученые, как Луп Феррьерский, Ратрамн Корбийский, Иоанн Скот Эриугена, посоветовавшись, заняли оборону. Потому что, выходя за рамки теологических разногласий, которые действительно имели значение, но о которых Церковь ни тогда, ни впоследствии так и не составила себе ясного представления, эти дебаты имели культурный, социальный и политический характер. Идеи, развиваемые Готшалком, в глазах защитников закона казались возбудителями беспорядков и разрыва всяческих связей. Прежде всего, Готшалк был странст-

вующим монахом, выступающим от своего собственного имени и не имеющим авторитета, который создается на основе определенного поста и принадлежности к законному сообществу; кроме того, этот монах публично поднимал сложные вопросы, которые, будучи неверно понятыми, могли возбудить в народе, подчас еще неглубоко укоренившемся в христианстве, дурные страсти и наклонности. Если на самом деле подданные начали верить, что человек не может ничего сделать для своего спасения, что его дела и поступки не имеют никакого значения, — то как же после всего этого требовать от них соблюдения христианских моральных законов — этого фундамента стабильного и устойчивого общества, угодного Богу и защищаемого соединенными усилиями королевской и церковной власти? В итоге борьба с грехом, единственно праведная борьба, в учении о предопределении сводится на нет. И даже если проповедь Готшалка в теологическом плане была приемлемой, то в моральном и общественном отношении она становилась пагубной, а потому и еретической. Послушание и единство, необходимые для поддержания общественного порядка и правильности богослужения, вынуждали убрать Готшалка с пути. И Гинкмар ценой невероятной жестокости добивается этого.

5. МАТЕРИАЛЬНАЯ БАЗА ЦЕРКВИ

Обеспокоенная догматическим единством и послушанием в собственном лоне, — а на этом пути еще многое предстояло совершить, — Церковь стремилась укрепиться материально и духовно. Защита церковного состояния была для епископов и аббатов все более и более актуальной задачей — особенно в связи с узурпаторством знати и вторжением королевской власти в церковные дела. Ограничить последствия нанесенного ущерба позволило разделение между личным мансом аббата — часто светского лица — и

мансом аббатства, который принадлежал всей братии. Так, к 850 году в Сент-Амане монастырские владения состояли из тридцати восьми областей, а пятнадцать находились во владении аббата. Гинкмар, как уже говорилось, отличался неутомимостью в возвращении богатств, изъятых у Церкви светскими властями. Он постоянно доказывал, что церковные блага имеют священный характер, и светские власти обязаны поэтому защищать их. Он напоминал об этом Карлу Лысому в связи со спором в 868 году между королем и Ланским епископом Гинкмаром, племянником архиепископа Реймского. Спор возник по поводу владений некоторых епархий. После затяжных судебных процессов церковным учреждениям в целом ряде мест удалось заставить уважать свои права. Рассмотрим подробнее один из таких процессов по документам, не очень многочисленным; однако их простота сама по себе поучительна. Это случилось в декабре 866 года, в Люксе, в Бургундии. Епископ Лангра Иссак и граф Эд, относившиеся к местным властям, получили жалобу от Алко, поверенного епископа, на некоего Гильдебера, который со своими людьми захватил часть леса в Сессей, принадлежавшего аббатству Сен-Бенинь в Дижоне; и что самое серьезное, срубил там два дуба. Эшевены, эти умудренные лица, хорошо осведомленные в вопросах законности и обычаев, входящие в состав суда, перенесли слушание дела на следующую сессию, которая состоялась через сорок дней. Главное — оставить время на то, чтобы обдумать, поразмыслить над случившимся. Алко смог найти себе свидетелей. В феврале 867 года Гильдебер явился в суд и защищал свои действия, утверждая, что его обвиняют напрасно. Алко же клялся в обратном. Это серьезно. Не будем спешить. Осторожные эшевены приказали Гильдеберу явиться на следующее заседание суда в Котоне, чтобы или дать, в свою очередь, клятву и говорить только правду, либо подчиниться закону и возместить убытки. Но Гильдебер в Котон не явился. Неявка фиксируется письменно, что означает присутствие на суде сек-

ретаря, — и Алко получает извещение. Новое заседание состоится в Котоне еще через несколько месяцев. Алко имеет на руках полученное извещение. Гильдебер оказывается неспособным оправдать свое поведение. Эшевены принуждают его к уплате штрафа за рубку леса и требуют возвратить захваченную землю. Он тотчас же подчиняется закону: сорвав пучок травы, он в знак примирения передает его Алко. Аббатство Сен-Бенинь выиграло дело — во всяком случае, на этот раз. Правило, закон — все, что укрепляло тело Христово, не было мертвой буквой. Конечно же, вышеупомянутое аббатство позаботилось о том, чтобы подробно переписать весь судебный процесс и включить его в свой картулярий в качестве назидательного примера.

Церкви западного королевства заботились об умножении своего благосостояния. Они были недовольны тем, как медленно происходит возврат изъятых богатств, принадлежавших им испокон веков. Однако при заинтересованной поддержке светских властей осповывались и новые монастыри. Так, в 832 году аббат Конвуайон совместно с Номиноэ основал монастырь в Редоне, ставший важным опорным пунктом в экономике и идеологии для князей Бретани. В 860 году был освящен монастырь в Больё, в Лимузене, основанный по инициативе Родульфа, архиепископа Буржа, члена могущественной местной династии Тюрени, глава которой, Годфруа, фигурирует на первом месте, даже перед графом Раймундом Тулузским, в грамоте на освящение монастыря. Почти в то же самое время граф Жирар Вьеннский сделал подарки двум из своих областей, расположенных в королевстве Карла Лысого: Везелей получил женский монастырь во имя св. Марии, а в Потьер, на берегу Сены, был открыт мужской монастырь, посвященный св. Петру и Павлу. В стенах этих монастырей, благородных и целомудренных — а в целях защиты от веяний времени Жирар подарил их папской резиденции (привилегия полной свободы, первая в своем роде!), — возносились молитвы за основателей Жирара и Бертю и их близких. Берта

и Жирар через двадцать лет будут погребены в Потьер рядом со своим сыном Тьерри, умершим в возрасте одного года, и их надгробие сохранилось до сих пор. Также и Соломон, князь Бретонский, вместе с супругой будет покоем в монастыре Редона.

Менее явственным и определенным было развитие сельских церквей по мере христианизации деревни. Такие церкви возводились по инициативе местных влиятельных лиц, становившихся и их владельцами, а викарии избирались из числа их непосредственного окружения или даже из челяди, оставаясь при этом в прислугах, что сурово осуждалось Агобардом Лионским. Но народ, живущий вблизи от церквей, все это устраивало. В связи с происходящими в деревне процессами среди церковных иерархов начались расхождения. Гипкмар Реймский очень враждебно относился к созданию новых приходов. Он стремился придерживаться уже сложившейся традиции и не хотел изменять карту приходов. У старых церквей была своя история, свои владения, кладбища, бесценные реликвии. Лучше было бы строить простые часовни, а главное таинство христианства, каковым является крещение, осуществлять в традиционной городской церкви. Другие же епископы, такие, как Пруденций, занимали менее консервативную позицию, допуская, что большие приходы могут строить и новые храмы, и именно это позволит лучше управлять ими, нежели предоставить их самим себе. Другой способ избежать анархического рассеяния состоял в том, что большие старые церкви подчиняли себе владения более мелких частных церквей. Так в 876 году некий Жильбер отдал аббатству Сен-Бенинь в Дижоне принадлежащую ему церковь в Савиньи-ле-Сек вместе с кладбищем, хозяйственными постройками и угодьями, ибо сельская церковь — это еще и хозяйственная единица с парой крепостных крепостей.

Действительно, если долгое время церкви и переживали разграбления и разорения, то они также вызывали и пожертвования в свою пользу, благодаря моли-

твам монахов и каноников, духовными богатствами обеспечивая спасение светских дарителей. Эти тенденции, в развитии которых примером служила королевская власть, можно проследить в отрывочных исторических документах, дошедших до нас либо из королевской канцелярии, либо из старых монастырских картуляриев. Подобное развитие получит значительный размах в X веке и особенно в XI, становясь наиболее важным притоком в западную экономику.

6. ЦЕРКОВНАЯ ПРОПАГАНДА

Вернуть свои владения, управлять церковными землями, получить права иммунитета — все это требовало от Церкви усилий в распространении знаний о себе, в укреплении своего авторитета и влияния. Такая деятельность принимала различные формы. Вот Альдрик, приближенный Людовика Благочестивого, епископ Мана в 832—857 годах. Хлопоча о главенстве своего епископства и церковей своей епархии, он составил «Епископскую хронику» («*Actus pontificum*»), которая демонстрировала старинное происхождение и превосходство епископского города Мана и предшественников самого Альдрика, оправдывала его власть и удостоверяла истинность его владений, которые Альдрик собрал из разрозненных земель, отобранных в свое время светскими лицами или даже конкурирующими монастырями — как, например, в Сен-Кале. Провозглашенный вскоре святым, епископ реставрирует и расширяет церкви города, посвящая их Христу Спасителю; было начато также широкое агиографическое изучение местных святых с целью их прославления. Подобным образом поступили и в аббатстве Сен-Вандрий в Фонтенеле около 850 года и в Редоне через двадцать лет. Появляется большое количество «Аббатских деяний» («*Gesta abbatum*»), «Епископских деяний» («*Gesta pontificum*»). Активная деятельность проходила между 850 и 880 годами в Осере: изъятие у

графов церковных владений, составление канониками «Епископских деяний» («*Gesta episcoporum*»), строительство подземной часовни под храмом, роспись в которой уцелела до наших дней; часовня была построена ради того, чтобы достойно и с надлежащими почестями ветретить мощи св. Жермена, торжественное перенесение которых состоялось в 859 году. Несколько позже, неподалеку от Осера, подобную активность проявила и церковь аббатства во Флавины. Мощи — вот подлинное сокровище церквей, без которых ни одна из них не смогла бы существовать, а тем более — развиваться. В королевстве франков мощей было немало, новых не открывали, а разделение тела святого на частицы еще не практиковалось. За советом обратились в Рим. Конвуайон, основатель Редона, получил от папы Льва IV часть мощей св. Маркеллина. В 858 году Узуар, монах из Сен-Жермен-де-Пре, впоследствии автор знаменитого на протяжении всего средневековья мартиролага, составленного им по просьбе Карла Лысого, дошел до Кордовы в поисках мощей святых. В 863 году граф Жирар и графиня Берта, сопровождающие архиепископа Реми; в ходе торжественной церемонии и стечения народа при въезде в Лион получили мощи св. Евсевии и Понтиана, присланные в дар от Николая I для алтарей в церквях Везелей и Потьер.

Разумеется, именно в Реймсе, во время правления Гинкмара, наибольший размах приняло прославление местного святого и его служителей. Еще Эббон получил от Людовика Благочестивого разрешение использовать городские стены для ремонта собора, и королевская грамота в связи с этим уточняла, что «это никоим образом не умаляет общественного достоинства, но, напротив, оказывает богоугодную помощь святым местам, удовлетворяет нужды церквей Божиих и их служителей». Начиная с 850 года Гинкмар служит в храме св. Реми (Ремигия), который оказался менее почитаемым в сравнении с двумя другими великими фигурами франкской Галлии — св. Маргином в Туре и

св. Дени (Дионисием) в Париже. Будучи монахом, Гинкмар способствовал укреплению позиций аббатства Сен-Дени. В 830-х годах под руководством аббата Гильдуина монахи работали над переводом произведений Дионисия Ареопагита, смешиваемого с первым епископом Парижа; работа шла также над составлением «Деяний Дагобера» («*Gesta Dagoberti*»), которые показывали особую связь между св. Дени и Франкским королевством, воплощенную и прославленную в крупном парижском монастыре, превратившемся в королевский некрополь, где будет похоронен и сам Карл Лысый. По сравнению с парижским св. Дени, св. Реми в Реймсе выглядел довольно бледно. Король франков впервые был помазан именно в Сен-Дени. В середине IX века Сен-Реми старается заполучить эту функцию себе. Прославление св. Реми шло в разных направлениях. Так, реймскому монаху Радуину было видение, что св. Дева взяла Реми за руку со словами: «Вот тот, кому навечно дана власть Иисусом Христом над империей франков. Как он получил благодать вывести этот народ из тьмы язычества, так он же и владеет даром избирать франкам короля или императора». В октябре 852 года в присутствии короля Карла с семьей и всего двора состоялась пышная церемония перенесения мощей св. Реми из церкви св. Кристофа в подземную часовню обновленной церкви Сен-Реми. Мощи святого покоились на подушечке, собственноручно вышитой тетей короля: надпись на ней различима и по сей день. Сами мощи были обернуты в очень ценное полотно иранского шитья. Так, с почестями, были прославлены заслуги и добродетели того, кто некогда крестил и вместе с тем помазал первого католического короля Запада — Хлодвиг, от которого по прямой линии произошел и король западных франков, как утверждали монахи, изучившие его генеалогию. Действительно, во время коронации Карла в Меце в 869 году Гинкмар подчеркнул эту славную преемственность и напомнил, что Хлодвиг получил от св. Реми елей, «которым мы владеем до сих пор», а также отметил,

что Людовик Благочестивый был коронован именно в Реймсе папой Этьеном. Для того, чтобы святой покровитель франкской монархии стал повсеместно известен и соответственно прославлен, Гинкмар в 875—880 годах составил житие св. Ремигия, объединившее в себе древние фрагменты и, в частности, завещание святого, вероятно подлинное, способное утвердить духовную власть этой провинции. Легенда о сосуде с миром, принесенном на алтарь собора голубем Духа Святого, стала с тех пор подспорьем для жителей Реймса в их стремлении монополизировать обряд помазания королей. Начиная с 861 года наконец-то в Реймсе стала писаться хроника Франкского королевства.

7. ЖИЗНЬ В МИРУ

Расширяя и украшая места религиозного культа, унифицируя и возвеличивая богослужение, вынося мощи святых на поклонение верующим, представляя в апографических сочинениях и заимствуемых из них проповедях образцы святости, недоступные на практике, Церковь стремилась наставить христианский народ, и прежде всего его элиту, на путь, ведущий ко спасению. Параллельно с этим она развивает представления об обществе, соответствующем Божественному плану. В IX веке социальное расслоение, различия между отдельными сословиями еще не были теоретически осмыслены так, как это произошло в X—XI веках. Водораздел проходил главным образом между духовенством и мирянами. Среди духовных лиц правителями считались епископы, даже если они все чаще были выходцами из монастырей. В самих же монастырях были две категории каноников. Должность аббата занимали как епископы, так и светские лица. Вплоть до 880-х годов епископы были в политическом, социальном, культурном плане более активны, чем аббаты, по причине их должностных полномочий и соборной организации. Иона Орлеанский под видом

пожелания сообщает новые сведения: «Светская власть должна стоять на страже справедливости, с оружием в руках защищать мир св. Церкви; монастыри же должны избрать тишину и предаваться молитве; что же касается епископов, то они должны контролировать обе стороны».

Свойством мирян в глазах духовенства являлось право вступать в брак. Супружеский — вот определение свободных людей, не связанных религиозными обязательствами. Брак, регулятор общественных отношений, составлял, по выражению Жоржа Дюби, «главное основание общественного мира». Во всяком случае, когда супружество благополучно. Иначе, как утверждают в страхе церковники, анархия, насилие и грабежи станут привычным делом, особенно со стороны власть имущих, обладающих средствами для удовлетворения своих ненасытных потребностей. Похищение женщин, сожительство, связанное с традиционным представлением о том, что только мать сына является настоящей супругой, — все это противоречило церковному консерватизму, служению Богу. Епископы, и Гипокмар в первую очередь, живо обличали организованные банды, похищающие монахинь или юных невест. В 853 году по инициативе духовенства капитулярий в Суассоне определил суровое наказание за похищение девушек и вдов, как мирянок, так и монахинь, и особенно тяжкую кару для нечестивцев вроде братьев Нивена и Бертрика из Реймской провинции, виновных в совершении похищения, прелюбодеяния и кровосмешения. И все же сомнительно, чтобы дикость нравов была именно такой в действительности, как ее описывают церковные тексты. В начале IX века еще не был ясно определен и утвержден на практике христианский брак. Между тем духовенство старалось просветить мирян в вопросах супружеского долга. Так, около 825 года епископ Иона Орлеанский написал по просьбе графа Магфрида трактат «О мирских учреждениях». На протяжении столетия духовные лица все больше и больше стремились воздействовать на это фундамен-

тальное начало общественной жизни — на брак, — для того чтобы и здесь возобладали право, закон, вдохновляемый Священным Писанием. И снова Гинкмар встал во главе этого движения. Задача, по правде говоря, была сверхчеловеческой. Разумеется, в прошлом веке панство выработало законодательство, касающееся запретных союзов в соответствии со степенью родства, и эти законы Парижский церковный собор 829 года утвердил как действительные на территории Франкского королевства. Однако подобные запреты оставались мертвой буквой. Насколько они противоречили нравам и обычаям, настолько же было затруднено их распространение. Более того, проблема родства трактовалась по-разному в романской и германской традициях. Во второй половине века Церковь была занята, или привлечена как советник, делом, которое заставило ее пересмотреть свои позиции, независимо от единодушия епископов. Речь идет о разводе Лотаря II, и это известное и очень запутанное дело было не единственным в своем роде. Например, как правильно, с канонической точки зрения, определить семейное положение Этьена, аристократа, который в 857 году был помолвлен с дочерью графа Раймунда из Тулузы? После долгих отсрочек он отказался от заключения брака. Раздосадованный граф Раймунд вызвал негодного зятя в королевский суд; дело было вынесено на рассмотрение синода в Дузи в 860 году. Гинкмар объявил союз недействительным, так как, совершенно очевидно, Этьен не давал на него своего согласия. Свободное согласие вместе с совокуплением являлось одним из условий действительности брака, и теоретически женщины были здесь равны с мужчинами, однако на практике они не имели таких прав. Все усилия духовенства, и особенно Гинкмара, посвятившего вопросам брака в 860 году свой трактат «О разводе», — были направлены на то, чтобы сделать брак нерасторжимым, а развод допускать только в том случае, если брак на деле оказывается не единственным. При этом кровосмешение, фиктивный союз,

бесплодие и прелюбодеяние не служили поводом для развода. Что касается половой сферы и деторождения в браке, то тут самые образованные церковники проявили глубокое пренебрежение, если обратиться к их писаниям. Подобное пренебрежение делало их рекомендации еще более неэффективными. Действительно эта таинственная область, к которой Церковь относилась столь брезгливо, была тогда же занята колдовством, гаданием, амулетами — всем тем, что столь неприемлемо в христианстве. Однако семейные отношения тесно переплелись с этими порочными занятиями, невзирая на гневные обличения Рабана Мавра, Агобарда Лионского, церковных соборов вроде Парижского в 829 году, — вопреки приказу Карла Лысого, отданному в Кьерзи в 873 году, обезвредить «пагубно влияющих на людей и ведьм».

Борьба с духами похищений, насилия и беспорядочности, предающими общество в руки лукавого, поступками, свойственными мирянам и перечисленными Гинкмаром в его труде «О пороках, которых нужно остерегаться», — борьба со всем этим требовала сотрудничества с государственной властью, обретающей свою законность в этом очистительном процессе.

8. КОРОЛЕВСКИЕ ПОЛНОМОЧИЯ

Именно поэтому королевская власть оставалась объектом пристального внимания со стороны духовенства, тем более что обряд помазания создал особую связь между Церковью и королем, и вместе с тем превратил короля в лицо священное, как и сами духовные лица. Речь шла о гармонизации обеих функций королевской власти. Необходимо, как все настойчивее повторяли церковники, чтобы король вел себя достойно своей миссии. Немыслимый во времена Карла Великого, вопрос этот был поставлен в период правления Людовика Благочестивого в 833 году. Стремление подчинить королевскую власть критериям, выработанным

Церковью, то есть контролировать ее все возрастало. Ученые писали об этом множество теоретических произведений. Фундаментальное положение о сосуществовании двух властей имеется у Геласия, бывшего папой в период с 492 по 496 год: «Этот мир управляется двумя властями: священной епископской и королевской. Но бремя священников гораздо тяжелее ноши королей, ибо они будут отвечать и за самих королей на суде Господнем». Таким образом, определена степень ответственности, учитывая то обстоятельство, что королевская власть непрочна, что земные королевства зависят от колеса фортуны, согласно образу, впервые введенному в 850 году Седулием Скотом, — а Церковь будет стоять вечно.

Божественное происхождение королевской власти было непреложным. Это подтверждает и Иона Орлеанский в труде «О королевской власти», написанном в 831 году. Светская дама Дуода в своем «Учебнике» говорит об этом сыну Гийому, как о само собой разумеющемся. Точно так же пишет и Гинкмар, хотя к концу его рассуждения обрастают нюансами. Помазание короля явственно указывает на Божий выбор, сообщая помазаннику таинственную силу. «Освященный елей, — пишет Гинкмар, — изливается на голову короля, стекает внутрь и проникает в глубь его сердца». Таким образом, король обладает сверхъестественными качествами, общается с силами, правящими миром. Избранник Божий, король является поручителем — как определяет это собор в Париже — плодородия земли, плодовитости домашнего скота и самого населения. И это исключительное качество короля принадлежит Церкви, обязанной храпить его. Самые целомудренные монахи в лучших из монастырей, наделенных королевскими благами и привилегиями, имеют особое значение благодаря службе и молитвам: Тьётильда, аббатиса в Ремиромонсе, сообщает Людовиду Благочестивому, что она и ее сестры в прошедшем году тысячу раз прочитали Псалтирь и отслужили восемьсот месс о здравии короля и его семьи, о поражении врагов и о его спасении в жизни вечной.

Помазаннику Божию должны оказывать послушание и подчинение, чтобы он правильно мог осуществлять свою миссию. На протяжении всего века уточнялись определения и толкование королевской власти. Сама этимология слова подчеркивает функцию руководства: *rex* (царь) — тот, кто действует; *recte* — правильно. Цитируя установления Парижского собора, Иона Орлеанский ясно говорит: «Если король управляет благочестиво, по справедливости, с состраданием, то он заслуживает своего названия. Но если он утрачивает эти качества, то он перестает быть королем». И Иона продолжает в унисон с другими епископами: «Задача короля — править народом Божиим, руководить им справедливо и по закону, стремясь к миру и согласию. Король своей властью обязан защищать Церковь и служителей Бога». Защищать от кого? «От всевластных богачей», хищных мирян, — уточняется в «Ложных посланиях», написанных в середине века; напротив, «светские лица в правительстве должны подчиняться епископам». Иначе говоря, должностное лицо должно помогать епископу в его трудах. А епископы, если они преданны королям, если давали клятву о помощи и совете, как лотарингские епископы Карлу Лысому в 869 году перед помазанием короля, — все же не выводят законность своей власти из существования власти королевской. Конечно же, король, особенно если он могущественный, имеет право голоса в капитуле. Избрание Гинкмара в 845 году, по описанию епископа Тьерри из Камбре, хорошо подтверждает сказанное: епископам Реймской провинции «был прислан монах Гинкмар по решению славного короля Карла, с согласия архиепископа Сансского и епископа Парижского и всех епископов Реймса; Гинкмар перешел из провинции Санс и Парижской епархии». Но по мере того, как действенность королевской власти уменьшалась, особенно после смерти Карла, сам Гинкмар начал настаивать на разделении сфер влияния и на независимости Церкви. В 881 году он пишет молодому Людовику III, что епископам принадлежит право изби-

рать священника, «который будет полезен св. Церкви и королевству и предан королю». Право же короля — распоряжаться «богатствами и владениями Церкви, которые Господь доверил Вам для защиты и охраны». Наконец, формально и только формально, король дает письменное согласие на решения Церкви. Обязанный защищать мир и справедливость, король должен служить и гарантом мирного использования церковного наследства и, насколько это возможно, приумножать его. Ибо, по выражению Гинкмара, не видящего здесь никакого противоречия, король должен остерегаться брать, обогащаться, но очень хорошо, если он дает, одаривает. Связанные одними узами с королевской властью и вместе ведущие народ ко спасению, епископы тем не менее были независимы от короля. В послании франкских епископов Людовiku Немецкому в 858 году Гинкмар серьезно подчеркивает, что церкви, доверенные Богом епископам, никак не связаны с богатствами и привилегиями, которые король по своему усмотрению может дать или отнять. «И мы, епископы Господа нашего, не таковы, как все миряне, мы не обязаны вступать в отношения вассальной зависимости». Более того, продолжает Гинкмар в своем послании к Людовiku III, «это не Вы избрали меня пастырем церкви, а я с моими братьями во Христе, преданными Богу и Вашим предкам, избрал Вас править королевством при условии соблюдения законности». В этой ситуации король должен был окружить себя просвещенными и добродетельными советниками, элиту которых составляют епископы. Итак, условность королевской власти? Несомненно, об этом были все помыслы и желания духовенства. Разве не дело епископов выражать волю Божию, указывать королю на его уклонения от истинного пути, когда он, по словам Гинкмара, перестает руководствоваться именем Бога в своих помышлениях, словах и поступках? И сам король, похоже, подчинился этому церковному всеведению. На соборе в Савоньер в июне 859 года после преодоления глубокого кризиса двух предшествующих лет, когда

его власть находилась под угрозой, Карл Лысый заявил, что он «не будет замещен или устранен с королевского престола до тех пор, пока не услышит мнение епископов, чьей властью я был помазан на царство». Действительно, добавляет Карл, «их устами глаголет Бог». И конечно же, опять Бог через десять лет указал-таки Адвенцию из Меца и его собратьям, что Карл призван получить королевство Лотаря II.

На это божественное откровение, переданное через епископов, Карл ответил торжественным обязательством «стоять на страже закона и справедливости». Выбор не был подчинен этому заявлению, однако последнее было принято как «надлежащее и необходимое». Уже в Кьерзи в марте 858 года Карл обменялся клятвами со своими феодалами, однако при совершенно иных обстоятельствах, вне избрания и освящения. В 869 году в Меце начался процесс, который почти через десять лет приведет затем к ритуалу коронации и священной клятве в Реймсе 8 декабря 877 года Людовика Заики. Клятву он подписал собственноручно. Новый король был провозглашен «Божией милостью и волей народа»; он обязался сохранить права и привилегии епископов и всего духовенства и защищать свой народ, «управление которым доверено ему милостью Божией и Генеральной Ассамблеей аристократов», храня закон и установления в неизменности и непреложности. Эти слова, или примерно такие же, произносили при восшествии на престол все преемники Людовика в Западнофранкском королевстве. Клятва стала одной из составных элементов королевской власти, или «регалий».

На протяжении всего столетия епископы не уставляли напоминать королю о его долге, о подчиненности его поступков правовым нормам, заботясь главным образом о защите и сохранности церквей. Ибо поведение короля определяет не только порядок, справедливость и мир среди доверенного ему народа, но также и его собственное спасение, как настойчиво говорил Луп Феррьерский Карлу Лысому. Чтобы быть прави-

льно понятой, Церковь распространяла трогательные повествования, заимствованные из богатой традиции чудес и видений, собираемых в назидательных целях. Так, в 824 году монах Веттин из Рейхенау рассказал, в предчувствии близкой смерти, о своем путешествии в загробный мир, где он увидел Карла Великого, терзающегося в муках из-за своих незаконных любовных приключений; это был первый намек на так называемый «грех Карла Великого». Валахфрид Страбон, наставник Карла Лысого, позднее описал в стихах это видение, связанное со столь знаменитой личностью. Еще большее впечатление на королей производило видение Эшера, епископа Орлеанского, — свидетеля адских мучений Карла Мартелла, осужденного на них за присвоение церковных богатств. Гинкмар в своем послании 858 года напоминает Людовику Немецкому, такому же узурпатору, чего стоило подобное поведение его предку. В конце 877 или в начале 878 года некий мирянин по имени Бернольд рассказывал, что он видел во сне Карла Лысого, находящегося в темном месте и пожираемого червями, изглодавшими его до костей. Король обратился к Бернольду: «Передай епископу Гинкмару, что я не умею следовать его советам и советам моих приближенных; за все эти мои грехи мне и предстоит испытать то, что ты видел». Бернольд просил Гинкмара за короля, чьими молитвами и молитвами его братии Карл был прощен. Столь красноречивым было это повествование, явно вдохновленное самим Гинкмаром, стремящимся держать в своих руках преемника Карла.

Однако престарелый архиепископ, охваченный ностальгией, принимал желаемое за действительное. Идея королевской власти, находящейся под неусыпной опекой Церкви, которая призывает в христианском народе порядок, мир и справедливость, оставалась в основном в мире предписаний и представлений. Общество было глухо к впушениям епископов. Истина же состояла в том, что возрастала секуляризация церкви, ее структур и ее владений. Епископства и особенно

аббатства, долгое время контролируемые королем, переходили в подчинение вельможам; разногласия, различия торжествовали, как всегда, над единством и прочностью. После смерти Карла Лысого величественные образы идеологии, прославляющей короля и Церковь, рассыпались в прах, — эти образы, воплощенные в роскошных гравюрах бесценных книг во славу Бога и короля: Библия графа Вивьена, проданная в Туре в 846 году, Реймская Псалтирь, датированная 860 годом, или еще великолепная «Золотая книга» («Codex aureus») с уцелевшим переписчиком из слоновой кости, каллиграфически написанная и украшенная в 870 году в королевской канцелярии. Во всех этих книгах король предстает в ореоле своего величия.

Прощальный жест императора Карла, последнего великого короля франков, — это церковь королевского дворца в Компьене, являвшаяся образцовой конией восьмиугольного собора в Ахене. Церковь была посвящена Богородице и открылась 5 мая 877 года. Это была дорогостоящая постройка, поражающая богатством материала, изобилующая символикой и рассчитанная на служение в ней ста священников. В связи с этим Иоанн Скотт Эриугена обратился к Карлу со стихотворным посланием: «Восседая на троне, король всех объемлет одним взглядом; на его возвышенном челе возлежит корона предков, в руках у него — золотые скипетры. Да здравствует великодушный герой и да процветает он до глубокой старости!» Через несколько месяцев Карл скончался, унеся с собой в могилу все, что еще оставалось от сильной и действенной королевской власти. Но ее идеологическая конструкция переживет короля.

II
КОРОЛЬ
ИЗ КНЯЗЕЙ
877 – 987
ГОДЫ

II
KONOLP
H3 KIRABH
817 - 887
TODI

I
ОБЛАДАНИЕ
КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТЬЮ
877—898 годы

„Граф Вани Божией милостью» — так именовался правитель Бретани Ален в 878 году. «Я, Бозон, являющийся таковым по милости Божией», — заявляет на другом конце королевства граф Бозон Вьеннский в июле 879 года. Король Божией милостью и одновременно народный избранник, как было объявлено о Людовике Заике в соборе Сент-Мари в Компьене 8 декабря 877 года, — это общепризнанно и законно. Но граф? Человек, занимающий государственную должность, назначаемый на нее и снимаемый с нее королем, наследником Пипина и Карла Великого, — как он осмеливается объявлять свою власть и достоинство божественными? Некогда Бозон присягал на верность Карлу Лысому, а совсем недавно Ален давал клятву Людовику Заике. Однако, в конце концов, и Бозон, и Ален занимали свои посты еще до правящего короля и останутся на них после его правления. Центр Франкского королевства между Сеной и Мёзом становится все более далеким. А Ален и Бозон (последний был супругом дочери императора, чем он очень гордился) удерживались у власти в значительной степени благодаря своим личным качествам, нежели из-за доверия и расположения со стороны короля.

1. КОРОЛИ ПОД ОПЕКОЙ

Король западных франков уже больше не был тем, чем он был долгое время, и даже чем он казался еще вчера. Десятилетие, прошедшее со дня смерти Карла Лысого и до прихода к власти Эда, — очень тревожное, — обнаруживает перераспределение власти в политической системе: количество партнеров все увеличивалось, и значимость их все возрастала. Королевская власть теперь находится в руках многих людей, разделена между более узкими сферами влияния. Несомненно, каролингская система еще не сказала своего последнего слова. Но ее лучшее время все же осталось позади.

Ускорим шаг, по примеру событий и личностей конца IX века. Люди испытывали двойное давление: династические перипетии и последние пароксизмы норманнской агрессии. С 877 по 885 год в Западнофранкском королевстве сменилось четыре Каролинга, — это больше, чем за сто двадцать пять лет с тех пор, как их предок Пипин был коронован и помазан на царство — первый из их рода. И как недавно был коронован отец Людовика Заики Карл, который, похоже, недолго любил своего сына, но тот был единственным, из оставшихся в живых, его наследником. Как только Людовик Заика узнал о смерти императора, он сразу же, как отмечает летописец, «заручился поддержкой всех, кого только можно, раздаривая аббатства, графства и все, что бы каждый ни попросил». Поступая таким образом, король совершал типичную ошибку. Эти перемещения богатств и должностей от одних к другим, с которыми в свое время Карл Лысый имел немало хлопот, были Людовику не по плечу. Назначение на графскую должность или управление крупным аббатством королевского подчинения находилось в ведении монарха. Однако обладатели этих благ не пожелали бы расстаться с ними без видимой причины. Среди таких попадались люди из числа наиболее приближенных к Карлу Лысому, сопровождавшие его во время

итальянской кампании и еще не успевшие вернуться назад. Именно за их счет еще не коронованный властитель решил в их отсутствие пожить. На самом деле Людовик, будучи в стесненном положении, не мог поступить иначе. Он нуждался в преданном ему окружении, и он покупал себе поддержку и дружбу, опасаясь, возможно, претензий своих кузенов из Германии. Изъять что-либо из оставшихся ему в наследство земель — значит ослабить самого себя. На это он не решался, по крайней мере тогда. В то же время, отбирая чужие законные владения, король будто бы действовал из прихоти, самовольно, пренебрегая всеми нормами и справедливостью. И даже не спросив совета — хорошего совета, разумеется. Именно в этом его и упрекали оскорбленные вельможи. Гинкмар, хранитель скрижалей закона, с возмущением поучал нового короля в длинном послании. Великосветская знать побуждала Людовика к более четкому осознанию своих возможностей и обязанностей. Среди них в первых рядах были двое, которые вскоре начнут борьбу за первенство в королевстве. Эти двое стояли во главе родовых кланов и других заинтересованных лиц, — однако контуры и состав этих групп оценить весьма сложно.

Прежде всего, это Гозлен, государственный канцлер, особо приближенный к Карлу Лысому, который доверил ему в Кьерзи охрану своей семьи. Владея крупными аббатствами Сент-Аман, Жюмьез и Сен-Жермен-де-Пре, он был сыном графа Роргона из Мана, а также сводным братом Людовика, внука Карла Великого, умершего десятью годами раньше в должности государственного канцлера и аббата в Сен-Дени. Гозлен был еще дядей грозного Бернара Готского и кузеном семейства Рамнульф из Пуатье. Что означают все эти генеалогии, эти родственные связи, терпеливо восстанавливаемые учеными? К чему знать, что второе влиятельное лицо той эпохи, Гуго Вельф, был племянником императрицы Юдифи по линии отца, императрицы Эрменгарды по линии матери и еще графа Па-

рижского Жирара, умершего как раз в 877 году? Что он, может быть, был сводным братом будущего короля Эда, если правда, что его мать, Аэли, вышла второй раз замуж за Роберта Сильного? Подобные связи далеки от определяющего воздействия на поступки людей. Соперничество столь же свойственно внутренним отношениям в одном и том же семействе, как и столкновение различных кланов между собою. Важно то, что Гуго Аббат, чьи наследственные владения находились в районе Осера, стал преемником Роберта Сильного в деле защиты западной части королевства от бретонцев и норманнов, что он был графом Тура и Анжера, аббатом Сен-Мартен в Туре, Сент-Эньян в Орлане, Кормери, Сен-Васт, а также аббатом Сент-Коломб в Сансе и, разумеется, Сен-Жермен в Осере. В течение десяти лет он был известен как искусный военачальник, замещающий короля в борьбе с язычниками, и как мудрый советник.

Гозлен, Гуго и их родня были влиятельнее и гораздо сильнее Людовика и оставшихся из его окружения. Если король хочет властвовать, он должен считаться с мнением окружающих. Конечно, императрица Ришильда передала своему пасынку от имени покойного императора «меч св. Петра, королевские мантию и корону, усыпанный драгоценными камнями золотой скипетр» — все эти символы священной власти короля, эти регалии, впервые так подробно описанные в связи с коронацией. Несомненно, Людовик был законным претендентом. Но поскольку желаемое становилось действительным, нужно было еще получить согласие всех этих «первых людей королевства», без которых король останется лишь символом власти. А главное желание первых лиц, как светских, так и церковных, — прежде всего оставить все свое за собой, не опасаясь перемен; а если можно, то получить и еще больше. Начались переговоры, король согласился на условия вельмож; так, Гозлен получил аббатство Сен-Дени. Теперь Людовик мог рассчитывать на коронацию и на клятвы о верности от своей аристократии, —

после того как он сам, очевидно, принес ей присягу. И присягу дорогостоящую, прежде всего в идеологическом смысле, а также и в материальном. Каролинги никогда уже не вернут себе, к примеру, Сен-Дени, к которому Карл Лысый после смерти государственного канцлера Людовика еще присовокупил аббатство, где он и был похоронен рядом с Карлом Мартеллем и Пипином Коротким. — Сен-Дени, это святое место Франкского королевства, принадлежавшее династии почти два столетия. Чтобы купить свой престол, король вынужден был пойти на огромные жертвы. Тогда как полученная взамен клятва о верности не стоила ровным счетом ничего.

Более чем когда бы то ни было король нуждался в поддержке. Надо было подавить бунт Бернара Готского, который, по словам летописца, вел себя будто король. Действительно, Гуго Аббат, Бозон, камергер Тьерри, Бернар Плантвелью укротили мятежника именем короля и Церкви, предавшей его анафеме, но главным образом ради своих личных интересов, ибо два последних получили себе добрую часть графств и почестей, отобранную у маркиза Готии. Людовик нуждался также в предупреждении осложнений, возникающих с тремя его кузенами в Германии: Карломаном, Людовиком и Карлом. Папа Иоанн VIII, прибыв на собор в Труа, где он помазал нового короля, призывал кузенов к согласию. Гозлен вел переговоры с Людовиком Младшим и в начале ноября 878 года заключил договор в Фуроне, условия которого сохранились в «Хропике аббатства Сен-Бертен». Этот договор предусматривал гарантию наследования в двух королевствах и укрепление связей между братьями. Однако Людовик Заика, будучи уже длительное время больным, как были также больны его кузены Карломан и Людовик, а вскоре и Карл, — приближался к концу своего жизненного пути. Его сын Людовик III вот уже несколько месяцев замещает его с помощью Бозона и, главное, архикапеллана Гуго Аббата, временно победившего своего конкурента Гозлена. 10 апреля 879 года

король западных франков скончался. Он первым из династии был погребен под плитами императорской часовни Сент-Мари в Комньене, побыв королем менее двух лет. Наследование его престола показывает дополнительное участие вельмож в регрессировании власти: усилились соперничество, волнения, насилие. Гуго Аббат стремился протезировать Людовика, старшего сына короля. Что это — желание сохранить единство королевства путем единовластия? Возможно. А более вероятно — стремление сохранить собственное лидерство, поддержать господство одной-единственной группы, чьи владения расположились на Луаре и в Осере и ближе к югу, так как Бернар Плантавелью был рядом с архикапелланом. Чтобы воспрепятствовать этому, Гозлен и его сторонники напомнили о Фуронском договоре, предусматривающем двойное правление сыновей Людовика Заики, и призвали Людовика Младшего из Германии, который дошел до самого Вердена. Шла ли попросту речь о том, чтобы оказать давление на нейстрийскую группировку, или же вельможи малой Франции рассчитывали на изменение династической ветви, чтобы заставить щедро оплатить свои услуги? Неизвестно. Остается очевидным, что Гозлен хотел заполучить Сен-Жермен-де-Пре, которое было отнято у него в пользу некоего Гильдуина, что Гозлен имел владения на севере Сены, был аббатом в Жюмьеж и Сент-Аман, что его сторонниками были граф Тьерри, влиятельная персона в Пикардии, и Конрад, граф Парижа, урожденный Вельф, близкий родственник Гуго Аббата. Все они, по франкской привычке к разделу, хотели поставить своего короля в междуречье Сены и Мёзы — в исконных землях династии Каролингов.

Что бы ни было, Гуго вел переговоры об уходе Людовика Младшего, внимательно следя за Баварией, где умирал его брат Карломан, и готовя передачу королю Германии части королевства Лотаря, полученной Карлом Лысым в Мерсене в августе 870 года. Вся Лотарингия, колыбель династии Пипинидов, оказа-

лась в руках старшей ветви. Главное состояло в следующем: Западное королевство, образовавшееся в результате раздела по Верденскому договору и ставшее владением Карла Лысого, все больше усваивает западный образ жизни, развиваясь в пользу области между Сеной и Луарой, где правил Роберт Сильный, — там, где теперь находится Гуго Аббат. Последний тотчас же заставил архиепископа Сансского Ансегиза помазать Людовика III, а вместе с ним и Карломана в аббатстве Феррьер, где некогда был аббатом Луп Феррьерский. Именно Ансегиз, а не старый Гинкмар, чья резиденция находилась слишком далеко на востоке и который вместе с тем оказывал духовное влияние на обоих юных королей, в особенности на Людовика. Ведь короли совершенно несамостоятельны в вопросах сложной духовной жизни. Вельможи действовали от имени королевской власти, но по личной инициативе. И если должность и ее необходимость остаются в силе, то тем не менее королевская власть все больше делается опосредованной. Доказательством тому служит роль, которую играл Гуго Аббат с 877 — особенно в 879-м — и примерно до 884 года. Маркиз Нейстрии обладал при короле, или при королях Западнофранкского королевства, княжеским достоинством. Он был самым приближенным к королю аристократом, и без него король ничего не мог предпринять. Он являлся безусловным посредником между королем и светской знатью и сам имел сильное влияние благодаря многочисленным аббатствам, паходящимся в его владении. В исторических документах, которые всегда с опозданием отражают реальный ход событий, заметны поиски выражения, которое бы подходило к этой новой должности. «Чудеса св. Бенедикта» повествуют о «благородном аббате Гуго, управляющем государством как властью оружия, так и советом». Король Карломан в грамоте от августа 883 года определяет его как своего опекуна и главного защитника своего королевства. Опекун, защитник — вот новые определения. Регинон Прюмский немного позднее намекнет на «герцогство Гуго».

2. АГОНИЯ КАРОЛИНГОВ

В конце лета 879 года возникла большая пужда в зашитнике королей. Через несколько недель после коронации короли узнали, что граф Вьеннский Бозон, зять Карла Лысого, приближенный Людовика Занки, за которого он сражался и который доверил ему сопровождать папу Иоанна в его разъездах по королевству, — решил на неслыханный поступок. Конечно, многие вельможи вели себя словно независимые князья, и даже, вроде Рампульфа из Пуатье или Бернара Готского, как короли. Им разрешалось, пусть даже и фиктивно, но сохранять за собой должностные полномочия. Теперь же то, что произошло 15 октября 879 года во дворце в Мантай, недалеко от Вьенна, не имело аналогов на Западе в течение десятилетий: там в присутствии шести архиепископов и дюжины епископов и вельмож южной Бургундии, как называли тогда Прованс, — Бозон и его супруга Эрменгарда, дочь императора Людовика II, были коронованы на престол. Так, весьма влиятельный человек, в жилах которого тем не менее не было ни капли каролингской крови, получил титул короля по линии Пипина Короткого, тогда как Прованс, несомненно, оставался частью Западнофранкского королевства, законными наследниками которого являлись сыновья Людовика Занки. На севере королевства раздались крики об узурпации власти. «Бозон, герцог Прованса, насильственно присвоил себе титул короля и захватил часть Бургундии», — сообщает летописец из Сен-Васт. Гинкмар обличает подкуп и давление, оказанное Бозоном на епископов. На самом деле Ростен из Арля и Ратфрид из Авиньона получили в подарок славные аббатства — плату за оказанную услугу. Вместе с тем, помимо личных притязаний Бозона и его бургундского клана, захватившего Прованс, помимо потакания и попустительства епископов, явных помощников возвышения графа Вьеннского, — можно увидеть в приходе последнего к власти знак начавшегося процесса, сближающе-

го политическую власть с социальными и территориальными реалиями. Пусть уж лучше, вместо далекого Каролинга, будет свой король, который на месте может успешно справиться с ролью военачальника, распределять блага и защищать Церковь. Все как будто указывало на то, что местная аристократия, пустившая корни в этой древней римской земле, приложила свою руку к свершившемуся, хотя не она непосредственно стала причиной этого события. Так, в итоге сепаратистских процессов, образовалось королевство, включающее провинции Арля, Экса, Вьенна, Лиона, за исключением Лангра, Безансона и Узе. Так появился король Бозон, принявший титул «прославленного» от канцелярии, которой руководил Адалгер, аббат из Флавины, пользующийся высоким покровительством; ему, например, был обязан своим появлением на свет роскошный бюст св. Маврикия Вьеннского — первый известный экземпляр из целого ряда статуй святых, которые, пачиная со статуи св. Фуа из Конка, станут широко распространенными через несколько десятилетий.

Собор в Мантай вызвал живую реакцию франкской аристократии. Возможно, из верноподданнических чувств и преданности закону, но, несомненно, и из-за того, что победа над «тираном» увеличила бы их собственное влияние и богатства, аристократия во главе с Гуго Аббатом, Бернаром Плантавелью и несколько позже с графом Ричардом Отёнским, братом Бозона, встала на защиту законной королевской династии. Король сплотился со своими кузенами из Германии, как будто династия Каролингов перед лицом узурпатора вновь обрела родовой инстинкт: необходимо срочно заткнуть брешь, пробитую Бозоном в их монополии на королевскую власть. Людовик III и Карломан в начале 880 года встретились с Людовиком Младшим в Рибмоне, где они помирились вопреки маневрам Гозлепа и его команды. Затем в Амьене оба брата поделили между собой королевство Людовика Заики, «в согласии с определением раздела со стороны

своих феодалов», — как уточняется в «Хронике аббатства Сен-Васт», свидетельствующей также о решающей роли знати в делах управления королевством. Людовику достались Франкия и Нейстрия, Карломаниу — Бургундия и Аквитания. Вне всякого сомнения, старший получил лучшую часть. Зато младший нашел могущественную поддержку Гуго Аббата. Каролинги вновь собрались в июне, в Гондревиле, на берегу Мозеля: присутствовали Карл Толстый, король Германии, Людовик III и Карломан. Людовик Младший, болевший в то время, как частенько и его братья, прислал своих представителей. Были приняты решения, с тем чтобы воспрепятствовать Бозону, а также ограничить влияние Гуго, чистокровного Каролинга, сына Лотаря II и Вальдрады, пытающегося прибрать отцовское наследство к своим рукам. После того, как временно была ликвидирована угроза в лице Гуго — убит его шурин Тибо, — короли со своими приближенными отправились на юг подавлять короля Прованса. Для начала был взят принадлежавший Бозону Макон, отданный Бернару Плантавелью. При приближении королевских войск Бозон оставил Вьенн, бросив там свою жену Берту. Карломан, стремясь завоевать королевство, продвинулся до Нарбонна, а Карл Толстый отправился в Италию за императорским помазанием. В феврале 881 года Людовик III, в свою очередь, выступил на севере против норманнов.

Там, на севере, была другая угроза, еще более опасная, нежели обособление вельмож, и еще больше показывающая бессилие королей и их неспособность оперативно отражать наступление со всех сторон. Короли вынуждены были прибегать к помощи дворян, которые действовали больше ради собственной выгоды.

Начиная с 880 года и на протяжении всего последующего десятилетия викинги обрушили на франков последнюю волну насилия, еще более разрушительную, чем все то, что происходило с самого начала их появления на Западе. Из своих лагерей в Генге и Лувене они продвигались в глубь Рейнской области, Фландрии

и Пикардии, где производили теперь большие разрушения. Гозлен потерпел поражение, пытаясь остановить их; они снова встретятся позднее. Победа, одержанная Людовиком III в Сокур-ан-Вимё в августе 881 года, продемонстрировала храбрость и решительность, однако осталась одиночной, так как действия короля никем подхвачены не были. Но останавливаться на достигнутом было нельзя. Также и через год Людовик III, в подтверждение того, что редкий Каролинг не был болен, стал жертвой собственной живости, разбив себе лоб, как говорили, о перемычку двери, когда догонял некую девицу. Тем временем норманны атаковали Мец; при защите города погиб его епископ. Затем они разорили Корби, жемчужину среди других каролингских аббатств, а также Сен-Вааст и Ставло; взяли Амьен, угрожали Реймсу, откуда бежал Гинкмар. Под опекой Гуго Аббата шестнадцатилетний Карломан был признан единственным королем западных франков. Все вельможи признали его, за исключением Бернара Плантавелью, который, конечно же, остался недоволен тем, что не получил графство Отён два года назад, во время похода против Бозона. Карломан и его приближенные вступили в бой с норманнами: сражались, когда это было возможно, или же, по сложившейся традиции, подкупали их при условии отступления или хотя бы просто перемирия. Ближе к востоку, на Мёзе, у Карла Толстого, короля всей Германии после смерти его брата Людовика Младшего в январе 882 года, дела обстояли не лучше. Карломан больше уже не мог противостоять врагу, опираясь на больного и измученного Гуго Аббата. Не имея больше владений, кроме как в междуречье Сены и Мёзы, подчиняясь воле маркизов, при сокращении поступлений от королевских налогов, Карломан исчерпал все ресурсы в деле управления королевством — управления, которое вот уже долгое время было иллюзией. В период его правления в Верре, в марте 884 года был написан последний капитулярий от имени государственной власти, — по примеру его славных предков, на протяже-

нии пяти поколений правящих в королевстве франков. И чтобы уже довершить картину краха, юный король умирает от несчастного случая, на охоте, в последние дни уходящего года. Из внуков Карла Лысого остается ребенок Людовика Заики, малолетний Карл, едва достигший пяти лет.

Тогда призвали другого Карла, дядю. Он обладал всеми качествами, чтобы править западными франками: был уже королем всей Германии, Италии, императором, как оба его тезки и предшественники, чьи качества он как будто унаследовал: храбрость, ум, благочестивость. Карл был человеком набожным, прислушивался к Богу и советам духовенства. И этот самый энергичный и удачливый князь со смерти Людовика Заики, стремящийся к установлению мира во Франкии и воевавший с Бозоном, имел при себе, после полуотставки Гуго Аббата, лучшего военачальника, графа Генриха, который в начале 885 года разбил норманнов во Фризии. К Карлу Толстому обратился Гозлен, новоиспеченный епископ Парижа, через посредничество графа Тьерри, старого камергера Людовика Заики. Гозлен сделал это с общего согласия, и в частности Гуго Аббата, успешно повторив церемонию 879 года. Среди тех, кто поддерживал кандидатуру Карла, выделялись Бернар Плантавелью и новая фигура — Эд. С конца 882 года и в начале 883 года старший сын Роберта Сильного был графом в Париже, преемником Конрада Вельфа, некогда сторонника Гозлена. Разумеется, благодаря покровительству последнего и, вероятно, при расположении к нему Гуго Аббата, Эд вступил во владения, никогда не принадлежавшие его отцу. Он продвинулся к северу, к малой Франции, к землям Робертинов. Париж, «столица Франции, ключ к королевствам Нейстрии и Бургундии», как пишет в 886 году архиепископ Фулк Реймский Карлу Толстому, — Париж стал отныне точкой опоры для группировки, главную роль в которой играл Эд. Сложившиеся обстоятельства благоприятствовали тому, что юный граф внедрился в Иль-де-Франс.

В июне 885 года Карл Толстый принял в Понтьоне присягу на верность со стороны светской знати и церковных иерархов Западнофранкского королевства. Был ли он коронован? Неважно. Главное в том, что в его лице в последний раз воплотился образ христианского Запада, доставшегося в наследство от Карла Великого и Людовика Благочестивого. Монах Ноткер из Сен-Галлена прославлял в своих «Деяниях Каролингов» («*Gesta Karoli*») цепь времен от одного Карла к другому, от «Великого» к «Простоватому»; послушаем его, хотя и без особого доверия. Идее воссоединения королевств под эффективной властью императора, через посредничество преданных должностных лиц, в уважении к закону и правосудию, противопоставляется всякое развитие, разрушающее политическую систему Западной Фралкии на протяжении жизни двух поколений. Реальная власть выскользнула из рук короля каролингской династии, даже если его престиж, основанный на памяти о былых заслугах и на законной преемственности, и остался неизменным. Сверх того, едва вступив на престол, Карл успел нажать себе головную боль.

К королевской власти взывали с большой тревогой тотчас же после собора в Понтьоне. От Карла ожидали принятия командования в борьбе с язычниками. И действительно, сильные отряды норманнов под руководством вождя Зигфрида продвинулись в течение всего лета вверх по Сене. Вновь был захвачен Руан. Норманны угрожали районам Санса и Осера. В ноябре, впервые после 866 года они подошли к Парижу. Об этом повествует поэма из шестисот стихов, написанная монахом Аббоном из Сен-Жермен-де-Пре, который был очевидцем происходящих событий. Он пишет о семистах кораблях — риторическая цифра! — как и все остальные преувеличения, оживляющие его произведение. Зигфрид просит пройти через Париж. Почему же глава города, епископ Гозлен, отказывает в том, что часто позволялось раньше? Конечно, потому, что Париж, с его несколькими тысячами квадратных метров

за крепостной стеной с двумя мостами, был надежно укрепленным городом. Уже известно, что укрепленный мост — лучший ответ норманнам. И что даже деревянные, а не каменные укрепления достаточны для того, чтобы выдержать осаду. Разумеется, главной ценностью в такой ситуации было само стремление дать отпор. Это желание владело епископом и его союзниками, аббатом Эблем из Сен-Дени и Сен-Жермен-де-Пре, сыном Рамнульфа I из Пуатье и кузеном Гозлена, и графом Эдом Парижским. Духовное лицо, монах, светская персона: епископ, аббат, граф — социальный срез франкского общества. Однако здесь отсутствует король, являвшийся обычно гарантом этого единства. Карл уехал в Баварию. И местные власти замещали его. Честь им и хвала. Именно они вели бесстрашный бой, — по правде сказать, единственный, который благословляют Бог и Церковь: они защищали христианский народ от врагов Христа. Поэтому неудивительно, что Пресвятая Дева Мария, которой посвящен Париж, и мощи святых этого города видимо помогали обороняться от врагов. Являясь на крепостных стенах, св. Женевиева, в свое время обращавшая язычников в бегство, и св. Жермен Осерский, чей храм был взят норманнами неподалеку от Парижа, — удерживали нападающих на почтительном расстоянии. Благодаря соединению усилий земных и небесных Париж не пал. И император Карл был здесь ни при чем. Конечно, он не оставался в стороне. Он послал графа Генриха на прорыв блокады. Однако тот, несмотря на ощутимые удары по противнику в марте 886 года, не достиг решающего успеха. Карл находился в это время в Италии. Бавария, Италия, Иль-де-Франс... Как императору уследить за всем сразу? Нагляднее, чем когда бы то ни было, обнаружилось, что единство, универсализм, территориальный гигантизм переальны на практике. Король должен быть повсюду, а на деле он оставался только в уме — да и там все меньше. Карл перестал владеть ситуацией, ибо сама по себе ситуация переросла возможности одного человека, управляюще-

го многочисленными королевствами. Один король па все эти территории — это слишком. В противном случае королевская власть должна была бы приобрести новое содержание.

Граф Эд возвысился. Ему это легко удалось, так как его возвышение совпало со смертью Гозлена в апреле 886 года и Гуго Аббата — в мае. Вместе с ними исчезло целое поколение, вознесенное при Карле Лысом и благодаря ему, процветавшее при Людовике Зайке и его сыновьях. В тот же год умерли такие влиятельные фигуры, как Бернар Плантавелью, наследником которого стал его сын Гийом Благочестивый, и Вульгрэн Ангулемский; в 887 году — Бозон; его брат Ричард, граф Отёнский, снова захватил Вьенн в 882 году для короля Карломана, а остатки Провансальского королевства перешли к королю Германии. Гийом, Ричард, Эд, Бодуан II, князь Фландрии с 879 года, Рамнульф из Пуатье, а вскоре и Герберт, который в Вермандуа стал обладателем наследства своего отца Пипина из Перонны и камергера Тьерри, — вот великосветская знать, наследники и преемники государственной власти, пришедшие к ней в самом начале века.

Узнав о смерти Гуго Аббата, Эд бежал из Парижа. Посланный просить помощи у Карла Толстого, он обеспечил право наследования титула маркиза Нейстрии, владевшего богатствами его отца Роберта. Граф Генрих погиб во время новой попытки отбить наступление варваров на Париж. Карл Толстый возглавил армию на Монмартре. После стычек и переговоров, как и следовало ожидать, император откупился от Зигфрида и от своих сторонников за семьсот фунтов серебром, что было недорого. Норманны добились своего: они вошли в Бургундию. Тотчас же был осажден Санс. Собор св. Жермена в Осере был сожжен, еще свежая могила Гуго Аббата осквернена. При защите Мо был убит граф Тейтберт, брат нового парижского епископа Аншера. Карл Толстый давно уже находился на востоке страны. Накануне своего отъезда он назначил Эда на должность Гуго Аббата: Эд стал владель-

цем аббатств Сен-Мартен в Туре, Мармутье, Кормери, графств Тура, Блуа и Анжера, — иными словами, маркизом Нейстрии, самой важной персоной в Западной Франкии. Чувствуя свое поражение, император хотел умереть на востоке, в своих родных краях. Его бедная голова причиняла ему жестокие страдания. Хирурги-убийцы сделали трепанацию черепа. Теперь император Карл был обречен. От такого короля нечего больше было ждать, и вельможи восстали. Или лучше сказать, они осенью 887 года отстранили его от власти в пользу самого последнего представителя Каролингов — его племянника Арнуля, сына его брата Карломана. А через три месяца внук Людовика Благочестивого, лишившись Германии, отсутствующий во Франкии, умер жалкой смертью. Это было в январе 888 года.

3. ПРОЦВЕТАНИЕ КОРОЛЕВСТВ

888 год был тяжелым. Он ускорил и выкристаллизовал все тенденции развития предшествующих лет. Изобилие символов опережало реальную действительность. Внезапно разрозненные изменения обрели плоть. Современники и очевидцы событий в своих воспоминаниях были ошеломлены, потрясены и взволнованы переменами; кто жаловался, кто негодовал. Из смешанной череды событий, которую мы можем проследить лишь по передвижениям малого числа правителей, попытаемся все же выделить главное.

Прежде всего, христианский Запад оказался многополюсным. На самом деле он и раньше был таковым, но теперь этот факт стал совершенно очевидным. Произошло разделение трех больших королевств: Италии, Германии, Франкии. Между двумя последними раскол был особенно глубоким. Никогда уже больше они не окажутся под одним скипетром. На стыке между ними находилась Лотарингия — спорная территория, где отныне доминирует германская сторона. Впрочем, Германия возобладала повсюду. История королевства

Франции, которая, похоже, начинается в последней трети IX века, свидетельствует о присутствии и главенстве германского могущества. Галлия, Германия... Заново переосмысленная старая терминология находит здесь свое обоснование. Из всех королей, процветающих на Западе, Арнуль был во многом самым сильным. Восточная часть империи Карла Великого сохранилась в большей целостности, чем западная. Процессы обособления местной власти здесь были менее активными, в силу оставалась каролингская система управления. Арнуль располагал остатками старинных фамильных владений Каролингов — на Мёзе и Рейне, в Баварии. Главное, он контролировал самым непосредственным образом, в отличие от западного короля, широкую сеть аббатств и в особенности епископств, которые были для него источниками материальных ресурсов и идеологической поддержки: монастыри в Лоббе, Эхтерпахе, Корвее, Рейхенау, Фульда и Приюме; области Кёльна, Трира, Майнца, Магдебурга, Меца, Льежа, Вормса.

Вместо этого в западном королевстве отчетливо формируются самостоятельные территориальные образования: Нейстрия, Аквитания, Гасконь, Бургундия, Фландрия, Бретань. Там, где с переменным успехом активизируется деятельность правителей из числа местной знати, церкви, не охраняемые более королевской властью, начинают попадать под их влияние. Аббатства, а вскоре и епископства превращаются даже во владения вельмож, которые распоряжаются теперь назначениями и присваивают себе доходы. Церкви, а скорее церкви, подчиненные светской власти, большой и малой, — вот еще одна типичная особенность нового периода.

Территориальное обособление и секуляризация — основные тенденции развития на Западе. С тех пор как государственная власть распалась, особенно в связи с тем, что династия, так долго ее олицетворявшая, исчезала, социальное устройство отныне базировалось на личных связях, взаимном признании, обмене услу-

гами или па простой субординации, а также на праве земельной собственности. Таков был реванш силы вещей после десятилетнего накопления изменений. Разумеется, подобные тенденции не охватывали в равной степени все земли королевства и не затрагивали все без исключения социальные слои населения. Ибо в политических структурах и в умах людей все еще сохранялись представления каролингской эпохи. Еще долго личности Карла Великого и Карла Лысого, мало-помалу смешиваясь, оставались неизменными авторитетами. Теоретически, а где удавалось — и на практике, каролингские законы главенствовали над другими. Но с 888 года они были уже не единственными. Десять лет назад Бозон нанес первый удар по каролингскому порядку. Вспышка 888 года была еще более бурной: развал империи, расцвет королевств. Как не процитировать напоследок два текста, показывающих силу удара? Первый текст написан автором, продолжающим в Ратисбонне «Хронику аббатства Фульда», современником событий. Он смотрит на них глазами сторонника германской власти, в то время единственной хранительницы каролингской законности: «Во времена короля Арнульфа появилось множество князьков. Беранже, сын Эвраа, провозгласил себя королем Италии. Родольф, сын Конрада, — королем верхней Бургундии. Ги, сын Ламбера, посягает на власть в бельгийской Галлии. Эд, сын Роберта, узурпировал власть на севере Луары. Наконец, и Рампульф провозгласил себя королем». Лет двадцать спустя о тех же процессах пишет аббат Прюмский Регион. Не было ли у него претензии «объяснить человеческие поступки и причины событий»? На самом деле его анализ через тысячу лет остается особой интерпретацией этого раздирающего периода. Воздадим же ему должное и еще раз обратимся к его тексту: «Королевства, которые подчинялись власти (императора), лишены законного наследника, разделились и установили друг с другом границы. Устав ждать законного сеньора, каждое из них начало действовать по своему усмотрению и изби-

рало себе короля из числа местных. Из-за этого бушевали разрушительные войны, хотя не было недостатка в достойных франкских князьях, отличавшихся благородством, храбростью и мудростью, способных управлять этими королевствами. Но так как все князья были равны между собой по своему происхождению, достоинству и могуществу, то несогласие все возрастало, и никто не хотел уступить другому». То, что Регинон, человек просвещенный, явно вдохновлен здесь пассажем Юстина, автора «Филиппик» II века, который комментировал раздел империи Александра Македонского его диадохами, — не умаляет его достоинств. Ремесло историка, теперь, как и прежде, — в переделывании предшествующих авторов. В конце концов, и сам Юстин резюмировал Помпея Трога...

Среди корошков, получивших корону в 888 году, первым на интересующей нас территории был маркиз Родольф, сын Конрада, младший брат Гуго Аббата и, следовательно, урожденный Вельф. Владелец унаследованных от отца Лозанны, Сиона, Женевы, аббат крупного монастыря Сен-Морис в Агоне, он управлял тем, что называлось трансюрской Бургундией. В январе в аббатстве Сен-Морис местная светская знать и церковные иерархи провозгласили его королем. Он был помазан и получил знаки королевского достоинства. Его королевство простиралось на запад, включая провинцию Безансон, входившую раньше в старые владения Бозона. Родольф считал себя достаточно могущественным, чтобы восстановить, хотя бы частично, королевство Лотаря II, где одной из жемчужин как раз и было аббатство Сен-Морис. Он был помазан королем Лотарингии, помазание совершил епископ Туля весной 888 года, прежде чем Арнуль Германский успел этому помешать. Имея доходы от дорожных пошлин за проезд через перевалы Альп и Юры, от соляных копей в Салене, чеканя монету со своими инициалами, окруженный двором, где блистали мудрые епископы, Родольф стоял у истоков королевства, мощь которого

все увеличивалась и которым на протяжении полутора веков будут владеть его сын, внук и правнук. К тому же княжество, оставленное по наследству его отцом Конрадом, было весьма крепким, несмотря на то, что Бургундское королевство являлось как бы сателлитом Германии. Следует отметить, что успешная попытка Родольфа была спокойно воспринята его соседями: сыном Бозона Людовиком — на юге, от имени которого его мать Эрменгарда правила в качестве регента, и призванного Карлом Толстым, очень могущественным маркизом Ричардом Отёнским, властителем Западной Бургундии, и, конечно же, Арнулем Германским. Может быть, внучатый племянник императрицы Юдифи, отпрыск знаменитого рода, неизменно преданного Каролингам, рассматривался как имеющий право стать избранныком. И потом, на его собственное королевство никто не имел видов.

4. ЭД, ДРУГОЙ КОРОЛЬ ФРАНКОВ

Иной была ситуация во Франкии. Речь шла не столько о наследовании престола Карла Толстого, сколько о преемнике Карла Лысого. Срочно требовался король. Идея отказа от королевской власти никому и в голову не приходила. Мир без короля был просто немыслим. Необходимая иерархия в обществе, его упорядоченность требовали присутствия короля, в котором воплощались бы священные принципы и качества. Король нужен всегда. «Под властью Христа, в надежде на короля», — можно было прочесть внизу грамот вместо даты; только на юге королевства не знали или не хотели знать, кто, собственно говоря, правит королевством. И потом, как сохранилось в памяти людей IX века — король всегда происходил из франков. Этот обычай на протяжении пяти веков оставался в силе: надо было немедленно найти преемника короля Хлодвиг, память о котором поддерживается и хранится духовенством Реймса через его святого по-

кровителя Реми. В 888 году идеологические императивы сменились материальными и политическими интересами. И если уж на то пошло и необходимо было всего-навсего занять абстрактную, символическую должность, заполнить юридический вакуум, то это мог бы сделать и Карл, внук императора, сын и брат трех королей. Что ж из того, что этому прямому потомку Пипина и Карла Великого исполнилось только восемь лет. Кто лучше его сможет воплотить в себе, благодаря своему происхождению, увековеченную законность франкской монархии? Однако в 888 году королевская власть обладала еще существенным весом. Королю принадлежало право назначать на высокие должностные посты — и светские, и церковные, в его казну поступали доходы от судов и налоги. И эти права последние потомки Каролингов на Западе больше уже не смогли заставить уважать; в особенности Карл Простоватый, который не располагал ни богатством, достаточным для оплаты необходимых услуг, ни преданными ему людьми. Наоборот, только граф Эд был в исключительном положении: в расцвете сил, крупный земельный собственник, окруженный преданными ему людьми и деятельными родственниками. Владелец крупных аббатств и епископств, он больше, чем кто бы то ни было, мог претендовать на королевскую власть, — по меньшей мере по трем причинам. Первое — его авторитет как героического защитника Парижа; суть королевской власти как раз и составляли борьба с язычниками и защита королевства от врагов Христа. Второе — он осуществлял отдельное руководство герцогством — от Анжу до Пикардии, прямо в центре королевства. Герцогский титул он унаследовал после смерти Гуго аббата, что делало его первым из первых после короля, наравне с королем, даже вместо короля в отсутствие последнего. Однако в начале 888 года образовался именно вакуум, так как Карл Толстый умер, а Карл Простоватый не обладал реальной властью, и королевство постоянно находилось под угрозой норманнского вторжения. И третье, не менее

важное: Эд и его клан решили взять королевскую власть, апеллируя к закону в связи со сложившейся ситуацией: разве граф Эд уже не является правителем Нейстрии, от Анжу до Валуа? Неважно, кто именно из вельмож 29 февраля 888 года провозгласил Эда своим королем и присутствовал на его помазании архиепископом Санса Готье в церкви Сент-Мари в Компьене — императорском и королевском святилище. Но совершенно точно, что там не было маркизов, равных Эду в собственном могуществе и влиянии: Гийома Орлеанского, Рамнульфа из Пуатье, и конечно же, Гифреда Серданского или тем более Ричарда Отёнского, Бодуана Фламандского или Герберта из Вермандуа. На церемонии отсутствовали также влиятельные персоны из областей между Сеной и Мёзозом, — то есть оттуда, где были еще сильны позиции Каролингов: архиепископ Фулк Реймский и подчиненные ему епископы из Лана, Теруанна и Шалона, а также многие другие. Здесь — безразличие, там — враждебность, а кроме того, стечение обстоятельств и разного рода помехи. Здесь было видно, на чем основывалась власть Робертинов: узкий круг преданных своему графу и маркизу виконтов — Аттон в Туре, Фулк в Анжере, Гарнего в Блуа; епископы, которым Эд обещал назначение и поддержку, — Готье Орлеанский и его племянник Готье из Санса, Адалард Турский и его брат Ренон из Анжера, — в самом центре робертинских земель. Именно им, своим друзьям и близким, Эд дал королевскую клятву охранять права и привилегии церквей, защищать их от врагов «согласно моей власти, данной мне Богом».

И последняя причина, которая поясняет, почему Эд сделал столь решительный шаг: существование его брата Роберта, с самого начала тесно связанного с ним. Роберт блестяще отличился при обороне Парижа и помогал своему брату в различных ситуациях. С того момента, как Эд становится королем, он должен был отказаться от старой государственной должности и владений, которые должны были перейти в собствен-

ность, наследуемую его семьей. Но если есть доверенное лицо, имеющее право управлять этой семейной собственностью, то новый король мог бы продолжать пользоваться ею через это третье лицо. Наследство Гуго Аббата и Роберта Сильного переходило таким образом к Роберту, получившему графства Нейстрии и другие, а также большие аббатства, захваченные в свое время Эдом, и титул герцога, делающий его ближайшим советником короля. Роберт исполнял свои обязанности более тридцати пяти лет, достигнув могущества и влияния и оставив своим потомкам огромное состояние и почести, которые в один прекрасный день принесут свои плоды: ведь Роберт был дедом Гуго Капета.

Что же в итоге произошло? Главное и очевидное: граф Эд стал королем. В 888 году принцип реального наконец возобладал. И важно, что его избрали; или скорее он сам себя избрал. В Компьене он победил благодаря не выборам, а потому, что принцип наследования пошатнулся под давлением обстоятельств, силы вещей, которую воплощали эта группировка и ее глава. Осталось только занять опустевшее место. Многие могли бы претендовать на него. И один из вельмож попытал счастья: Ги, внук Ламбера, некогда графа Нантского, жившего в Сполето в 834 году. Герцог Сполето, королевского происхождения, если верить его родственнику и союзнику архиепископу Фулку Реймскому, который затеял все это дело, — был помазан в Лангре епископом Гелоном в самом начале 888 года. Однако среди западных франков Ги не имел ни сторонников, ни защитников. Не настоящий Каролинг, не местный князь, он вскоре вернулся в Италию с целью сделаться императором. В лучших условиях, для того чтобы стать преемником Карла Толстого, находился, похоже, его племянник Арнуль, которого после провала Ги Фулк Реймский подталкивал к этому поступку. По причинам, о которых можно только догадываться, Арнуль не ответил на призыв из Реймса. На Западе он, Арнуль, был великим королем, и были

малые короли — корольки, как называет их летописец из Фульда, — и так продолжалось со времен Карла Великого и Людовика Благочестивого. Приметой времени, несомненно, было то, что властители этих маленьких королевств были не из одной семьи. Тем не менее они справлялись со своими должностными обязанностями, возложенными на них Арнулем. Он позволил обосноваться Родольфу в Бургундии, удерживая его в определенных рамках. Он отдает Италию Ги и Беранже, смертельно соперничающим друг с другом. Через два года он не чинит препятствий коронации сына Бозона, Людовика, протеже Карла Толстого, племянника очень влиятельного Ричарда Отёнского. Под покровительством последнего, а главное, в присутствии двух эмиссаров Арнуля, Людовик в конце 890 года был помазан и стал королем Прованса и Валепсий. Именно король был нужен для того, чтобы примирять разногласия между местными магнатами, «которых не удержат розги ни одного хозяина», — как сказано в протоколе церемонии. Король должен давать отпор и язычникам — норманнам и сарацинам. Не было никого лучше него для епископов и вельмож, для того чтобы «стать королем, потому что он происходит из императорского рода (дед по линии матери — Людовик II Итальянский), и он добрый по натуре, хотя и несколько молод, чтобы бороться с варварами». Борьба с варварами для этого поколения еще оставалась прерогативой законной королевской власти. После победы при Монфоконе, в Аргонне, в далеких краях, принадлежащих Каролингам, 24 июня Эд окончательно вступил в свои новые права. Через несколько недель он встретился в Вормсе с Арнулем, который признал его власть в обмен на присягу о верности. Фулк Реймский, без особого удовольствия, Бодуан Фламандский, другие правители северной Сены признали Эда королем. 13 ноября тот заново был коронован, — на этот раз в Реймсе, и Арнуль прислал ему из Ахена корону, мантию и скипетр. Итак, коронация в Реймсе, без признания которого, начиная с Гинкмара,

ни один король не становился законным обладателем своих прав.

В правление Эда проявился и другой факт — разделение, еще в зародыше, между королевской властью и физической способностью короля осуществлять ее. Как монарх, Эд был почти повсеместно признан в королевстве, особенно когда он сражался с норманнами. Тогда вельможи охотно следовали за ним, хотя и не оказывали ему реальной поддержки. И вместе с тем они не представляли себе, чтобы король вмешивался в их собственные дела. Ведь Эд был в их глазах и король, и глава клана. Его шаги в Аквитании свидетельствовали об этой двойственной роли. В 889 году Эд со своей армией встречает в Орлеане войско Рамнульфа из Пуатье, который был в то время властителем большей части Аквитании, а также юного Карла Простоватого, бывшего при дворе Рамнульфа. Возникло недоразумение. Рамнульф оказал приличествующую Его королевскому величеству честь. Будучи королем Аквитании, Эд удерживался у власти. Но когда через некоторое время после смерти Рамнульфа в 890 году он попытался передать владения в Пуатье своему брату Роберту и обеспечить себе право наследования в южной Луаре, — то он потерпел полную неудачу. Несмотря на то, что юный сын Рамнульфа Эбль обратился в бегство, Роберт Нейстрийский остался ни с чем, и в начале 893 года преемником Рамнульфа оказался граф Адемар, глава рода ангулемских графов, родственников и одновременно соперничающих с династией из Пуатье. Не преуспел Эд и в деле с Гийомом Благочестивым. Король отнял у Гийома графство Бурж, чтобы отдать его своему приближенному Гуго. Гийом же убивает последнего в бою. Тогда Эд вынужден был возвратить отнятое Гийому. Сражение произошло в июле 893 года, и Гийом вернул себе владения и должности. На юге Луары король франков больше не имел и никогда не будет иметь графские должности и даже королевские права. Из всех королевских должностных лиц на юге, сохранивших королю личную предан-

пость, последней фигурой являлся знаменитый Жеро из Орияка. Отметим также графа из Нима, которому Эд по просьбе епископа поручил уладить дела с узурпацией церковных богатств. И еще Раймунд, наверняка сын графа Эда Тулузского, который был нечто большее, чем простой чиновник в повиновении у короля. Роль последнего ограничивается теперь утверждением церковных привилегий, по просьбе самых отдаленных иерархов, разрешением на пазначения епископов и аббатов, хотя реальное решение принималось совсем другими лицами, даже если королю случайно и удавалось продвинуть своего кандидата, как в Сен-Илэр в Пуатье или Сен-Жюльен в Бриуде. Вот что значило быть королем на юге, где к тому же не осталось почти ничего от налоговой системы. В противном случае, когда затрагивались интересы местной династии, то вельможи препятствовали любому вмешательству. На востоке маркиз Ричард, обосновавшись в своем графстве Отён, создает княжество. Он прибирает к рукам графство Осер и аббатство Сен-Жермен. И вот уже он, благодаря своему приближенному Манассии, графу Шалопскому, контролирует епископство Лангр, где епископ Тибо, родственник Карла Простоватого, был ослеплен, низложен и замещен одним из друзей Бозонидов. В 895 году маркиз Ричард вошел в Санс, взял в плен архиепископа Готье, присвоил себе аббатство Сент-Коломб, которым недавно владел сам Эд, и сажает там в качестве виконта верного ему Гарнье. Он простирает свое влияние даже на епископскую резиденцию в Труа — город, где тот же Гарнье был графом после смерти Адалельма, кузена короля Эда, преданного ему. Ричард не оспаривал королевские полномочия Эда, который поставил его выше графов и сохранил за ним титул и привилегии. Однако в дюжине подчиненных ему графств Ричард не желал признавать никакой другой власти, кроме своей собственной. Бодуан Фламандский — он тоже — расширял свои владения к северу вплоть до Эско. На юге его интересы встречали отпор со стороны других правителей: Гер-

берта Вермандуаского, контролировавшего земли от Перонны до Сен-Кантен; самого короля, чьи парижские и нейстрийские владения располагались поблизости. Так, после смерти сына Эврава Фриульского, могущественного аббата Рауля из Сен-Васт и Сеп-Бертен в 892 году, Бодуан, хотя и получил Сен-Васт, но упустил Сен-Бертен. Последнее аббатство Эд отдал обратно Фулку Реймскому, старому его владельцу. Король вернул себе Лан, которым завладел было граф Готье, союзник Бодуана. После кончины Эбля из Сен-Дени в октябре 893 года Эд оставил за собой знаменитое аббатство. Затем он передал его своему брату Роберту, и оно уже всегда с этих пор наследовалось его династией.

Итак, особенно в первой половине своего правления Эд компенсировал известную долю царящего беззакония своей энергичной деятельностью, использованием личных семейных связей, с тем чтобы укрепить и усилить королевскую власть и ее влияние. Король западных франков, еще способный пересечь Луару, он появляется в Шалоне, у Ричарда Бургундского; в Бриуде, центре Оверни, у Гийома Благочестивого; в Перигё, Лиможе, Пуатье. Его видят на охоте, «по королевскому обычаю», в лесу Компьеня, в окружении «епископов, графов, королевских вассалов»; некоторые из них прибыли издалека, как в середине 889 года епископ Жибер и граф Раймунд из Нима. В лучших традициях франков король созывает ассамблеи и возглавляет их: в Сен-Месмен в Миси, около Орлеана, в июне 889 года, где, среди прочих, собрались аббаты из Больё и Солиньяка, епископ из Уржея, граф Сунийе Ампурийский. На соборе в Мен-сюр-Луар присутствовали, в частности, епископы из Орлеана, Шартра, Тура, Салса, Осера, Отёна, Невера, Буржа, Клермона, Безье, Нарбонна, Жироны... Еще летом 892 года Эд собрал в Вербери знатных вельмож своего королевства. Из королевской канцелярии выходило довольно много документов: до нас дошло около сорока. Должность государственного канцлера продолжала оставаться очень престижной.

Как и при великих Каролингах, она была занимаема выдающимися личностями: Эблем из Сен-Дени, епископом Парижским Аншером, Адальгером, аквитанцем и доверенным лицом Карла Лысого, Бозоном, епископом Отёна и Флавипьи, впоследствии убитым монахом, наконец, архиепископом Санским Готье, сменяющими друг друга в этой должности.

5. ВОЙНА ЗАКОНОВ

Получилось так, что король обладал одинаковой властью с крупными вельможами, которых он сам не так давно сделал себе ровней, а не господствовал над ними. Королевская власть использовалась им прежде всего для укрепления интересов собственного клана. И вскоре он перестал исполнять свои непосредственные обязанности — бороться против язычников. Когда с 889 года норманны вновь осадили Париж, то он, прежний граф этого города, славный его защитник три года назад, покупает уход язычников, на манер Карла Толстого. На следующий год в Пикардии он ничего не мог поделать с постоянными обираниями провинции. Еще в 891 году он потерпел полное поражение в битве с норманнами в Вермандуа. На самом же деле успешно сражался не он, а местные князья, Юдикаэль и Ален в Бретани, Ричард — в Бургундии.

Ослабить Эда означало для маркизов усилить собственные позиции, присвоить себе должности и привилегии, укрепить круг преданных им людей, получить для подвластных им церквей льготы, освобождающие их от королевских налогов, не допускать расширения владений Робертидов. Они хотели бы престижного короля, но лишённого подлинной власти, вся полнота которой сосредоточилась бы в руках правителей мелких королевств, составляющих Франкское государство. Именно к такому порядку, сознательно или бессознательно, стремилась знать.

Может быть, Эд стал жертвой собственных относительных успехов. К этому добавилась, вне всякого сомнения, активная поддержка законности каролингской власти в междуречье Сены и Мёзы — там, где прочнее всего держалась каролингская династия. Фулк Реймский, под влиянием памяти о Гинкмаре и из желания оттеснить, конечно же, Готье Санеского, стремился возобновить реймскую традицию помазания королей и сделаться их советником. Он внимательно следил за единством своей провинции, некоторые епархии которой относились к королевству Арнуля, и прилагал все усилия, чтобы власть перешла к ее законному наследнику, внуку Карла Лысого, так как сам Арнуль не желал этого. Как раз в конце 892 года, когда Эд спешил в Аквитанию, Карлу исполнилось четырнадцать лет — возраст, «в котором он может присоединиться к мнению тех, кто дает ему хорошие советы», как пишет Фулк, намекая на свою собственную персону. 28 января 893 года в Сеп-Реми Реймса архиепископ наконец-то помазал короля. В церемонии участвовали подчиненные Фулку епископы, за исключением Оноре из Бове, Герберга из Вермандуа и его брата Пипина, графа из Санлиса, — все чисто-кровные Каролинги, несомненно вассалы Реймской церкви и вермандуаских графов — большинство из тех, кто не был и в Компьене на коронации Эда. К ним же можно прибавить еще епископов Аншера из Парижа и Тибо из Лангра. Будучи больше человеком ума, нежели действия, Фулк оправдывает возврат Карла Простоватого в своих посланиях к королю Арнулю. Ведь именно от Арнуля, главы династии и хозяина положения, зависел успех предприятия. Как писал летописец из Фульда о ставке в этой игре: «Европа, королевство его дяди Карла» (имеется в виду Карл Толстый). Фулк произнес речь о законности наследования, которой он надеялся понравиться королю Германии: «Эд, чужеземец королевской крови и тиран, злоупотребляющий своей властью (...). В обычае франков — избирать себе королей по праву наследования (...). Вы должны пре-

пятствовать тому, чтобы короли-иностранцы, которые уже пришли к власти или могут возвыситься в будущем, не преобладали над теми, кто по рождению имеет право на престол»... Но сколько могло реально весить в самом конце IX века «законное право» Каролингов? Источники, которыми мы располагаем, происходящие из Германии времен Арнуля или из реймской провинции, отдают этому праву преимущество. Вместе с тем, если Ричард Отёнский и Гийом Овернский как будто и присоединились к Карлу весной 893 года, то это было сделано прежде всего ради того, чтобы помешать распространению влияния Робертинов. В отличие от Эда и его приближенных, Карл, остатки владений которого находились на северо-востоке королевства, не был для них конкурентом. Им было удобнее всего разыгрывать королей друг перед другом. К этим играм больше всего подходил Ричард, чьи территории простирались на запад. Грамота, датированная ноябрем 893 года, по которой Ава, сестра Гийома Овернского, уступила своему брату область Ключи, была подписана следующим образом: «Первый год борьбы двух королей — Эда и Карла — за власть». Арнуль Германский, который признал Карла в 894 году, а в 895-м — и Эда тоже, присягнув ему на верность и вручив великолепные подарки, вроде «Золотой книги» («Codex aureus») Карла Лысого, перешедшей из Сен-Дени в Ратисбонн, — действовал как и прежде. В итоге Эд, владеющий Ланом, захватывает Реймс и совершает успешные набеги на Фландрию, вынудив Карла занять оборону и отступить в Лотарингию и даже подумать о помощи норманнов, в чем сурово упрекнул его Фулк. Чтобы покончить с этим, Эд, с позиций материальной силы, но, вероятно, из слабости идеологического порядка, отдает Карлу в 897 году Лан. Он ведет с ним переговоры о наследовании, которое немедленно осуществилось, сразу же после смерти Эда 1 января 898 года. Таким образом, провозглашает летописец из Сен-Васт, Карл вновь утвердился на престоле своих предков.

Почему же Эд не передал власть своему брату и почему Роберт столь быстро принял именно такую сделку, — трудно понять. Германские и реймские источники выделяют главенство династического принципа. «Карл, сын Людовика, сына короля Западной Франкии Карла, племянник короля Арнуля», — так представляет его летописец «Хроники Фульда». Значит, Карл — король по рождению, независимо от того, есть у него королевство или же нет. Может быть, вельможи, и в первую очередь Ричард Бургундский, Герберт Вермандуаский и южные князья Гийом Овернский и Адемар из Пуатье, не желали утверждения и процветания Робертинов. Более того, Эд и Роберт, закрепляя власть среди своих родственников, преодолевали множество трудностей, окруженные каролингским королем и маркизами. В 897 году у Эда не было детей. Роберт, имеющий двух девочек от первого брака, только что женился вторично, в этом же году, на Беатрисе, дочери Герберта Вермандуаского. Этот брак стоил ему присоединения к своим владениям аббатства Сент-Мари в Морьенвале. Их сын Гуго родился скорее всего около 900 года. Иначе, если бы Роберт унаследовал королевскую власть, то никто бы уже не мог заполучить богатства и привилегии Робертинов — все то, что было упрочено и приумножено во время правления Эда. Чего стоила, после потери стольких графств, аббатств и городов, монархия, маркизы которой, если бы даже и позволили Роберту властвовать, то все время ограничивали бы его власть? И здесь впервые выявляется условие, необходимое для поддержания и возвышения династии Робертинов, уже теперь подталкивающее эту династию на создание вертикальной линии для наследования по мужскому признаку: своевременно иметь хотя бы одного сына. В 897 году положение было иным. И Карл Простоватый извлек из него выгоду. Он должен был заплатить дорогую цену за союз с нейстрийским кланом: ведь Роберт исполнял обязанности маркиза в междуречье Сены и Луары, его власть простиралась до самого Мина. В этих областях

Роберт опосредовал королевскую власть: король общался теперь с местными властями только через посредничество маркиза, ведающего их назначениями. Кроме того, ни один важный вопрос в королевстве не мог быть решен без Роберта и его клана. Такое высокое положение, льстиво и напыщенно выражаемое в королевских грамотах, придавало клану Робертинов особый авторитет и одновременно позволяло им еще более укрепиться в материальном и стратегическом отношениях. Король Эд, торжественно погребенный в Сен-Дени, которым владела отныне его семья, рядом с прославленным Карлом Лысым, занимает полноправное место в истории наследования Франкского королевства. Каролингская канцелярия определяет его совершенно естественно как предшественника правящего короля. Так, в грамоте 904 года, пожалованной в пользу аббатства Сен-Мартен в Туре, Роберт назван «особо уважаемым человеком, братом нашего предшественника и господина короля Эда». И только в конце X века императорская пропаганда, враждебно настроенная к первым Капетингам, попытается распространить образ временного заместителя короля, бывшего в подчинении у незабываемых Каролингов. И все же, наряду с ними, править Западнофранкским королевством была призвана и другая династия. Отныне она будет занимать особое место подле короля, и ее обладатели заставили других ценить это место.

2 ГРЯДУЩИЕ КНЯЗЬЯ 898—936 годы

Длительное правление Карла Простоватого — около четверти века — характеризуется тремя реальными особенностями и одной кажущейся, которая, впрочем, в X веке тоже станет реальностью.

1. ЯВНАЯ РЕСТАВРАЦИЯ

Очевидным стал возврат к самой славной из традиций: новый Карл восстановил связь времен. Восстановлено могущество Карла Лысого. Предано забвению вырождение его дебильных преемников — Людовика Заики, Людовика III, Карломана, Карла Толстого. В 899 году умирает Арнуль Германский, император с 896 года. В 911 году уходит из жизни и его сын Людовик Дитя. Отныне на Западе Карл остается единственным правящим Каролингом. У него было еще достаточно дворцов и владений в малой Франции и в Лотарингии. Королевскую канцелярию возглавлял Фулк Реймский, а затем, начиная с 900 года, деятельный архиепископ Эрве. Карл, особенно в начале своего правления, издает через свою канцелярию большое количество указов — их сохранилось более ста двадцати, — которые касались подчас провинций и церквей, расположенных

на другом конце королевства — например, в Септимании или Каталонии. В июне 899 года король пожаловал иммунитет монастырю в Орийаке, основанному «любезным другом графом Жеро». Так, имя короля становится известным и признанным в самых отдаленных краях королевства, где частная и общественная документация постоянно датируется годами его правления. В сфере законности и порядка король остается высшей инстанцией.

На севере Сены Карл непосредственно владел большим числом графств. Еще ни одному маркизу не удавалось объединить здесь земли под властью одного лица. Амьен, Бове, Реймс, Суассон, Шалон, Нуайон, Лан, Санлис, Сен-Кантен, Монтрей — каждый город имел своего графа, но графская власть была ограничена в сравнении с королевской властью. В 899 году Карлу удалось даже ослабить Бодуана Фламандского, отобрав у него графство Аррас и передав его своему приближенному Альтмару, а также аббатство Сен-Васт, подаренное Фулку Реймскому, который быстро поместил его у Альтмара на аббатство Сен-Медар в Суассоне. В малой Франкии король обладал правом вмешиваться в назначение епископов, кандидатуры которых он формально продолжал утверждать в пределах всего королевства. В феврале 906 года Карл, задавшись целью восстановить благочестивые обычаи своих прославленных предков, взимает средства от поступающих в казну палогов в Корбени и основывает монастырь во имя св.Маркуля, мощи которого находились у него на хранении после очередного норманнского наступления. Сен-Маркуль в Корбени сыграет позже большую роль, как известно, в освящении королевской власти.

Действительно в первые годы X века король западных франков и внук Карла Лысого поддержал честь своего рода в управлении королевством. Будучи правителем многочисленных королевств, управляемых маркизами, Карл стремился заполучить и еще одно, с которым его связывали тесные династические и духовные узы: Лотарингию, колыбель его семьи, где сорок

лет назад был коронован его дед. Это было королевство, полное славных воспоминаний, где процветали богатые церкви и монастыри, — владения предков Карла, частенько основанные ими лично, поддерживающие Каролингов своими молитвами, плодами интеллектуального и художественного труда, своей политической и воинской службой. В Лотарингии жила также могущественная аристократия, владеющая богатыми имениями и преданными воинами. Одного из самых знатных лотарингских военачальников звали Ренье. Позже он приобретет себе прозвище Длинная Шея. Внук императора Лотаря со стороны матери, граф Эно, Эсбей и Лимбурга, аббат Эхтернаха и Ставлю, Ренье, которому Регинон Прюмский пожаловал титул герцога, был ближайшим советником короля Цвентибольда, побочного сына Арнуля, который отдал ему Лотарингию. Но затем этот же король лишил своего советника всех почестей и богатств по причинам, о которых Регинон не сообщает, и предписывает ему покинуть королевство в двухнедельный срок. В течение нескольких месяцев Карл правил на Западе один. Ренье со своим кланом вовремя позвал его на помощь, уверив в своей преданности. Карл тотчас же, движимый наследственным побуждением, хотя не в последнюю очередь и политическими мотивами, устремляется в Ахен. Здесь он наверняка впервые видит могилу Карла Великого. Затем он достигает Неймегена, минуя Прюм, где Регинон должен был бы увидеть королевский экипаж. Вскоре армии встретились лицом к лицу. Короли, попытавшись произвести друг на друга впечатление, и мало озабоченные тем, чтобы вступить в настоящее сражение, провели переговоры и заключили перемирие. Карл вернулся во Франкию. Менее чем через два года, когда Людовик, сын Арнуля, стал королем Германии и был призван в Лотарингию, чтобы заменить Цвентибольда — последний был убит в бою в августе 900 года лотарингскими аристократами. Редкий случай: насильственная смерть короля, к тому же из династии Каролингов!

Это скоротечное вторжение Карла Простоватого в королевство Лотаря II, освобожденное, согласно прошлым соглашениям, от господства преемников Карла Лысого, заслуживает упоминания. Прежде всего, оно свидетельствует о воле и способности к действию молодого князя за пределами своего королевства. С другой стороны, это вторжение стало первым проявлением того, что можно было бы назвать лотарингским искушением. Оно тяготело над Карлом и его тремя каролингскими преемниками на Западе и играло свою роль в судьбах Франкского королевства вплоть до конца X века, приблизив исчезновение самой династии. Та самая Лотарингия, которая, напомним, простиралась в бассейне рек Мёз и Мозель и охватывала Эльзас и всю территорию между Эско и Рейном вплоть до морского побережья: сердце христианского Запада, королевского и императорского вот уже более двух веков, с тех пор как Пипиниды получили и приумножили наследие Хлодвига.

Действительно, лотарингская проблема вскоре снова стала актуальной. Королевства Германии и Лотарингии находились под властью — в лице Людовика Дитя — франконской семьи Конрадов, опирающихся на архиепископа Майнца, соперничающего с Триром. Гебхард, брат герцога Франконии Конрада, был назначен Людовиком Дитя на должность герцога Лотарингского. Он получил престижное аббатство Сен-Максимен в Трире, которое жаждали захватить лотарингские аристократы, и среди них — Ренье Длинная Шея. Подчинение Лотарингии Франконии, нестерпимое для местной знати, привело к тому, что та повернулась в поисках поддержки к клану, соперничающему с франконскими, — а именно к Оттону и Генриху Саксонскому. Кроме того, Карл в 907 году женился на Фреропе, саксонской дворянке. Через два года на ее сестре Матильде женился Генрих, прозванный позже Птицеловом. Сам Генрих сделался герцогом Саксонии в 912 году. Так что вовремя для Карла Простоватого установились связи между каролингской и саксонской

династиями, и связи эти сыграют решающую роль в судьбах королевской власти на Западе.

Действительно, благоприятное время, ибо две смерти облегчают Карлу доступ к Лотарингии: в 910 году герцог Гебхард был убит в бою с венграми. На следующий год Людовик Дитя, последний из правящих Каролингов в Германии, умирает, едва достигнув восемнадцати лет. Казалось, никто в Германии и не помышлял призывать на престол Карла Простоватого, кузена усопшего и, как и он, потомка Карла Великого. 911 год в обратном смысле повторил 888-й. Историческое разделение между западными и восточными франками, или, как говорили современники, между галлами и германцами, стало теперь окончательным. Королем был провозглашен племянник Гебхарда, Конрад Франконский, самый могущественный из герцогов. Впервые в Германии, с незапамятных времен, иностранец каролингского происхождения был помазан на царство.

Итак, с 905 года Карл оставался единственным королем, потомком по мужской линии Карла Великого, за исключением частного случая с Людовиком Провансальским, королем Италии, императором, помазанным папой Бенедиктом IV в начале 901 года, но свергнутым с престола и ослепленным своим соперником Беранже Фриульским в Павии. Далее будет заметно укрепление рода по мужской линии, с преобладанием первородства: этот процесс начал проявляться, пока еще не столь очевидно, в высших слоях общества в начале X века. Робертины были первыми, кто вступил на этот путь.

И хотя в 911 году не стоял вопрос об объединении всей совокупности франкских королевств под властью одного монарха, все же для Карла Простоватого ситуация была по крайней мере благоприятной, и он вновь пытается овладеть Лотарингией. Карл двинулся в Лотарингию в самом конце года — несомненно, по призыву Ренье, который в последние недели правления Людовика Дитя начал волноваться. Цель Карла —

прочно утвердиться, после провала самого Карла Лысого, в королевстве Лотаря II, включающем Льеж, Камбре, Мец, Страсбург, Трир, Кёльн, Туль и, конечно же, Ахен. И вот Карл, как в лучшие времена Карла Мартелла и Пипина Короткого, посещает свои дворцы в Эрстале, Гондревиле, Тионвиле. Там он раздает грамоты, подписанные его государственным канцлером, Трирским архиепископом Ратбодом. Обе канцелярии — на западе и на востоке, — начиная с декабря 911 года уточняют внизу королевских документов, что владения короля расширились: отныне Карл величается не просто «король», как всегда было приято, а «франкский король», — как будто бы он восстановил единство франкских земель. На самом деле, впервые почти за столетие, церковная провинция Реймса, принадлежащая святому покровителю династии, более уже не разделялась политическими границами. Вследствие этого еще больше усилил свое влияние архиепископ Эрве, активный и верный помощник Карла.

Конечно же, Ренье в Лотарингии получил с приходом Карла щедрые подарки — в частности, аббатство Сен-Максимен в Трире. Ему был пожалован титул маркиза. Таким образом, Ренье сделался в Лотарингии тем, чем был Роберт в Нейстрии. В 915 году его сын Жильбер унаследовал все отцовские владения, почести и титулы. С помощью лотарингских феодалов, а также вельмож Запада, в частности, Роберта, Карл держал Конрада на почтительном расстоянии и даже косвенно помогал герцогу Генриху Саксонскому в его непрерывающейся борьбе с франконским королем Германии. Почему же между 910 и 920 годами Карл не стал верховным сувереном христианского Запада, реставратором франкской монархии во всем ее былом величии?

Тем более, что в период его правления утих и даже был урегулирован наболевший норманнский вопрос. Набеги норманнов не прекращались на протяжении трех поколений. В самом конце IX века они не ослабевали, несмотря на то, что города и особенно монасты-

ри научились возводить укрепления. И даже если иногда в открытом поле сражение оканчивалось победой франков, как это было с Ричардом Отёнским в Аржантей-сюр-Армансон в конце 898 года. В низовьях Луары и особенно Сены к 900 году отряды викингов обосновались особенно прочно, время от времени совершая набеги в глубь страны. Так, в 903 году было разграблено аббатство Сен-Мартен в Туре. Летом 911 года норманны с Сены под предводительством норвежца Роллона осадили Шартр. По призыву епископа Жусома франкские войска 20 июля одержали невиданную доселе победу над язычниками.

То, что произошло в последующие недели и что в историографии было названо договором в Сен-Клер-сюр-Эпт, — нам почти неизвестно. Но не столь важно, действительно ли встречались Роллон и Карл. Главное в том, что король франков, по совету и с помощью архиепископов Эрве Реймского и Ги Руанского и, повидимому, с согласия маркизов, начиная с Роберта Нейстрийского, торжественно передал вождю норманнов и его клану административную власть и обязанность защищать города Руан, Эврё и Лизьё. Взамен норманны присягнули ему на верность и обещали перейти в христианскую веру. Действительно Роллон, в возрасте шестидесяти лет, на следующий же год принял крещение от Ги Руанского будто бы под именем Роберта. Новоиспеченный граф стал подданным короля франков, и его власть была признана местными жителями наравне с каким-нибудь Ричардом Отёнским или Гийомом Овернским. В этих областях каролингские власти отныне работали на него. Успех этого княжества, созданного, так сказать, из ничего, по доброй воле обеих сторон, был быстрым и значительным, большей частью благодаря принятию христианства. Интегрируя во франкскую систему чужеземцев и даже яростных противников — язычников, доверяя им официальное управление областями и привлекая их на сторону истинного Бога, Карл выступал в своей роли защитника королевства, хранителя мира, слуги Бога и

Церкви. И даже если норманнская угроза на Луаре не исчезла, все равно события 911 года изменили перспективу. Король франков показал свою способность, наравне с прославленными предками, к привлечению на свою сторону новых верных ему людей, к увеличению стада Христова. В Нормандии, как и в Лотарингии, Карл был удачлив в своих делах.

2. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РОЛЕЙ

Успех этот объяснялся не личными качествами Карла, и не простым везением. Он проистекал прежде всего из нового содержания королевской власти и нового распределения реальных полномочий внутри королевства. Главное заключалось в отношениях между королем и маркизами, и прежде всего с первым из них — Робертом. В течение более двадцати лет Роберт и его клан верой и правдой служили королю, поддерживая его на востоке и на западе. За это король признавал за Нейстрией абсолютную автономию в междуречье Сены и Луары: графства, епископства, земельные владения контролировались только Робертом. Действительно, хотя титулы практически ничего не значили, — но граф Парижа, Тура, Блуа, Анжера... был еще и королем Нейстрии. В 914 году Карл признал за сыном Роберта Гуго права наследника. С согласия короля — а мог ли он, хотел ли поступить иначе? — должность маркиза в Нейстрии стала передаваться по наследству. То же самое происходило и в Бургундии. Граф Ричард правил здесь один, вместе со своими родственниками и друзьями, среди которых ближайшим был Манассия из Вержи, граф Шалонский, ставший вскоре его зятем. В подчинении Ричарда находились графства, но он — факт примечательный! — не владел ими непосредственно. Из восемнадцати бургундских графств ему не принадлежало только Маконнэ. Будучи одним из самых знатных, Ричард к концу жизни называет себя в некоторых документах герцо-

гом. Но это были его собственные документы, а не королевские грамоты.

То же самое можно сказать и о Гийоме Благочестивом, который еще до Ричарда присвоил себе титул герцога. Его княжество, обрамленное Готией, Овернью, Берри, Лиониз и Лимузенom, было менее развитым по сравнению с владениями Роберта и Ричарда. Подобное происходило, хотя и в меньшей степени, с Эблем Манцером из Пуатье, который в 902 году вернул себе наследство своего отца Рамнульфа. В дела этих «королевств», где правили маркизы-герцоги, король вмешивался только по их просьбе, с тем чтобы подтвердить или почтить, но не решать или навязывать. В итоге, если знать и бывала при дворе, как это часто происходило с Робертом, сопровождавшим Карла в его походах в Эльзас и Лотарингию, то сам король и не показывался в их княжествах. В отличие от своих братьев Людовика и Карломана и, разумеется, Эда, Карл, похоже, никогда не пересекал Луару, а может быть, и Сену тоже. Вот поэтому-то королю и было столь длительное время гарантировано мирное и уважаемое правление: опосредованная королевская власть находилась в руках у Роберта, Ричарда, Гийома и других. Их преданность, то есть их согласие с этой властью было необходимой предпосылкой прочности системы, так как именно они обладали реальной материальной силой и духовными богатствами: аббаты и назначающие на должности епископов, одновременно графы и маркизы. Это явственно наблюдалось в Шартре в 911 году: именно объединенные армии Роберта, Ричарда и Эбля обратили норманнов в бегство. Карл при этом не присутствовал. Когда победа уже была одержана, он появился здесь затем, чтобы в Нормандии подтвердить то же, что и в Нейстрии, Бургундии, Аквитании, Каталонии, даже Фландрии: юридически признать реально существующую власть. Понстине, Карл купил свой мир и покой у вельмож. Потому-то король и блистал столь ярко, что вплоть до 920 года не отбрасывал на маркизов никакой тени и не омрачал

их жизни. Даже в Лотарингии, своем королевстве, он не имел подлинной власти: она принадлежала Ренье. У Карла не было власти, аналогичной власти маркиза на своей территории. Король правил только в четырехугольнике, состоящем из Лапа, Нуайона, Суассона, и главное — Реймса. Здесь он еще владел землями, несколькими аббатствами, немногочисленной армией, собирал пошлыны, доходы, чеканил монету, контролировал избрание епископов и должностных лиц.

Каролингский король, особенно в эпоху возрождения, над которым он столь упорно трудился вместе с преданным ему Эрве Реймским, являлся краеугольным камнем: стены ему не принадлежали, и здание его королевства не держится, хотя никто не причиняет ему ущерба. Так что по скрытым, внутренним причинам, следствия которых нам частично известны, вся старая система в 920-е годы приходит в упадок. Казалось, что королевская власть вышла за пределы дозволенного. В Лотарингии, где в 915 году умер верный Ренье, его сын, маркиз Жильбер, был гораздо меньше привязан к королю. Его гораздо больше манили саксонцы: герцог Генрих в 919 году стал королем Германии. Как и все остальные, Жильбер стал служить тому, кто щедрее вознаградит. Он создал Карлу большие неприятности, в частности, по поводу Льежского епископства, заставив короля неоднократно вмешиваться в этот вопрос. Как всегда, когда вельможи увиливали или начинали спорить, король занимал оборону и вскоре утрачивал свое влияние.

Подобная ситуация сложилась и на Западе. Реймский каноник Флодоард сообщает в своей хронике, начинающейся с 919 года, часть которой не сохранилась, но которая является единственным достоверным источником первой половины X века, — что возмутителем спокойствия стал некий лотарингец Аганон. Его личность и поведение мало что значат. Иное дело его претензии к Карлу, о которых пишет Флодоард. Аганон был человеком скромного происхождения; при покровительстве Карла он сделался влиятельным

графом. Более того, король все больше прислушивался к этому ничтожеству, следовал его советам, посвящал его, вопреки всем правилам, в дела королевства. В день рождения Аганона монахи по просьбе короля возносили за него молитвы. Будучи фаворитом, Аганон собирал королевские подарки. В Лане, безопасном месте каролингской монархии, он копил свои сокровища. Короче, Аганон в высшей степени воплотил образ плохого советника, злого гения, овладевшего помыслами короля и самым скандальным образом отвращающего его от истинного пути. Несомненно, опираясь на обязанный ему клан, Карл, успешно правящий вот уже десять лет, пытался освободиться от этого влияния. В королевстве вспыхнула искра. В начале 920 года на соборе в Суассоне франкская знать предписала Карлу расстаться с Аганоном. Потребовались вся ловкость и влияние Эрве Реймского, чтобы вывести короля из этого первого кризиса. На следующий год король отправляется за поддержкой на восток, чтобы нейтрализовать враждебность Жильбера Лотарингского: в ноябре 921 года в Бонне Генрих Птицелов и Карл Простоватый признали друг друга в качестве королей, включая господство последнего над Лотарингией. На другом конце королевства правил маркиз Роберт Нейстрийский, защитник христианства. Так как норманны с Луары участвовали в набегах на его владения, то он уступил им Бретань, где они и так уже обосновались прочно, а также графство Нант. Взамен норманны стали союзниками Роберта и приняли христианство. Однако разница состояла в том, что в 911 году подобные вопросы решал сам король. Теперь же, через десять лет, решения принимает один маркиз. Таким образом, Роберт взял на себя функции собственно королевской власти, выступив в роли защитника веры и королевства.

Удрученный мятежными настроениями в Лотарингии и оставленный франкскими князьями, Карл совершает одну ошибку за другой. Прежде всего, желая оставить Аганона во Франкии и дать ему право голоса

в капитуле Западнофранкского королевства, король дарит ему очень древнее и знаменитое аббатство Шелль. Однако таким сокровищем Карл не имел права распоряжаться без согласия вельмож. Кроме того, монастырь принадлежал даже не Карлу, а Ротильде, дочери Карла Лысого, жене графа Роже Менского, подданного Роберта Нейстрийского, тоже родственника, так как дочь Ротильды и Роже, внучка Карла Лысого, только что вышла замуж за Гуго, сына и преемника маркиза. Карл же посягнул ради своего фаворита на владения, относящиеся к чужому наследству. Для этого требовались слишком серьезные причины и коллективное решение. Подобный поступок представлял для вельмож чрезмерную угрозу. Система территориального деления на княжества приходит в противоречие с прерогативами короля. Хотя последние держались лишь на словах, представлениях и воспоминаниях. Княжества же были реальной силой внутри королевства. Отныне королевская власть и королевства разъединились. И эта трещина осталась надолго.

Реакция аристократии была резкой и незамедлительной. К нейстрийской группе Роберта и Гуго примкнул юный бургундский князь Рауль, отец которого, Ричард Заступник, умер в конце лета 921 года и который был зятем Роберта. Еще более показательно то, что вассалы Реймской церкви — традиционной опоры Каролингов — перешли на сторону Роберта, невзирая на отчаянные протесты архиепископа Эрве. Не замедлил примкнуть к мятежникам и Герберт II Вермандуаский, влиятельное лицо в малой Франции. Кроме того, Гуго вел переговоры о союзе с Жильбером Лотарингским. Через несколько недель Карл теряет главные позиции: Реймс и Лан. По всей вероятности, он еще и лишился ума: чтобы отвоевать Реймс, он затеял сражение в воскресенье на Троицу, в день, посвященный Богу, когда должно сохранять мир. И разумеется, он терпит поражение по воле Небес. Тогда как Карл, сконфуженный и растерянный, отступает в Лотарингию, франки, — сообщает Флодоард, — «из-

брали королем господина Роберта и присягнули ему на верность». В воскресенье 30 июня 922 года маркиз Роберт, уже шестидесяти лет, был помазан в Сен-Реми, в Реймсе, с великим торжеством, рукой Готье Сансского, вечного соперника Реймского архиепископа, лежавшего при смерти. Избрание, коронация, помазание в тех же святых местах, где небесный покровитель франкской монархии, по преданию, крестил и помазал первого из христианских королей франков, — словом, вся церемония, устроенная в честь Роберта, была безукоризненной. Папа Иоанн, король Генрих Германский, которого Роберт вышел встречать к границам королевства, признали нового короля. Карл, фактически лишенный власти, хотя и остающийся королем по происхождению, еще надеялся на перемены в своем положении. И он решительно кидается на защиту своего достоинства. Собрав остатки преданных ему людей в Лотарингии, он двинулся от Мёза к Эни и остановился неподалеку от Суассона. Была суббота, 14 июня 923 года. Нейстрийцы и лотарингцы стояли лицом к лицу. Все было готово для того, чтобы следующий день оказался роковым. Ведь лотарингцы нарушили соглашение, заключенное ранее с Робертом; затем, Карл наступал внезапно, и снова в воскресенье, день покоя; наконец, бой был кровавым. Это была одна из битв раннего средневековья, в которой пролилось больше всего христианской крови. Случай редкий, просто невиданный: один из королей погиб, а другой обратился в бегство. Комментаторы позднего времени, размышляя о случившемся, делали вывод, что Бог наказал узурпатора, но не принял и сторону Каролинга. То был знак чрезмерной греховности Франкского государства. И Карл только добавлял все новых и новых грехов. В смятении он бросился за помощью к норманнским язычникам — сначала на Луаре, затем на Сене, чтобы призвать их выступить против христиан-франков. Среди новообращенных норманнов христианство еще не успело прочно укорениться. Этим поступком Карл разрушил само основание своей коро-

левской власти, изменил своему долгу и клятве, данной им в день коронации. Дорогу агрессорам преградил герцог Рауль Бургундский. Вслед за этим и Рауль тоже был помазан королем 13 июля в Сен-Медар в Суассоне. Таинство совершил Готье Сансский, в третий раз за тридцать пять лет. И во второй раз за несколько месяцев. Церемония происходила при живом короле франков, помазанном в свое время самим же Готье, прямом наследнике самых прославленных королей и императоров Запада — Каролингов, чье имя он носил, — при короле, которому присягала на верность аристократия всего королевства и которому она оставалась верной, в большей или меньшей степени, в течение двадцати лет. В довершение унижения Карла Герберт II Вермандуаский взял его под стражу и заключил в своей крепости Шато-Тьерри, готовый вернуть его в седло как только потребуется, или по крайней мере пугать им короля Рауля.

3. КОРОЛЬ ПО ТРЕБОВАНИЮ

Пришествие Роберта и в особенности Рауля и низложение Карла Простоватого определили развитие событий на многие десятилетия вперед. В первую очередь, королевская власть, ее локализация и выбор ее носителя распространялись на часть королевства в междуречье Луары и Мёзы. При избрании обоих королей не присутствовали ни граф Нормандии, ни граф Фландрии, ни герцог Аквитании, ни один из вельмож юга. Хотя между 923 годом и смертью Карла в 929 году еще встречались на юге документы, датированные именно правлением Карла и игнорирующие Рауля. Была даже грамота герцога Акфреда, племянника Гийома Благочестивого, датированная «пятым годом после того, как неверные франки низложили своего короля Карла и избрали на царство Рауля».

Теперь власть делилась между тремя: это кланы Нейстрии и Бургундии, все более тесно связанные меж-

ду собой, и растущее могущество клана Герберга из Вермандуа. К последнему присоединилась и каролингская партия. Отныне и надолго доступ к короне был в распоряжении очень малого числа знатных правителей. Во вторую очередь, королевская власть, однажды ускользнув из рук династии Каролингов, внезапно перестала быть престижной. Чего ждали от короля в то время? Крестьянские массы — ничего; они наверняка даже не знали имени правящего короля. Что же касается маркизов — и тех, кто следил за избранием, и тех, кто был далеко от Франкии и оставался равнодушным, — то они не представляли себе христианское общество без короля; однако при условии, что король не будет вмешиваться в их земные дела и останется воплощением идеи. На короля возлагалась обязанность все же регулировать отношения между князьями, чтобы они знали меру. Наконец, король должен был бы осуществлять главную миссию — бороться с тем, что еще оставалось от язычников. Действительно, Рауль нанес серьезный удар по норманнам на Луаре и достиг перемирия с норманнами Сены. В отличие от поколения 880-х годов, тот, кто достиг зрелости в 920 году, не был готов к тому, чтобы получить корону. Как некогда его брат Эд, Роберт решил стать королем, потому что у него был прямой наследник: сын Гуго, способный сохранить всю совокупность отцовских владений. На следующий год Гуго уже мог сменить отца, хотя и был еще слишком молод. Однако у него не было ни сына, ни брата, которому были бы доверены графства и аббатства, который возглавил бы феодалов-союзников. И тогда Роберт с этой целью привлек своего шурина Рауля, у которого по крайней мере было два брата. Старший из них, Гуго Черный, заменил Рауля в Бургундском княжестве, пусть и формально, ибо Рауль продолжал сохранять контроль над своими графствами.

Кандидатура Рауля, поддерживаемая в Нейстрии, удовлетворяла и графа Вермандуа, так как бургундец был почти иностранцем во Франкии, где Герберт, чув-

ствуя себя бездомным Каролингом, вот уже двадцать лет пытался увеличить любыми способами свои владения. Он активно поддерживал Рауля в 923—926 годах, в борьбе с норманнами, угрожавшими на Уазе и в его собственных владениях. На северо-западе ему преграждал дорогу Арнуль Фламандский, преемник своего отца Бодуана в 918 году, который сам хотел расширить свои владения в направлении Артуа. Герберт получает от короля крепость в Перонне. Затем, после смерти в 925 году архиепископа Сеульфа, — резиденцию в Реймсе для своего пятилетнего сына Гуго. Такое вознаграждение было для графа Вермандуа поистине королевским, ибо он овладел теперь многочисленными вассалами и крупными доходами от архиепископства, не считая политического и морального престижа. Однако аппетиты Герберта тоже росли, и королевская щедрость уже кажется ему недостаточной, поэтому через два года он требует себе Лан, где только что умер граф Роже. Путем шантажа, присягнув на верность Генриху Германскому, путем угроз вернуть Карла Простоватого, он в 929 году добивается своего. Этот потомок Карла Великого завладел, таким образом, двумя жизненными центрами каролингского наследия во Франкии.

Здесь четко просматривается система, делающая из короля, тоже удельного князя, — должника маркизов. Король интересуется их только в том случае, если он служит их собственному обогащению или, по крайней мере, не мешает ему. Так, с 923 года Гуго Великий завладел большим графством Мэн. Гийом Юный, преемник Гийома Благочестивого в 918 году, обратился в начале 924 года к королю и выторговал себе Берри, завоеванное Раулем в 919 году с помощью Роберта. На западе в 924 году Роллон уступает Гуго Ле-Ман и Байё. В 933 году его сын Гийом Длинная Шпага, обидевшись, получает в утешение от короля Котанген и Авраншен. Франкский король Рауль поступает на службу к бургундскому князю Раулю, так как он в 931 году заполучил себе в союзники Вьеннского графа

Карла-Константина, своего двоюродного племянника, сына Людовика Слепого, умершего три года назад. Так Раулю удалось увеличить свое княжество за счет Лионнэ.

Когда же королю уже нечего было раздаривать, когда союзники перестали извлекать для себя выгоду, то они начинали искать в другом месте. Так, Жильбер Лотарингский, в стремлении утвердить свое превосходство, сталкивается с братом Рауля, графом Бозоном, расположившимся на юге Лотарингии и владеющим, в частности, аббатствами Горца, Ремирмопа и Муаенмутье. Жильбер призывает на помощь Генриха Германского, который, преодолев вооруженное сопротивление Рауля, вторгается в Лотарингию, где Жильбера признают как герцога. В 935 году Рауль и его брат Бозон окончательно принимают германское владычество в старом королевстве Лотаря, которым так жаждал завладеть Карл Простоватый.

Но если король и считался с князьями, соглашался принимать их правила игры, давая им свободу расширять свои владения, то это при условии сохранения известного равновесия. Король вынужден был вмешиваться, если кто-либо из маркизов позабудет чувство меры и начнет всерьез угрожать соседям. Так, экспансия Герберта Вермандуаского начиная с 925 года перешла все границы, приемлемые для маркиза Гуго Нейстрийского. Помимо Реймса и Лана, Герберт простер свою власть на Амьену, Вексен и Аррас; в зоне его влияния находились также Бове и Саллис. Он стал хозяином могущественных епископств — Нуайона, Суассона, Шалон-сюр-Марн. Он подчиняет себе владельца замка в Дуэ, графа Гильдуина из Мбидидье и Герлуина из Монтрей. Сторонники Роберта расценили должности этих трех людей как возможность укрепить собственную власть. Любой ценой создавал Герберт гигантское объединение земель, на деле очень пестрое, на территории от Марны до Мёза, вплоть до Соммы, — и оно становилось грозным. Неужели вся Франция падет под ударами Вермандуа? С 930 года Гуго и

Рауль, два брата, условились дать Герберту отпор, хотя тот и был их свояком и к тому же дядей. Воспользуемся случаем, чтобы отметить, что семейные узы, союзы, обязательства внутри одной и той же группы дворян нужно воспринимать с большой осторожностью.

В 931 году Рауль и Гуго взяли Реймс, выгнав вермандуасцев и поставив там архиепископом монаха Арто из Сен-Реми. Затем пал Лан, за исключением башни, которой владела жена Герберта. Вслед за этим были взяты опорные пункты Герберта в его собственных владениях: Сен-Медар в Суассоне, Амьен, Сен-Кантен, Шалон, Шато-Тьерри. Такие успехи противников заставили Герберта в 935 году заключить мир с Раулем, вернувшим ему большую часть его владений. Решающую роль в заключении мира сыграл Генрих Птицелов. С этого времени вмешательство германских королей в дела западных франков все усиливается, приобретая форму настоящей опеки. После смерти Рауля в январе 936 года Франкское королевство приходит в упадок. Через шестьдесят лет после смерти Карла Лысого, когда его правнук Людовик IV унаследовал престол своих предков, в шестом поколении, начиная с Пипина, основателя королевской династии, — князья завладели всем территориальным, политическим и культурным пространством королевств, где Людовик оставался бессильной, но непреложной коронованной особой.

4. СИСТЕМА КНЯЖЕСТВ

Невозможно выделить нечто общее в положении княжеств, в их возникновении и развитии в первой половине X века. Так как у них не было никакого институционального основания, то и положение их значительно отличалось друг от друга. Они зависели от тех, кто ими управлял. Титулы князей, впрочем, не прибавляли влияния. Правитель Фландрии всегда назывался

графом, а Нормандии — долго был известен как граф Руанский, тогда как граф Отёнский звался чаще всего герцогом Бургундским. Бургундия считалась королевством, то есть особым образованием графств. То же самое было с Аквитанией, чья территориальная принадлежность оставалась неопределенной; однако и у нее была своя идентичность и традиции. Титул герцога оспаривали графы Клермона, Тулузы и Пуатье, в итоге принявшие его.

Этнографические особенности не очень влияли на образование княжеств. Конечно, Гасконь со своим князем Гарсией Саншем имела национальный характер. Гарсия, внук Санша Митарры, с 871 года был графом Фезенсака. Ему досталось очень расстроенное наследство: он лишился графств Бордо и Бигорр, но немного расширил свои владения за счет графства Ажен. Церковная среда особенно деградировала, в частности епископство, обычно располагающееся в Базасе и исчезнувшее совсем в конце IX века. Гарсия Санш — значительный шаг! — основал около 900 года монастырь Сен-Пьер в Кондоме и своими силами взялся за управление княжеством. К 905 году, будучи графом и маркизом, он присваивает себе титул «доминуса», возвышающего его до уровня короля. В его исключительной власти — назначения графов между Гаронной и Наваррой. И вот он уже заключает союз с графами из Бордо и Бигорра. После смерти Гарсии в 920 году трем его сыновьям осталось объединение графств. Наиболее значительные из них взял себе старший сын, контролируя при этом остальные графства через посредничество своих братьев. О короле они имели самые абстрактные представления. Один Луп Азнар, переместившись далеко на север, присягнет на верность Раулю в 932 году. На самом деле вся полнота королевской власти была сосредоточена в руках местной династии: исполнение государственных обязанностей членами одной семьи и их приближенными, чеканка монеты, если таковая вообще существовала, защита церквей, разграбленных и обессиленных, борьба с нор-

маннами, не прекращающаяся целое столетие. По крайней мере уже два поколения не помнили, чтобы король вмешивался в местные дела.

Примерно то же самое можно сказать и о Бретани. О ней не упоминается ни в одном документе, исходящем от короля, с конца IX века до начала XI века. В 878 году граф Ваннский Ален Великий поклялся в верности королю Людовику Заике, но только после того, как потребовал для себя — в самом конце века! — королевский титул: в тот момент, когда короли множились на Западе. Победы, одержанные им над норманнами, делали его требование законным. Перед своей смертью в 907 или 908 году граф-король Ален, правитель расширенной Бретани, при опоре на аббатство Редон, город Нант и с помощью своего замечательного епископа Фушера господствовал в своем княжестве, где преобладали кельтские корни, хотя и франкский элемент был не менее значительным. В Нанте, который все больше начинал играть роль бретонской столицы, говорили на романском языке. Начиная с города Ренн, в частности, расцветал экономический и культурный обмен с другими королевствами, вплоть до Италии. Затем в течение почти тридцати лет Бретань переживала тяжелые потрясения, усугубляемые все более разрушительными набегами викингов. Разоряемое норманнами с Луары и Сены, которым Рауль в 933 году уступает Котантен и Авраншпен, «бретонские земли на берегу моря», — не контролируемое никакой властью, княжество Алена распадается. Нант подвергся разграблению. Зять покойного герцога спасается со своим совсем еще маленьким сыном Алепом у короля Ательстана Вессекского. Ищут надежного убежища и монахи. Из аббатства Ландевеннек они переправляют мощи святого Геноле в Монтрей-сюр-Мер; монахи из Сен-Жильда в Рюи укрываются на острове Эндра, возле Шатору. В 937—939 годах герцог Ален Кривая Борода, пришедший из Англии в то же время, что и Каролинг Людовик IV, воспользовавшись разногласиями между норманнами-христианами Сены

и Луары и брожением среди бретонцев, сумел одолеть норманнов. Хвалебное воспевание его подвига в хронике создает перед нами образ героя, пролагающего себе путь через дикие заросли, покрывающие Нантский собор, — символ трех десятилетий запустения. В 939 году после победы в Тране, одержанной в союзе с графом Беранже Реннским, герцог Ален, граф Ваннский и Нантский, князь Бретани, присягнув на верность франкскому королю и выгодно женившись на дочери Турского графа Тибо Старого, занял почетное место среди местных князей.

Другой периферийной областью с характерными для нее особенностями развития была Каталония. Здесь в начале X века не имелось достойного главы княжества, а существовали отдельные графы со своими весьма ограниченными владениями, выполняющие обязанности государственных чиновников и верно служащие каролингскому королю. Наследники Карла Лысого до конца X века частенько издавали через королевскую канцелярию документы по Каталонии, хотя и были отделены от нее большими пространствами. В самом конце века местные вельможи неоднократно отправлялись в королевский дворец, чаще всего в Лане, чтобы подтвердить привилегии для своих церквей и заверить короля в своей лояльности. Как, например, Гифред, брат графа Барселоны, в 937 году, когда Людовик IV вручил ему грамоту о привилегиях для Сен-Мишель в Кюкса. Все послания епископов, аббатов и графов в Каталонии всегда пунктуально датированы годами правления одних только Каролингов. Из этого не следует, что Карл Простоватый или Людовик IV, как бы они ни уважались в Каталонии, — обладали большей долей непосредственной власти над местными графами. Давным-давно, с того времени как в 878 году умер последний франкский граф, назначенный королем, графы избирались и сменяли друг друга из одной и той же местной группы, происходящей от Беллона, графа Каркассона и Конфлана в эпоху Карла Великого. Все эти графы — Гифред, Сунийе, Суниф-

ред, Мир, Олиба, мирно владеющие десятком маленьких графств по обе стороны Восточных Пиренеев, были братьями и кузенами, а вся их многочисленная родня занимала высокие посты в местной иерархии. В 948—992 годах Боррель, граф Барселоны, Героны, Озоны и Уржеля стал главой династии.

В первой половине X века среди княжеств с определенным статусом были также Бургундия, рано образовавшаяся под управлением герцога Ричарда; Нормандия, в которой начиная с 932 года правил граф Гийом Длинная Шпага, сын Роллона; и в меньшей степени Фландрия, где пришедший в 918 году к власти граф Арнуль стал одним из восходящих светил Запада. И наоборот, после смерти Гийома Благочестивого в 918 году и в особенности после смерти его племянников и наследников — Гийома Юного и Акфреда (умер в 927 году), огромная Аквитания стала предметом споров и раздела между графом Пуатье Эблем Манцером, а начиная с 934 года — между его сыном Гийомом Патлатым и графом Тулузским Раймундом-Понсом в 923—940 годах; затем его кузеном Раймундом из Руэрга до 961 года. Первые занимали земли от Луары до Гаронны, к северу от Оверни, вторые владели графствами от Каора и Родеза до Нарбонна и носили древний титул маркиза Готии.

Каждое из подобных территориальных образований по-своему развивалось и обладало отличными от других характерными особенностями, иногда даже прямо противоположными, так как все они были плодами специфических обстоятельств и зависели, в частности, от способности отдельных кланов присваивать себе власть там, где король все более утрачивал свой контроль. Нормандское княжество, плод иностранной агрессии и оккупации, едва ли могло сравниться с соседней Фландрией, чьим основателем был Бодуан II, внук Карла Лысого. Бретань, казалось, пришла из глубины веков, и в западном мире ее правитель Ален Кривая Борода играл примерно такую же роль, как его далекий предшественник Юдикаэль, бретонский князь

времен короля Дагобера. Наконец, некоторые попытки князей не увенчались успехом: например, развалилось объединение земель, управляемое Бернаром Плантвелью и затем его сыном Гийомом Благодетельным; или же скопление земель, нагроможденное Гербертом Вермандуаским, развалившееся в 942 году после смерти своего основателя, по причине избытка наследников и старого способа разделения наследства на равные части между всеми правопреемниками, тогда как главным наследником был определен старший сын.

Но наряду со множеством различий можно выделить и некоторые общие черты среди этого десятка княжеств первого поколения, если можно так сказать, — во главе которых стояли графы, маркизы, герцоги, и среди которых особое место занимала Нейстрия, ибо ее династия была и снова станет королевской. Общее, прежде всего, было в присутствии выдающихся личностей: Ричард Заступник, Ален Великий, Арнуль Великий, Гуго Великий. Много «Великих»; и даже если прозвища и клички кажутся не современными, они все равно свидетельствовали об авторитете или отдельных качествах их обладателей: Ален Кривая Борода, Гийом Патлатый, Гийом Длинная Шпага и другие, поражающие воображение. Отныне эти персонажи выходят на авансцену, поступки их питают хронику, да и сами они подчас выступают инициаторами написания таковой. Даже если за видимым превосходством зрели иные силы, иногда прямо противоположные. Резиденциями этой новой знати служили когда аббатства, когда присвоенные ими королевские дворцы; но двор свой маркизы держали всегда в городе, имея также более или менее разветвленный административный аппарат. Одна грамота 901 года рисует нам, в Пуий-сюр-Сон, «сеньора Ричарда, благородного маркиза, с его именитыми сыновьями — графами Раулем, Гуго и Бозоном, происходящими из старинного аристократического рода». Ричард был из рода Бозонов, его жена Адель — урожденная Вельф, и оба состояли в близком родстве с Каролингами. В их свите глав-

ными приближенными и доверенными лицами были графы Манассия из Вержи и Ратье из Невера.

В Пуатье вокруг графа Гийома появились Савари, виконт Туарский, и три его собрата из Мелля, Оиея и Шателлеро. Гийом привлек к себе и других — графа Лиможа и поверенного из Шарру.

Самый могущественный из князей, маркиз Нейстрии, тоже имел свою свиту: его окружали виконты из лично ему принадлежавших графств — из Орлеана, Блуа, Шартра, Парижа, Пуасси, Сапса; и графы, которых он непосредственно контролировал, — из Дрё, Этамп, Мелён; более редко, но зато на почетном месте оказывались в его свите графы Анжера и Мана, знатного происхождения. Графы, виконты, ассамблеи — почти повсюду сохранялись франкские, каролингские структуры. Правосудие вершилось тоже по традиции и согласно принятым в каролингском обществе процедурам. Даже в Нормандии, пережившей столько потрясений, местный князь, будучи графом Руана, примерно до 906 года, а также его каролингский предшественник оставили в неприкосновенности систему пагов. Он был единственным графом в своем королевстве, но в графствах у него правили виконты, во всем подчиняющиеся ему.

Таким образом, местные князья совершенно естественно использовали с выгодой для себя старую систему государственной власти. Более того, они даже захватили часть королевских земель в своих провинциях или, что еще чаще, вынуждали короля самого отдавать им и их приближенным свои владения. Так в 897 году Эд по просьбе Ричарда Отёнского уступил в полную собственность Жильберу владения королевской налоговой службы в Атюйе, — то есть пятнадцать мансов, церковь и еще половину другого храма. 21 июня 914 года он подарил молодому графу Гуго, сыну Ричарда, королевскую область Полиньи. Это владение, присвоенное династией, начало переходить из рук в руки: в 922 году графиня Адель, которой ее сын Гуго передал Полиньи, подарила эту землю церкви в Отёне. На

самом же деле область оставалась в княжеском подчинении. Передача или приватизация налоговой службы также питали местных князей. И если в целом не было еще предано забвению государственное происхождение тех или иных владений, все равно они теперь стали собственностью местных магнатов. Денежная эмиссия, бывшая в прошлом монополией короля, была уступлена иногда даже церковным учреждениям, которые сами находились в руках великосветских вельмож: в 915 году Карл Простоватый разрешает выпускать деньги аббатству Сен-Филибер в Турню, по просьбе Ричарда Заступника. В 924 году Рауль позволяет то же самое епископу Адаларду из Пуи, по желанию Гийома Юного. Иногда сам князь чеканил монету для собственного употребления. Так, монеты весьма посредственного качества чеканились с изображениями Эда или Карла Простоватого, без ссылки на короля, правящего в данный момент, и это происходило на местах в течение десятилетий. Более редким было в первой половине X века то, что некоторые князья осмелились бы заменить имя короля своим собственным; король в таком случае оказывался вытесняемым даже в области символики — последнем его прибежище, где он все-таки занимал пока еще не последнее место. Гийом Юный — в Бриуде в 920-е годы, Гийом Длинная Шпага — в Руане, в последующие десятилетия, покажут пример узурпации, которая заразит позднее все центры власти внутри королевства.

Также и юридические установления использовались маркизами для усиления своих позиций. Судебная практика осуществлялась лично ими или их виконтами в самых традиционных формах. И в этой области укреплялся их авторитет и власть, а общественный характер узурпирования власти сохранялся ими в неизменности. Все штрафы и поборы, пополнявшие прежде королевскую казну, шли теперь в карман местным князьям. Они же стали арбитрами в разрешении спорных вопросов между светской и церковной властью. В своем городе или ином месте графства правитель,

окруженный знающими и опытными советниками, выслушивает аргументы, отмечает результаты разбирательства, приглашает суд вынести приговор, присутствует при словесном поединке адвокатов, уважительно прислушивается к мнению окружающих, даже если случается так, что оно ему или его приближенным не по вкусу. Примерно до середины X века, а иногда и позже, юриспруденция дольше всех сохраняла старые традиционные формы, как и в те далекие времена, когда граф, будучи оплачиваемой штатной единицей, под угрозой увольнения, действовал только от имени и по поручению королевской власти.

5. ЗАХВАТ ЦЕРКВЕЙ

Разумеется, княжеская и светская власть в целом останавливались перед правом неприкосновенности, дарованным королем в разное время церковным учреждениям. Последние заботились о том, чтобы в каждое новое правление получить подтверждение своего иммунитета. В общем плане сеть церковных учреждений в IX веке представляла собой один из самых эффективных инструментов управления: епископы назначались королем и были наравне с графами, а настоятели королевских аббатств тоже считались на государственной службе. Князья и здесь стремились захватить контроль, тогда как сопротивление короля именно в этой области было наиболее активным и иногда действенным. Контролировать избрание епископов, владеть аббатствами — либо став светским аббатом, либо отдав аббатство родственнику или доверенному лицу, — было необходимо для укрепления княжеской власти и гарантирования ее монополии. Прежде всего князья захватывали монастыри. В этом больше других преуспели Робертины: от Луары до Пикардии, от Сен-Мартена в Туре до Сеп-Рикье через Сент-Эньян в Орлеане, Сен-Жермен-де-Пре и Сен-Дени маркиз Нейстрии имел множество богатых и влиятельных владе-

ний. Ричард Бургундский, хозяин Сен-Жермен в Осере, Сен-Мартен в Отёне и Сент-Коломб в Сансе (что более сомнительно), — тоже возвысился до почетного положения графа-аббата, и здесь Робертинам не было равных. Княжеские династии и хоронили своих родственников в фамильных аббатствах: графы Пуатье — в Сен-Илэр и Сен-Сипрьен, графы Тулузы — в Сен-Жиль, Ангулема — в Сен-Сибар, Гийом Благочестивый — в Сен-Жюльен в Бриуде, Герберт Вермандуаский — в Сен-Медар в Суассоне. Ставка была поистине крупной. Богатства церкви оказались в распоряжении князя, который мог использовать их для вознаграждения нужных ему людей. Будучи светским аббатом, он контролирует манс аббатства, позволяющий ему содержать свой дом. Не пренебрегает он и хвалами в свой адрес и молитвами за него. Вот почему борьба за обладание монастырями была особенно упорной. В конце IX века Бодуан Фламандский стремился заполучить аббатство Сен-Бертен, принадлежавшее ранее его отцу. В 892 году оно было свободным. Бодуан просит его у Эда. Однако монахи, не желая подчиняться светскому лицу, начали хлопотать об изменении королевского решения. В результате монастырь был отдан Фулку Реймскому. Жаждавший отмищения Бодуан подсылает к Фулку наемного убийцу; тот погибает в июне 900 года, а Бодуан присваивает себе аббатство, которое наряду с Сен-Васт в Аррасе, Сен-Пьер и Сен-Бавон в Генте, стало престижным владением его сына Арнуля. Так ради власти внук Карла Лысого, не колеблясь, пролил кровь преемника св. Реми; точно так же, как и в 894 году, люди Ричарда Бургундского избили епископа в Лангре, который был человеком не из их круга, а на следующий год взяли в плен архиепископа Сансского. Не менее скандальным было вступление малолетнего Гуго в Реймс в 925 году. Хроника Флодоарда, при всей ее сдержанности, исполнена тягостных подробностей: в 928 году «Беннон, епископ Меца, попав в ловушку, был кастрирован и ослеплен». Адалельм, граф Арраса, в 932 году стре-

мился присвоить себе графство Нуайон, продвигая своего кандидата в епископы. Жители графства запротестовали, и граф в результате был убит прямо перед алтарем собора; даже возможность осквернения святыни не остановила убийц. В начале X века один агиограф прямо описывал интриги виконта Ренара Осерского против герцога Бургундского: «Он вынашивал планы поставить во главе церкви Осера епископа, который подчинялся бы его власти и молчал бы, если виконт запустит руку в казну дома Божьего».

Такое присвоение, подчас насильственное, функций, полномочий и богатств Церкви светскими властями стало широко распространенным в конце IX века и на протяжении всего X века. Участь епископств и больших монастырей разделяли также и маленькие сельские церкви. Местные господа и просто мелкие землевладельцы распоряжались церквями как своей собственностью, делили их и передавали по наследству, независимо от того, были ли эти церкви присвоены, получены в дар или основаны лично владельцами. Церковные служители набирались из числа домашней прислуги. Как следствие, это привело к упадку культа, к обеднению литургии, ухудшению молитвы, усугубленным разбазариванием и секуляризацией церковных учреждений. Лучшие представители духовенства отличали деградацию. В последние десятилетия века жалобы их были небеспочвенными. Синоды, общецерковные и поместные соборы больше уже не созывались, — в этом тоже примета времени. В 909 году ассамблея в Тросли под председательством архиепископа Эрве Реймского обличила лжехристиан и указала на разрушение монастырей как на следствие не одних только норманнских набегов. Позор, что эти светские аббаты, в окружении жен, детей, воинов и собак сражаются за обладание церквями, чтобы разграбить, растащить их на части, осквернить; что эти властители, подталкиваемые «алчностью и яростью», как гневно отзывается грамота аббатства Нуайе в 904 году, силой захватывают все то, что по закону принадлежит Церкви. В том

же году Эд, молодой каноник из Сен-Мартен в Туре (в Сен-Мартен, как и многих других аббатствах, монахи уступили место каноникам, устав жизни которых был более мягким и приближенным к жизни в миру), проповедует покаяние и очищение, заклеив хаос в умах и поведении людей: Эд, будущий аббат в Ключни.

На протяжении всего X века происходило присвоение церковной собственности, в частности монастырской, светской аристократией, которое привело к духовному упадку в обществе. Сложнее определить интенсивность этого возраставшего процесса, — прежде всего потому, что нам известны и доступны лишь субъективные источники. Агиографы добавляют побольше черной краски, чтобы лучше оттенить положительные действия своих героев; церковные послания выбирают формулировки, подкрепляющие законность их требований; наконец, в зависимости от места и времени взаимоотношения светских и церковных властей отличаются друг от друга, поэтому довольно рискованно делать обобщающие выводы. Возможно, что юг Луары пострадал больше, нежели северные и восточные части королевства. Тогда как до 940 года аббатство Сент-Аман будто бы сохранило основные свои богатства и духовное влияние, благодаря знаменитому Гукбальду, который подвизался там вплоть до своей смерти в 930 году; вместе с тем в Оверни аббатство Сен-Жюльен в Бриуде было разорено виконтом Дальмасом, захватившим его после смерти Акфреда, последнего Гильгельмида, в 927 году. Не лучше обстояло дело и с Сен-Шафр в Сосийанж. В Провансе не только сарацины, но соперничающие между собой местные богатые семейства разрушали, иногда до основания, епископства и монастыри в начале X века. В Тулоне, Фрежюсе, Антибе, Вансе аббатства лишились своих владельцев; уничтожены были Сен-Сезер в Арле, Сен-Виктор в Марселе, Лерен — старые цитадели в истории христианизации Галлии. Во второй половине века разбойные элементы появляются главным обра-

зом на севере; Аршамбо — в Сен-Пьер-ле-Виф в Сансе, Менар — в Сен-Мор-де-Фоссе водворяют свои охотничьи своры и птиц, на которых сами столь походили своей хищностью, в жилых зданиях аббатств и ведут мирскую жизнь князей. Епископ Герберт Осерский, побочный сын Гуго Великого, видного военачальника, раздает своим друзьям богатства епархии; а епископ Мана Сигфруа открыто живет во дворце со своей супругой — «епискописой». К 980 году, по инициативе архиепископа Адальберона, аббаты Реймской провинции были созваны на ассамблею, где прозвучала самокритика. Констатировался упадок нравов — монахи и монахини живут как «кумовья» и «кумы», неоправданно часто общаясь друг с другом; роскошь в одежде, особенно «дорогие хитоны, обтягивающие с обеих сторон фигуру и украшенные свободными рукавичками и турнюрами, так что со своими стянутыми талиями и облегаемыми материей ягодицами монахи похожи сзади на проституток». Действительно, судьба Церкви была связана с судьбой светской власти и зависела от нее: присвоение должностей и богатств, которыми князья расплачивались за услуги нужных им людей, распад, более или менее быстрый, традиционных институтов власти. К этому добавлялся и упадок духовной жизни и культурной деятельности в самой Церкви.

Однако и этот процесс был неоднороден. Когда расхищали, грабили и оскверняли, тогда же — пусть несколько позже и не везде — восстанавливали, учреждали, реформировали. Иногда это были одни и те же князья и сеньоры, дающие и отбирающие, очищающиеся и деградирующие. Для удобства пояснения я рассмотрю отдельно в следующей главе церковную реформу второй трети X века, ибо она приобрела наибольшее значение в конце века и особенно в XI веке. В жизни же все было перемешано друг с другом. «Церковь на службе мирян» — это выражение хорошо показывает, что вельможи использовали церковь и ее богатства в своих корыстных интересах. Однако стано-

вилось все очевиднее, что эти интересы не противоречили так уж особенно тем целям, которые преследовали и сами церковные лица. Так же, как беспорядок и реформы, тесно были связаны между собой отклонения и исправления. А нужды одних порождали излишество других. В итоге же и для тех, и для других хозяевами жизни оставались князья.

КОРОЛЬ ИЗ КНЯЗЕЙ

3

ОТ ОДНОЙ ДИНАСТИИ К ДРУГОЙ 936—987 годы

Каролингское возрождение в 936 году, олицетворенное подростком Людовиком IV, всецело принадлежало князьям. Королевская власть, столь бодрая и энергичная, была связана с системой и обладала всеми ее пороками. Поэтому история правления трех Каролингов, сменяющих друг друга, от отца к сыну, вплоть до 987 года, — столь сложна и противоречива, по крайней мере внешне. И именно поэтому следует упростить повествование о ней, выявив, насколько это возможно, ее главные, силовые стороны. Ибо сила значит нормальное регулирование политических и социальных отношений.

1. КОРОЛЬ ГЕРЦОГА

Чтобы внести хоть немного ясности в описание событий весьма темного и запутанного происхождения, — тем более что с 966 года прекращается «Хроника» Флодоарда, главный надежный источник, несмотря на свою прореймскую ориентацию, — попытаемся определить существенные моменты полувековой «политической жизни» — термин совершенно неприемлемый — в королевстве западных франков, до того периода, как королевская власть окончательно пере-

шла в другие руки, но не изменила при этом своего характера. Ухудшающееся материальное положение короля, могущество маркиза Нейстрии, умение Каролинга использовать конфликты между князьями для укрепления собственных позиций, хотя бы в малой Франции, новая попытка короля овладеть Лотарингией, наконец, активное проявление германского превосходства на Западе во второй половине века, окончательно изменили ход событий.

Переезд во Францию Людовика Заморского — ребенка, не говорящего ни на латыни, ни на романском, — был устроен Гуго Великим после его переговоров с заинтересованными лицами на севере Луары: Гийомом Нормандским, Гербертом Вермандуаским, Арнулем Фламандским, и дополнительно с бургундцем Гуго Черным. Возврат к принципу каролингской законной преемственности? Было бы преувеличением утверждать это. Преемственность и избрание — двойной процесс доступа к короне — говорили в пользу Каролинга, предки которого правили во Франкии два столетия. В то же время Людовик был вызван не столько ради того, кем он был, сколько ради того, кем он не был. О его королевстве ничего не знали. Если Гуго Великий и избрал Людовика, то, несомненно, как и в 923 году, потому, что у него самого не было наследника, которому можно было бы передать власть; и тогда его главный соперник Герберт сосредоточил бы в своих руках королевские полномочия. Именно поэтому маркиз Гуго, повелитель большой части королевства, намеревался держать в своем подчинении будущего короля и использовать любой случай для дальнейшего собственного обогащения.

С момента своей коронации в Лане 19 июня 936 года, при участии Арто Реймского Людовик IV находился совершенно без средств. Его немного обеспечивали дюжина земель в малой Франции — его фамильные владения, — названия которых пробуждали воспоминания о славном прошлом: Компьень, Кьерзи, Вербери, Вер, Понтьон; Людовик обладал также не-

сколькими аббатствами: Нотр-Дам в Лане, Сен-Корней в Компьене, Корби и даже Флёри-сюр-Луар. Он мог воспользоваться доходами Реймской провинции, где правил верный Арто, вскоре ставший государственным канцлером. В своих владениях король назначает епископов, начиная с Ланского; в том самом Лане, подлинной опоре каролингской законности, где король, испытывая затруднения, набирался сил вдали от Орлеана и даже Парижа. Действительно, только держась подальше от владений Гуго в междуречье Сены и Луары, Людовик IV мог рассчитывать на спокойную и даже благополучную жизнь.

Король, вступив на престол, пожаловал Гуго титул герцога франков, «второго после Нас во всех Наших королевствах». Подобный пост, по признанию летописцев, занимал Роберт, хотя бы на севере Луары, в эпоху Карла Простоватого. Однако королевская канцелярия никогда не объявляла этого официально. Теперь же Гуго заручился согласием поместных князей. Отныне он не только граф некоторых городов, аббат некоторых монастырей, уполномоченное лицо местной власти, но и разделяет с королем верховную власть над франками. «Король франков, герцог франков», — теперь они оба правят этим славным народом, о котором известно, что он происходит, наряду с римлянами, от сына Приама и что Бог избрал его господствовать на христианском Западе, что его могущественные и благочестивые короли — Хлодвиг, Дагобер, Карл Великий — из одного рода. Герцог франков, — разве этот титул не носил некогда Карл Мартелл, потом — его сын Пипин, который вместе с королем, а затем на его месте превосходно правил франками и приумножил земли королевства? Сын короля франков, герцог франков, Гуго Великий, по всей вероятности, стремился установить над правящим королем опеку. Но похоже, что Людовик IV не был расположен к этой опеке. Да и другие князья допустили каролингское возрождение не для того, чтобы Гуго использовал его в своих целях, то есть соответственно им в ущерб. Чем Гуго

вскоре и воспользовался на деле, завладев Сансом и Осером, отобранными у Гуго Черного. Каждый на своем месте: малолетний король, гарантирующий приемлемое распределение реальных полномочий внутри системы. Для Людовика единственная надежда создать себе территориальное образование и приобрести верных ему людей, чтобы выжить, — это постоянное соперничество между вельможами, преграждающими друг другу дорогу. Но и они тоже следили за тем, чтобы король не вмешивался не в свое дело.

С 937 года Людовик стремится ослабить контроль со стороны Роберта и опереться на архиепископа Реймского, на Гуго Черного, обиженного герцогом франков, на далекого Гийома из Пуатье, которому непосредственно угрожала экспансия со стороны Гуго Великого. Последний вступил в союз с Гербертом Вермандуаским, владения которого находились в опасном соседстве и даже смешивались с владениями короля: например, город Лан, чья башня, занимаемая вермандуаским кланом, была окружена землями Каролингов. Только в 938 году Людовик смог, наконец, осадив крепость, захватить ее. Со своей стороны, Герберт захватил места, принадлежавшие архиепископу Реймскому.

В такую расстановку сил, при которой король не всегда плетется в хвосте, проникает еще одна сила, которая вскоре будет преобладать в Европе. С 936 года Оттон, сын Генриха, стал королем Германии. В отличие от Каролинга, он обладал более прочной и надежной системой власти, укрепляемой еще больше: его окружали несколько герцогов, вошедших в его семью, влиятельные епископы, которым он доверил графские должности; надежная сеть крупных монастырей, ему принадлежащих, имела более сильные духовные и культурные способности, чем на Западе. В действительности шла борьба за наследство Карла Великого, и Людовик не оставался в стороне от нее, желая вернуть себе хотя бы Лотарингию. В начале 939 года Жильбер Лотарингский принял участие в восста-

нии герцогов Саксонии и Франконии против Оттона. Жильбер, согласно процедуре, имеющей прецедент, предложил Каролингу власть над Лотарингией. И вот уже Людовик получает в дар Верден — этап на пути к Ахену, куда зовет его голос крови, традиции, интересов, ибо Лотарингия могла бы стать для него более важной опорой, чем любая другая провинция на западе или на юге. Это лотарингское искупление, неотвязно преследовавшее Людовика и его сына Лотаря, дорого стоило Каролингам, так как германская династия не желала расставаться с провинцией. Действительно, Оттон, вступив в союз с Гуго и Гербертом, вскоре отовсвывает Лотарингию, чей герпог Жильбер умер в результате несчастного случая. На следующий год Людовика постиг еще более сильный удар. Гуго и Герберт, вместе с Гийомом Нормандским, который еще вчера клялся в верности королю, вторглись в Реймс и сместили Арто, поставив на его место Гуго, сына Герберта, который после изгнания в 932 году учился читать и петь псалмы у епископа Ги Осерского. Для короля это было слишком большой потерей. Герберт вновь завладел вотчиной св. Реми. Этот святой, как описано в удивительном тексте реймского происхождения, известном под названием «Видения Флотильды», — говорит, что Франкия уграчивает свои авторитет и могущество, упрекает Арто в том, что он оставил служение Богу, за что гореть ему в геенне огненной, и в конце вопрошает, «что же хотят франки сделать со своим королем, который приплыл по морю, отозвавшись на их призыв, которому они присягали на верность, но на самом деле обманули и короля, и Бога». За четыре года до этого св. Мартин, тоже явившись в видении, дал знать, что он будет присутствовать лично на коронации Людовика. Теперь же другой покровитель, наряду со св. Дени, франкской монархии, похоже, разочаровался в королевской власти, которой явно недоставало помощи Божией.

Поистине, так низко Каролинг никогда еще не пал. Гуго и Герберт, захватив Реймс, присягнули на

верность Оттону, расположившемуся — красноречивый символ! — в королевском дворце в Аттиньи. Отгон дошел уже до Сены и собирался осадить Лан, — впрочем, попытка его не увенчалась успехом. В 941 году оба князя наголову разбили армию короля. Почти тотчас же Арто добровольно перешел на сторону Гуго и Герберта. Ни во Франкии, ни в Лотарингии Людовик не смог ничего удержать. Хорошо, если бы он хоть сохранил за собой Лан. Отгон рассудил, что его зять Людовик с лихвой получил свое. Тогда он встретился с ним, назвал его своим другом и помирил его с Гербертом и Гуго, своим вторым зятем, ибо король и герцог были женаты на сестрах Оттона. Отныне арбитром на Западе выступает король Германии. Проследим дальше перипетии судьбы Людовика IV, так как первая половина его правления была весьма поучительной. В 943 году для короля открываются новые перспективы. Руапский граф Гийом только что погиб, попав в западню, несомненно устроенную по наущению Арнуля Фламандского, при неясных обстоятельствах. 23 февраля умирает своей смертью Герберт Вермандуаский. Наследником Нормандии остается очень юный Ричард. Герберт же, напротив, оставляет после себя четырех сыновей, не считая архиепископа Гуго. В обоих случаях надо было не упустить момента. В Нормандии начинают оспаривать право наследования, так как язычники-датчане были окружены новообращенными и еще не вполне устойчивыми христианами. Король вторгся в Нормандию и взял Ричарда под свою опеку, погостил в Руане, в Эврё, одержал крупные военные победы — и все это вместе с Гуго, которому он подтвердил титул герцога франков, добавив еще и титул герцога Бургундского. Короче, в Нормандии Людовик IV использовал, как мог, свою власть, безо всяких посредников. Охрану Руана он доверяет преданному ему графу Герлуину из Монтрёй, хотя и вассалу Гуго Великого.

С другой стороны, смерть Герберта освобождала короля от опасного возмутителя спокойствия, ибо вла-

дения последнего буквально окружали кольцом королевский Лан. Согласно традиции, которая еще не устареела, четыре сына умершего поделили наследство между собой. Эд сохранил графство Амьен, которое, впрочем, почти тотчас же захватил король; Герберт III, старший, получил Шаго-Тьерри и крепкое аббатство Сен-Медар в Суассоне; Альбер стал графом Вермандуа и светским аббатом Сен-Кантен, тогда как Роберт получил графство Мо. Людовик IV завладел аббатством Сен-Крепен в Суассоне, которое он затем уступил графу Рено из Руси, недавнему приближенному Гуго Великого, а теперь преданному династии Каролингов. Позже король заручился еще и надежной поддержкой Альбера Вермандуаского. Так, на востоке, как и на западе королевства, Людовик IV использовал положение с выгодой для себя. А следовательно, ему удалось выйти из-под опеки Гуго Великого. Тогда герцог перешел от обычного гангстерства к крупному бандитизму. В июле 945 года в Нормандии Людовик попадает в засаду неподалеку от Байё. Герлуин Монтрёйский, один из его свиты, погиб, королю же удалось бежать в Руан. Засада была подстроена норманнами, возможно, сторонниками Гуго Великого, которые просто-напросто были рады сорвать куш. Может, направляемые Гуго, игравшим роль посредника, они потребовали от королевы Герберги за выдачу короля франкскому герцогу, чтобы она отдала им в заложники двух своих сыновей, Лотаря и Карла. Герберга отправила им только младшего, вместе с епископом Суассона и Бове. Людовик же попадает в руки Робертинов. Казалось бы, против всякого ожидания, вместо того чтобы отнестись к королю с подобающими ему почестями, его арестовывают и отправляют под стражу графа Турского Тибо. Через двадцать лет Гуго повторяет поведение Герберта Вермандуаского в отношении к Карлу Простоватому. Заключение Людовика длилось несколько месяцев; за это время Гуго, конечно же, дал ему понять, что король без герцога — ничто. Затем герцог, в сопровождении Гуго Черного и при поддерж-

ке других знатных правителей — в частности, своих племянников из Вермандуа, «возвратил королю, — как пишет Флодоард, — его титул и его доброе имя». Итак, герцог франков, во главе и от имени аристократии, способен низложить и вновь возвысить наследника Карла Лысого. Не забыл он и еще об одной выгоде: королева Герберга, личность активная и решительная, вынуждена была отдать Гуго Лап. Герцог тотчас же поручил править этим королевским городом грозному Тибо из Тура. А Людовик мог теперь после своего освобождения датировать одну из грамот в конце июня 946 года одиннадцатым годом своего правления, «когда он вновь вернул себе Францию»: с этого момента у короля уже не было ни Реймса, ни Лана — ничего.

2. ГЕРМАНСКОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО

Ничего — это слишком. Придерживаясь принципа равновесия, Оттон Германский не захотел оставить своего зятя-короля в таком беспомощном состоянии и позволить герцогу франков оскорблять его королевское величество, захватив всю власть во Франкии. Тогда Оттон, вместе с королем Конрадом Бургундским, сыном и преемником Родольфа II, умершего в 937 году, вторгся в западное королевство во главе армии, о которой Флодоард пишет, что она была многочисленной. Три короля встретились под стенами Реймса. По совету своего зятя Арнуля Фламандского, архиепископ Гуго предпочел бежать. Арто был восстановлен в своих правах, «взятый под руки Робертом, архиепископом Трира, и Фридрихом, архиепископом Майнца». Лучше и нельзя было продемонстрировать интегрирование Реймса в германскую систему, которая все больше и больше принимала на себя роль наследницы имперского величия. Благодаря королю Германии Людовик IV вернул себе один из стратегических пунктов своего королевства. И все же было ясно, что теперь на Западе хозяйничает Оттон со своим кланом. Все

дела отныне решались в междуречье Мёза и Рейна. Так, с конца 947 по конец 948 года состоялись четыре синода, созванные по инициативе Оттона и его церкви, с тем чтобы обсудить вопрос о Реймсе, а также общее положение во Франкии. Наиболее важный из них состоялся в июне 948 года в Ингельгейме, во дворце неподалеку от Майнца, — там, где часто бывали, сто лет назад, императоры Людовик и Лотарь, и где Оттон, стремясь приобщиться к их славе и престижу, тоже охотно останавливался. Здесь собрались, кроме папских представителей, более тридцати архиепископов и епископов, в основном из Германии, а также из королевства Конрада. За исключением Арто и его ланского собрата, ни один епископ из западного королевства не присутствовал там. Очевидно, герцог франков хорошо позаботился об этом. Король Людовик, «с разрешения Оттона», изложил свои претензии к Гуго Великому. Наверняка он говорил на германском или, точнее, на саксонском языке, чтобы Оттон мог понять его: оба короля не говорили по-латыни. Это собрание, документы которого дошли до наших дней, вынесло решение: «Никто отныне да не осмелится нанести ущерб королевской власти или вероломно бесчестить и посягать на нее. Исходя из этого мы выносим следующее решение: Гуго, захватчик и похититель королевства Людовика, будет предан анафеме, если он в установленный срок не предстанет перед собором и не избавится от своих пороков». Таким образом, собрание в Ингельгейме, где франкский король и архиепископ Реймский оказались в несколько подчиненном положении, продолжило славную традицию IX века, когда прелаты на прежних своих ассамблеях указывали обществу путь, соответствующий закону.

Разумеется, Гуго Великий не обратил ни малейшего внимания на предупреждение. Наоборот, он разграбил Суассон, реймские владения, осквернил церкви. Поэтому сентябрьский синод в Трире отлучает его от церкви. Как же ощущалось подобное наказание? В Трире присутствовало всего полдюжины епископов, что несом-

ненно смягчило приговор и его реальные последствия. Действительно ли Гуго был изгнан из круга верных? Сомнительно. Но все же такие соборы имели подлинное значение для внутрицерковной жизни. Ведь епископы обязаны были расплачиваться за подобные вещи и могли даже лишиться сана. Ги Суассонский, который рукоположил Гуго Реймского, должен был уплатить большой штраф, чтобы удержаться на своем месте. Епископы Тибо Амьенский и Ив Санлисский, которых рукоположил архиепископ Гуго, были преданы анафеме. Конечно же, все эти меры способствовали объединению франкских епископов с королем, с каролингской и оттонской властью. В начале 949 года Людовик IV совместно с Арнулем Фламандским изгоняет Тибо из Амьена и заставляет архиепископа Арто рукоположить Рэмбо в сан епископа, с выгодой для короля. В том же году король возвращается в свой Лан: Тибо Турский освободил для него башню, — через несколько месяцев по приказу герцога франков. В 950 году король и герцог помирились. Гуго сохранил свое положение и увеличил зону своего влияния вплоть до Нормандии, и особенно в Бургундии. Действительно, последний прямой потомок Бозона, Гуго Черный, умер в 952 году, оставив большую часть владений своему зятю Жильберу, сыну Манассии из Шалона. Граф Жильбер вскоре признал главенство Гуго Великого, который женил своего сына Оттона на дочери Жильбера. После смерти графа в 956 году клан Робертинов завладел бургундским наследством.

Людовик IV, опираясь на Реймс и Лан, в союзе с Арнулем Фламандским и Альбером Вермандуаским, располагая доходами от надежных владений, осуществлял реальную власть над частью малой Франции, и законность этой власти больше уже не оспаривалась. Король «маленький», но настоящий; он даже рискует выйти за пределы своих земель, чтобы получить на окраинах Бургундии и Аквитании присягу о верности от графа Лето Маконского, графа Карла-Константина Вьеннского, епископа Этьена Клермонского, графа

Гийома из Пуатье. В 941 году король отправляется во Вьенн, затем в Пуатье. Таким образом, Каролинг наглядно подтверждает факт своего существования, появляясь на людях, для которых он представлялся лишь абстрактным символом. Людовик IV и его сын Лотарь были последними франкскими королями, пару раз показавшимися на юге Луары. После них там образовался вакуум.

Будучи еще молодым, Людовик умер в результате несчастного случая в сентябре 954 года. Он был погребен в реймском аббатстве Сен-Реми, поблизости от святых мощей покровителя Франкского королевства. Герцог франков уверил королеву Гербергу в том, что «ее сын вступит во владение королевством». Действительно, 12 ноября Арто помазал в Сен-Реми Лотаря, «в присутствии князя Гуго, архиепископа Брюнона и других епископов и вельмож Франкии». Очень продолжительное правление Лотаря — тридцать два года, — почти столько же, сколько и Карла Лысого, с самого начала происходило под двойной опекой: со стороны герцога франков, приведшего к власти юного короля, и со стороны короля Германии, чьим представителем был архиепископ Кёльнский Брюнон, брат Оттона, управляющий Лотарингией. Лотарь постоянно находился между двумя огнями, сиюсь сохранить свою долю самостоятельности. В конце концов слияние обеих сил привело к исчезновению Каролинга.

Вначале именно герцог франков подчинил себе короля, несмотря на оказанную Лотарю поддержку при наследовании престола. Герцог заставил его признать свое господство над Аквитанией, то есть на самом деле Гуго хотел подчинить себе графа Пуатье, который, в свою очередь, сам стремился овладеть Овернью. Весной 955 года после роскошной жизни в Париже Гуго увозит Лотаря осаждать Пуатье. Они проехали через владения Робергинов между Сеной и Луарой, — юный король в сопровождении старого князя. Между тем осада Пуатье окончилась полным провалом. Именно тогда Гийом Патлатый присвоил себе титул герцога

Аквитании, который носили графы Тулузы. С тех пор Робертины никогда уже не покажутся на юге Луары. А последние Каролинги тем более. Разделение между Севером и Югом практически совершилось.

Гуго Великий умер в июне 956 года, после тридцати трех лет княжения, будучи герцогом франков, бургундцев, бретонцев, нормандцев. Незадолго до этого он передал по наследству Бургундию своему младшему сыну Оттону. Старший же сын, Гуго, должен был один унаследовать все титулы отца. Ему было около пятнадцати лет, как и его кузену Лотарю. Две главные персоны королевства попали под контроль их дяди, короля Германии, брата королевы Герберги и герцогини Гатуиды; архиепископ Брюнон сделал германского короля по существу регентом. Его долгом было защищать западную часть Германского королевства, предотвращать любую попытку Каролингов войти в Лотарингию и следить за тем, чтобы племянники не нанесли друг другу ущерба. Может быть, для того, чтобы Лотарь с самого начала имел равные преимущества с Гуго Капетом, последний получил титул герцога Франкии — и символически Пуату — только в 960 году, одновременно с тем, как его более юный брат Оттон утвердился в Бургундии. Тем временем Лотарь с помощью Брюнона предварительно получает Дижон, расположенный в королевском епископстве Лангр. Несовершеннолетие Гуго имело свои последствия — я покажу это дальше — в судьбах княжества Робертинов.

Равновесие между королем и герцогом поддерживалось вплоть до смерти Оттона I в 973 году. Будучи императором с 962 года, Оттон, суверен Рима и Ахена, шел по следам Карла Великого. Он очистил Запад от венгерских язычников. Его родня надежно владела герцогствами, епископствами, аббатствами. Влияние германской королевской власти, стоящей на внушительном материальном и политическом фундаменте, превосходило любую другую власть на Западе. Королевство западных франков, или по крайней мере его король, было составляющей частью германской систе-

мы. В июне 965 года в Кёльне Оттон явился во всей своей славе, окруженный великосветской знатью и самыми достойными аристократами севера Европы. Лотарь признал права главы христианства, защитника Церкви, опекуна королей, обновителя Империи. На Мёзе и Рейне, в Италии засверкали всеми огнями очаги культуры, проводники имперской идеологии. Там была восстановлена каролингская традиция, при которой особое положение в обществе занимал епископ, аристократ по крови и духу, служитель Церкви, чьи интересы совпадали с династическими. Епископская резиденция в Меце была одной из самых активных в процессе возрождения. В соборе оживляется деятельность каноников. Здесь правит епископ Адальберон, сын Вигерика, графа Арденнского и родоначальника могущественного лотарингского семейства, чей брат Фридрих де Бар, ставший вскоре герцогом верхней Лотарингии, женился на сестре Гуго Капета. Один из каноников собора в Меце, Одельрик, был избран Брюноном для того, чтобы сменить Арто Реймского, умершего в 962 году. Таким образом, и Реймс попадает в сферу влияния Оттона. Эта тенденция усиливается еще больше, когда после смерти Одельрика в 969 году племянник Адальберона в Меце — тезка своего дяди, учившийся у него в монастыре Горца во время реформы, — был поставлен преемником в Сен-Реми. Его брат Годфруа был графом Верденским, а Верден принадлежал королевству Лотарингии, и епископ Вердена подчинялся Реймсу. Выдающаяся личность, Адальберон Реймский относился к германо-лотарингскому владычеству. В сравнении с системой территориальных княжеств и раздробленными властными полномочиями, он был представителем того типа культуры, в котором единство христианского Запада под эгидой империи пресвалировало над политическими разделениями и разногласиями. Универсалистские позиции диктовали решения, принимаемые новым архиепископом. Он занимал свой пост в течение двадцати лет, многое произошло за это время во Франкском королев-

встве. Лотарю удавалось править довольно успешно. Опираясь на епископальную сеть в Реймской провинции, где епископы Бове, Шалона, Ланз, Нуайона и отчасти Лангра так или иначе выполняли графские полномочия, поддерживаемый также архиепископом Аршамбо Санским и в условиях оттоновского превосходства, Лотарь имел возможность расширить свое влияние там, где ни германский король, ни франкский герцог, его могущественный союзник, не имели прямой заинтересованности, — а именно на северо-востоке королевства.

В 965 году умер Арнуль Фламандский, приближенный Каролингов. Доверил ли он перед смертью свое княжество королю, до исполнения совершеннолетия своего внука Арнуля? При неясных обстоятельствах Лотарь утвердил свое право военным путем и захватил Аррас, Дуэ и Сент-Аман. Если раньше и можно было разобраться в довольно запутанных ситуациях, то начиная с 956 года хроника Флодоарда все больше иссякает и останавливается совсем на 966 году. «История» Ришера, написанная после 990 года, менее достоверна. Она исполнена любви к изящной словесности, желания приукрасить, изменяя хронологию и описывая своих персонажей и их предполагаемые диалоги в духе античных образцов, где риторика перевешивает требование точности. Более того, привязанность автора к Реймской церкви заставляет этого молпаха из Сен-Реми поворачивать любое событие в пользу своих учителей: Адальберона и, главное, школьного наставника Герберта, который сменил Адальберона в 991—997 годах, — и в период епископства которого писал свою «Историю» его ученик и почитатель Ришер. Вместе с тем можно заметить, опираясь на витиеватые рассуждения Ришера, на многочисленные документы королевской канцелярии, на княжеские грамоты, на местные хроники, которые за каких-нибудь двадцать лет упорного труда медиевистов были извлечены на свет и исследованы, — что каролингский король, сильный и решительный, снова притягивает к

себе часть аристократов, заинтересованных в том, чтобы служить именно ему. Тибо Турский, Фулк Анжерский, которые обычно подчинялись герцогу франков, в 960-е годы ведут борьбу против Ричарда Нормандского на стороне Лотаря. Их сыновья — Эд и соответственно Жоффруа — в сходной ситуации будут действовать таким же образом. Король привлекает на свою сторону и графов из Вермандуа, инициаторов правителя, который мог бы защитить их владения в Пикардии и Шампани и помочь им расширить их на восток, обогнув границы реймских земель: это были Альбер Вермандуаский, особенно Герберт III; граф Шато-Тьерри и Витри, аббат Сен-Медара в Суассоне, носящий, судя по двум грамотам аббатства Монтьеранде от 968 и 980 годов, титул «графа франков»; королевская же грамота называет его дворцовым графом — пост, помещающий его на вершину предполагаемой графской иерархической лестницы, в прямом соперничестве с герцогом франков Гуго. Обладающий внушительным состоянием, вновь завладевший всем тем, чем владел и его отец, окруженный союзниками, спокойно относящийся к Гуго Капету, замкнувшемуся в центре своего княжества, от Орлеана до Санлиса, — чей брат Эд-Генрих наследовал у Оттона Бургундское герцогство в 965 году с согласия последнего, — в таком положении король вновь обратил взоры на восток, к Лотарингии своих предков, ища способа ослабить имперскую опеку. Смерть Оттона Великого в 973 году предоставила такую возможность.

3. ЛОТАРИНГСКОЕ ИСКУШЕНИЕ

При Оттоне II, властвующем в империи вот уже шесть лет, — молодом человеке, который больше жил в Риме, нежели в Германии, — центр притяжения оттоновской системы смещается на юг. Женатый на византийской принцессе Феофано, он соперничает с императором Востока, владевшим значительными зе-

млями в Италии. В то время на северо-востоке империи начались волнения. Брюноп Кёльпский, герцог Лотарингии, лишил прав потомков Ренье Длинной Шеи, два правнука которого в 970 году скрывались у короля Лотаря. Начиная с 973 года они пытаются вернуть свои права и фамильное наследство — в частности, некогда могущественные владения в Эно. Первая попытка этого рода, в 974 году, была сурово пресечена императором, который отдал Эно одному из своих приближенных, Верденскому графу Годфруа, брату Адальберона Реймсского. Семейство Арденн было в первых рядах защитников империи против франкских смутьянов.

Вторая попытка, повторенная через два года, оказалась более серьезной. Ренье и Ламбер нашли себе союзников из династии Вермандуа, многочисленные отпрыски которой чувствовали себя стесненными. Эд, сын графа Альбера, друг Лотаря, присоединился к готовящемуся походу князей из Эно. Узнается рука короля франков; тем более что в этом походе участвовал и младший брат Лотаря, Карл. Последний был сыном короля и потому королем (раньше па два-три поколения). Однако ни в 954 году, ни позже он не получил никакого королевства и даже никакого поста. Он даже не удостоился благословения епископа, как велось от Пипина Короткого для всех без исключения законнорожденных королевских детей. Лотарь один унаследовал все королевское состояние. Это неслыханное грабительство отметило собой укрепление родовой преемственности, встречающееся также и в других княжеских династиях. В 960-е годы у западных франков оно вызывало недоумение. Странное положение Карла, короля без определенного места и занятий, вскоре было причислено церковными летописцами к порочным особенностям его натуры, неспособной управлять королевством. Во всяком случае, Лотарингия готовила интересное развитие событий. Вне всякого сомнения, Лотарь был вдохновителем рискованной затеи. Ведь для него это была возможность овла-

дети Лотарингией — королевством, столь милым его династии, чье имя он сам носил.

Как бы то ни было, атака не удалась. Жестокое сражение разгорелось под стенами Монса, в центре Эно. Годфруа Верденский был ранен, его армия — разбита, но город не был взят. Побужденные рассеялись в Камбрези. Задержимся на мгновение: с одной стороны, король из Каролингов хочет завоевать Лотарингию и использует для этого сообщников и пособников: графов из Эно и Вермандуа, своего собственного брата Карла — то есть всех этих молодых людей, стремящихся утвердиться в своих правах; влиятельное лицо в королевстве — герцог Гуго, который не препятствовал этому наступлению, происходящему вдали от его владений; с другой стороны — император Оттон II, гораздо более сильный, чем его соперник, опирающийся на влиятельный род Арденн, главами которого были герцог верхней Лотарингии Фридрих и его племянники, архиепископ Адалберон и граф Годфруа, — все смертельные враги семьи Ренье Лотарингского.

Увы! Столь великолепную геополитическую конструкцию опровергли случайности, толчки, повороты, — то, чем они представляются нам через тысячу лет. О чем на самом деле заботился император? Вернуть Эно Ренье и Ламберу... Более того, он доверил Карлу, своему противнику, герцогство нижней Лотарингии, то есть основные земли Бельгии, потребовав взамен, разумеется, клятву о верности. Почему же такой резкий поворот? Потому что Лотарь только что изгнал из своего окружения своего младшего брата по единственной причине, будто бы он оскорбил королеву Эмму, публично обвинив ее в адюльтере с новым ланским епископом Адалбероном, королевским канцлером вот уже два года. Тот, кого Лотарь только что назначил, и будто бы по собственной воле, на епископство в самый важный для Каролингов город, которое занимал его дядя Рорикон, побочный сын Карла Простоватого, член семейства Арденн, племянник Адаль-

берона Реймского и Годфруа Верденского, которого несколько недель назад посланный от нового герцога нижней Лотарингии сделал на всю жизнь хромым. Итак, Реймс и Лан были в руках клана, препятствующего франкской экспансии в Лотарингии.

Последовательность описываемых событий может быть интерпретирована в логических, связанных политических терминах. И недостатка в подобных интерпретациях нет: в конце концов, можно заставить танцевать и медведя! На самом же деле события, восстанавливаемые нами по разрозненным и неполным источникам, не поддаются расшифровке. Как, например, объяснить апopleксический удар Лотаря летом 978 года? Скорее всего лотарингское искушение не оставляло его. Ришер Реймский убедительно высказывается на этот счет: «Так как Оттон владел Бельгией» (то есть Лотарингией, ибо Ришер использует терминологию Саллюстия и Цезаря), «а Лотарь стремился захватить ее, то оба короля строили друг против друга коварные козни и воевали, так как оба претендовали на отцовское наследство». Более того, франкский король, чувствовал себя особенно уверенно в этот период своего правления. В марте и апреле он торжественно входит в Бургундию. В Дижоне он как у себя дома. Его сопровождает внушительный кортеж епископов, верных советников, — всё в лучших традициях предков Лотаря. И среди свиты — наиболее надежные и преданные — Гибуин Шалонский, брат графа Ричарда Дижонского, Лиудульф Нуайонский, назначенный на свой пост в прошлом году, сын Альбера Вермандуаского и королевский племянник, новый архиепископ Санса Сегин; Адальберон Ланский тоже здесь. Властелин Бургундии Генрих, брат герцога франков, будто бы оказал королю при приеме все надлежащие почести. Лотарь узнаёт, что Оттон находится в Ахене — там, где покоился самый знаменитый из его предков. Был ли Лотарь захвачен воспоминаниями? Переволотился ли он в Карла Лысого в 869 году? Жажда славы и независимости завладела этим уже зрелым

человеком: ему скоро исполнится сорок лет. По примеру своих предшественников он собирает в Лапе, и опять, как некогда, в мае «герцога франков и других вельмож королевства, с тем чтобы просить у них совета». Его целью было совершить набег на Ахен и захватить императорскую чету. Порыв, лишенный всякого здравого смысла. Даже если предположить, что захват удастся, что из этого выйдет? Заставить признать себя в Лотарингии? Но вся оттоновская система на Западе препятствовала этому и конкретно в лице клана Арденн поддерживала сложившееся равновесие сил. Да и как, наконец, скромный король Лана мог покушаться на личность императора Запада, помазанного папой Римским?

Итак, каким образом объяснить необъяснимое — то, что Робертины приняли предложение Лотаря без видимых дискуссий и отважились идти за ним? Современники и наиболее компетентные историки полагают, что Оттон, сделав Карла, обидчика королевы, герцогом Лотарингии и своим приближенным, нанес серьезное оскорбление Лотарю и всей аристократии королевства. Однако такая гипотеза совершенно неприемлема. Франки X века не читали трактатов о рыцарстве и руководств по вежливым манерам. Хотя и этот довод следует учесть, так как он просо показывает нам, что тайные пружины поведения людей той эпохи нам практически неизвестны. Допустим всего-навсего, что Лотарь и его приближенные бросились туда, куда их влекло с неудержимой силой: в Лотарингию, в Ахен, к императору — но не к Оттону, а к Карлу Великому. Прекрасная погода, все вместе скачут туда верхом, посматривают вокруг, в надежде захватить добычу. Как привлекает их война! Удача совсем близко, тем более что император и не подозревает о подобных фантазиях. Франки ворвались во дворец Ахена в тот момент, когда оттуда спасался бегством Оттон. Они доели еще горячую похлебку и, — хорошо известная сцена! — вновь повернули на восток, как того желал Карл Великий, бронзового орла на вершине

крыши. После столь возвышенных поступков надо было возвращаться назад.

Через несколько недель Оттон организовал жестокую акцию отмищения: со своей армией он дошел до Сены и до самого Парижа. Он разорял и грабил все встречающееся на его пути. Карл Лотарингский, участник похода, был провозглашен в Лане королем в присутствии епископа Меца Тьерри, родственника Оттона. Лотарь укрылся в Этампе, в центре робертинских владений. Гуго Капет в качестве франкского герцога и защитника своих земель преградил путь Оттону под Парижем. Наравне со своими предками Робертом и Эдом он принял на себя выгодную миссию спасителя королевства и королевской власти. На помощь к нему подоспели Генрих Бургундский, Жоффруа Анжерский и сам король. Оттон, ввиду приближающейся зимы, не без помех вернулся в Германию.

Этот эпизод принес большую славу Каролингам. Величие вновь засияло над Франкским королевством. Составленный несколько позже происшедших событий, акт аббатства Мармутье, которое принадлежало герцогу Гуго, был датирован «вторым годом правления великого короля Лотаря с тех пор, как он атаковал саксонцев и обратил в бегство императора». Позднее, в «Сансской истории франков», написанной около 1015 года, показан разбитый и поверженный император, который никогда больше не осмеливался ступить на территорию Франкского королевства. Никогда раньше — по крайней мере на памяти двух поколений — положение Каролинга не казалось столь великолепным. Король и герцог франков выступают в союзе: первый — сильный поддержкой преданных епископов из Реймса и Лана, второй — поддержкой целого ряда аббатств. Оба имели верных сторонников или, по меньшей мере, думали так. Не настали ли новые времена? Во всяком случае, Лотарь укрепил королевскую власть. По примеру своих именитых предков он решает приобщить к власти и своего наследника, двенадцатилетнего Людовика. Состоялась торжественная цере-

мония. Лотарь просит герцога, главного представителя аристократии всего королевства, провести церемонию. Гуго отвечает утвердительно. Он созывает князей королевства, то есть из Франкии, Нейстрии, Бургундии и Аквитании. Неизвестно, кто реально присутствовал на церемонии. Но достоверно, что знать избрала Людовика при всеобщем одобрении, согласно традиционному ритуалу, и что Адальберон Реймский помазал его как короля франков. Именно в Компьене, где все напоминало об императоре Карле Лысом, в самый священный день года — на Троицу 979 года, когда особенно ощущается присутствие Духа Святого, — происходила эта величественная коронация, осылавшая незыблемость династии и королевства, неразсторжимыми узами связанных с герцогом франков, который в такие торжественные моменты рассыпается в заверениях в преданности, «бесконечно восхваляя королевское достоинство и с мольбой взирая на королей». Так повествует об этом событии Ришер. Заманчиво принять все сказанное на веру, хотя Ришер не был непосредственным свидетелем происходившего и даже ошибочно датирует это событие 981 годом, то есть на два года позже. Однако, как известно, монах из Сен-Реми едва ли заботился об условностях времени.

В итоге оказалось два короля, что гарантировало надежное будущее и окончательно убирало с дороги, как рассчитывали, Карла Лотарингского. Герцог франков, организатор королевского возвышения, выступает в роли необходимой персоны. И он пользуется этим, захватив в 980 году Монтрёй-сюр-Мер — важный военный и торговый пункт, который граф Фламандский некогда получил от своего отца. Не побоялся ли Лотарь попасть под влияние Робертинов, только что поколебав оттоновскую опеку? Известно только, что в этой запутанной тройственной игре король возвращается к императору, — скорее всего под нажимом реймского клана. Летом 980 года непримиримые враги времен 978 года, Лотарь и Оттон встречаются под Седаном, «бросаются друг другу в объятия и клянутся

в дружбе». Лотарь отказывается от Лотарингии, а Оттон спокойно удаляется в Италию, откуда он больше уже не вернется. Почти тотчас же Гуго предпринимает долгое путешествие в Рим, средоточие законности, в сопровождении двух самых близких друзей — епископа Арнуля Орлеанского и графа Бушара Вандомского. Он тоже хлопотал о дружбе с Оттоном, чтобы помешать установлению прямого контакта между королем франков и императором. В противном случае его пост оказался бы ненужным. И похоже, ему удалось добиться своего, к великому неудовольствию Лотаря. Последний пытается возобновить давно забытую традицию, на деле уже устаревшую: сделать старшего сына королем Аквитании. Словно королевство Аквитания все еще существовало, и словно франкский король еще мог на что-то в нем претендовать. Вдохновителем всей операции был Жоффруа Анжерский, жаждущий доставить неприятности своему могущественному южному соседу Гийому Фьеребрасу, графу Пуатье и герцогу Аквитанскому, зятю Гуго Канета, чье княжество было взято в клещи королевствами Лотаря и его наследника, сына Людовика V. Выход был найден в лице Аделаиды, или Азалаиды, сестры Жоффруа. Она владела двумя значительными поместьями: одно досталось ей от первого брака с Этьеном Жеводанским, правителем южной Оверни, от Бриуда до Манда; другое — от брака с Рэмоном Тулузским, маркизом Готии. Кроме того, братом Азалаиды и Жоффруа был Ги, епископ в Пюи, имеющий солидный материальный и идеологический багаж. На юге Луары, да и во всем королевстве не нашлось бы лучшей партии, чем эта вдова, — роскошное приобретение для того, кто сумел бы добиться ее руки. Поистине королевский кусочек, что и говорить. В сравнении с таким сокровищем много ли значили ее тридцать пять лет для пятнадцатилетнего Людовика? И вот уже собирают вещи, укладывают тряпки, погружают в повозки самое необходимое для королевской четы и отправляются в путь. Похоже, что герцог франков в последнюю

минуту был информирован об этом предприятии, и оно оказалось ему не по вкусу. Тем временем жених и невеста прибывают в Сен-Жюльен в Бриуде: свадьба, коронация Азалаиды, торжества. Молодожены устраивают свою жизнь. Через несколько месяцев Лотарь спешно привозит назад во Франкию своего опеломленного и занемогшего сына. Причина — семейные ссоры. На самом деле, идея владения Аквитанским королевством была лишена смысла. Людовик и его окружение оказались в Оверни чем-то совершенно иным. Азалаида же вступила в третий брак, отдавшись графу Гийому из Арля, властителю Прованса.

Планы касательно юга не удались, и Лотарь снова обращает свои взоры к Лотарингии. Оттон II умирает в Риме в расцвете лет, и его сын, совсем еще маленький Оттон III, был коронован королем Германии на Рождество 983 года в дворцовой капелле Ахена. Новая возможность открылась для каролингского короля: опека над несовершеннолетним. Ничего не добившись путем переговоров, так как семейство Арденн, из которого вышли два Адальберона, получившие епископства в Вердене и Меце, пресекало любое франкское вторжение, — Лотарь еще раз прибегнул к силовому давлению. Среди своих постоянных союзников он находит двух основных помощников в этом деле: Эда из Блуа, сына Тибо Мошенника, названного в королевской грамоте «прославленным графом, нашим верным и возлюбленным Эдом», и графа Герберта де Труа, сына Роберта Вермандуаского. Лотарь щедро одарил обоих кузенов, энергичных молодых людей, владениями Герберта Старого, дворцового графа, умершего два-три года тому назад. Его владения соседствовали с реймской провинцией и Верхней Лотарингией, которая принадлежала тогда сестре Гуго Капета Беатрисе, вдове герцога Фридриха Барского. Как всякий раз, первой мишенью стал Верден. После первоначальной неудачной попытки атака увенчалась успехом. В марте 985 года Лотарь вошел в Верден и сразу взял в плен четырех представителей враждебного семейства: графа

Годфруа с его сыном Фридрихом и их кузенов Сигфруа Люксембургского и Тьерри из верхней Лотарингии, сына Беатрисы. Таким образом, было серьезно подавлено реймское и лотарингское сопротивление каролингской экспансии на востоке. Империя, управляемая императрицей Феофано вместе с епископами, оказалась уязвимой. Тогда появляется идея у Адальберона Реймского и его приближенного Герберта; их сбивчивая и туманная переписка демонстрирует состояние духа императорских заговорщиков во Франкии. Идея эта состояла в том, чтобы заручиться поддержкой герцога франков для обуздания слишком ретивого короля: такова постоянная конфигурация — двое против одного. И Гуго действительно принял некоторые меры. Ему и не нужно было особенно стараться. В марте 986 года Лотарь в результате болезни умирает. Ему было сорок пять лет. Он готовился осадить Льеж и Камбре, подтянув значительные силы к этим городам и обезопасив себя от «предательства» — если это слово еще имело хоть какой-то смысл — Адальберона Реймского. Через тридцать два года беспокойного правления праправнук Карла Лысого до конца использовал все свои слабые ресурсы, находившиеся в его распоряжении. Зажатый между двумя основными в то время силами — герцогом франков и императором Германии, — он избежал их союза, пагубного для своей власти. В этой ситуации он опирался на главное достояние — сеть королевских епископств, которыми он владел от Нуайона до Лангра. Его активность позволила ему перетянуть на свою сторону таких местных князей, как граф Фламандский и правители Вермандуа. Убрав своего брата Карла, он укрепил королевское родовое наследование, сделав как можно раньше королем своего сына Людовика. И даже если единство оказалось хрупким, как выяснилось уже на следующий год, все же внешне королевская власть Каролингов выглядела сильной. Таков итог правления великого короля, которого аристократия всего королевства, а точнее северной Луары, проводила в послед-

ний путь до Сен-Реми в Реймсе. Там с большой пышностью Лотарь был похоронен возле своего отца Людовика. На самом же деле эта похоронная процессия знаменовала собой окончательное исчезновение самого прославленного в мире рода, идущего от Карла Великого.

4. ПРИШЕСТВИЕ ГУГО КАПЕТА

Через четырнадцать месяцев Людовик V, в свою очередь, был погребен в Сен-Корней в Компьене. Будучи королем с шестилетнего возраста, он стал преемником своего отца без особых помех, и знать, собравшаяся на похороны Лотаря, присягнула на верность Людовику. Он произнес перед ними традиционную речь: он собирается править согласно советам князей, и прежде всего главного из них — герцога франков. То, что произошло в период между весной 986 года и весной 987 года, было крайне хаотичным. Людовик V, несомненно, пытался возобновить контроль над двумя первейшими городами — Ланом и Реймсом, заставив подчиниться своей власти епископов этих городов — обоих Адальберонов, сторонников императора. По всей видимости, герцог Гуго не позволил заходить ему слишком далеко и постарался, в силу своих обязанностей, восстановить согласие, столь необходимое для благополучия Франкского королевства, между королем и Реймским архиепископом, который приехал в Компьень оправдываться на королевской ассамблее. Только все собрались на эту ассамблею, как Людовик умирает от несчастного случая на охоте в лесу Санлиса, во владениях Гуго. Это произошло 22 мая 987 года.

Так, отмечает большинство летописцев, угас род Каролингов, Карла Великого, Лысого, Простоватого. Конечно, оставался еще один, Карл Лотарингский, дядя погибшего короля. Однако ассамблея в Санлисе, провозгласив в начале июня новым королем Гуго,

отвергла кандидатуру Карла: как заявил Адальберон Реймский, главный помощник возвышения Робертинов, Карл был неудачно жепат и состоял на службе у иностранного короля. На самом деле Карл, не имея состояния и союзников во Франкии, ничего не мог предложить князьям, от которых зависело избрание короля. Более того, этот Каролинг, носящий титул герцога Лотарингского, мог при случае возобновить лотарингскую политику своих предшественников, а сторонники Оттона в лице Адальберона и его помощника Герберта хотели обезопасить себя. Без их согласия у Карла не было никаких шансов претендовать на королевский престол. Гуго Капет же удовлетворял их со всех сторон. Ему нечего было делать в Лотарингии. Он внушал доверие. Ассамблея в Санлисе, собранная в центре графства Гуго, состояла, конечно же, из его союзников, приближенных и клиентов герцога. Ни один из далеких князей — Арнуль Фламандский или Гийом из Пуатье — не смогли бы, да и не захотели бы добираться до Санлиса за столь короткий срок. Наконец, нам неизвестно, кто конкретно там присутствовал, помимо архиепископа Реймского и самого герцога.

Герцог, будучи внучатым племянником, внуком и племянником королей, сам сделался королем. В Нуайоне, в воскресенье 3 июля, он произнес королевскую клятву и получил благословение Адальберона. Затем церемония повторилась, когда в королевские права вступил и его сын Роберт, коронованный на Рождество 987 года в церкви Сент-Круа в Орлеане — центре владений Капетингов. Эта династия окончательно утвердилась после того, как Карл Лотарингский предпринял серьезную попытку захватить Лан и Реймс, где в начале 989 года умер Адальберон, и привлек при этом на свою сторону Эда из Блуа, Герберта де Труа и Жильбера де Руси. Но последний Каролинг был уничтожен в результате предательства Адальберона Ланского. Этот новоявленный Иуда выдал своего князя, которому он сам же присягал на верность, в Вербное воскресенье 991 года. Праправнук Карла Лысого,

чье имя он тоже носил, Карл Лотарингский вынужден был окончить свои дни в тюрьме, а вместе с ним завершилась и история его рода.

После столетия соперничества и многочисленных перипетий род Робертинов одержал верх над Пипинидами. Победа реальности над остатками идеологии? Именно это мы и рассмотрим дальше, продемонстрировав, как же получилось, что герцог франков к концу X века оказался в наилучшем положении. Возвышению Гуго Капета не следует придавать исключительное значение. Прежде всего потому, что оно было результатом стечения обстоятельств, в известной мере случайных. Затем, потому, что смена династии особенно не повлияла на общественные структуры, не стала ощутимой в умах людей. И наконец, потому, что сами смысл и значение этого события начали осознаваться гораздо позже. Казалось, что происходившее в начале лета 987 года между Санлисом и Нуайоном никого особенно не интересовало. Из семи королей, сменявших друг друга на протяжении века в Западнофранкском королевстве, трое еще до Гуго Капета не принадлежали к династии Каролингов. Пришествие же Гуго Капета увенчало собой, если можно так выразиться, развитие в этом направлении, определило новую расстановку сил. Герцог франков, обладатель уже устоявшейся законной власти, занял освободившееся место короля. Ничего более. Осмелимся даже сказать: эта перемена правящей династии не являлась событием. Это было, как говорят, явление второстепенное, эпифеномен. Нет ничего нейтральнее этого события, нет ничего бесцветнее этого антигероя. В 987 году королевский престол франков сохранял огромное значение. Но король Гуго едва ли существовал, — мимолетный персонаж, бесшумно исчезнувший в 996 году, без особой славы победив препятствие в лице Карла Лотарингского и Эда де Блуа, которые пытались расширить свои владения в ущерб королевским. Карл Лотарингский, возможно, даже организовал заговор против Гуго с Адальбероном Ланским. Преодолеи Гуго и

трудности, связанные с его собственным сыном Робертом, торопящимся стать независимым. Герцог франков был заметной фигурой, но король франков воплощал собой лишь принцип. В 987 году символ власти показался Гуго более привлекательным, чем реальные полномочия. Пятьдесят лет назад его отец сделал противоположный выбор.

Перераспределение полномочий, изменение идеологии, — таково двойное движение, происходящее после исчезновения императорского великолепия в обществе X века. Исследуя это движение, не будем забывать о том, что неизменным и потому весомым оставалось еще очень многое — прежде всего, сила инерции, которая, как обычно, и одержала победу.

III
РОЖДЕНИЕ
ФРАНЦУЗСКОГО
ОБЩЕСТВА
930 – 1000
ГОДЫ

III
РОЖДЕНИЕ
ФРАНЦУЗСКОГО
ОБЩЕСТВА
930 - 1000

С толь успешное восшествие на престол Гуго и передача им королевской власти своему сыну Роберту были достаточно понятными. Отважимся на тройственное истолкование, где одно не исключает другого, начиная с согласия императора. Гуго пришел к власти, потому что он прежде всего был менее богат, чем его отец Гуго Великий около 950 года, и потому он выглядел более удобным для равных ему лиц; затем, он привлек на свою сторону восходящую силу, каковой являлось возрождение, хотя еще и частичное, Церкви, и особенно монастырской жизни; наконец, приход к власти Капетингов был связан с интеллектуальным движением, изменениями представлений о мире, обществе и самой королевской власти, выражаемыми в новых понятиях. Рассмотрим перечисленные три направления более подробно.

1

ИЗМЕНЕНИЕ СВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Суть понятия об общественной власти и ее осуществление на практике на протяжении всего X века и в самом его конце оставались неизменными. Король служил ее символом и, как мы помним, ее источником. Но число тех, кто получил ее, чаще всего по наследству, и использовал ее, все увеличивалось. Знаки, как в общественном пейзаже, так и в текстах, все умножались в связи с этим раздроблением власти, способностью управлять и наказывать, с ее обращением и разделением между многими: так башни и крепостные стены в городе все возводятся и обновляются, и, что еще удивительнее, в деревне тоже. Так различные персонажи хроник и грамот занимают все больше места, будучи одновременно зависимыми друг от друга и обособленными друг от друга. Все это приметы второй трети X века. Документы, и архивные, и археологические, остаются обрывочными и недостоверными, то и дело вводя нас в заблуждение. Факты и наше знание о них сильно меняются в зависимости от географического положения. И в словах, и в событиях обнаруживается колебание, или «прорастание», как говорят хорошие историки. Итак, последнее методологическое замечание: не следует переносить на X век то, что мы твердо знаем о XI и особенно XII веке: замки, сеньоры, рыцари, вилланы,

демографический подъем, рост деревень, интенсивная распашка новых земель, строительство церквей, открывающихся в изобилии, — короче говоря, гигантский подъем средневекового Запада. И часто пишут, что XI век не мог столь динамично развиваться без предпосылок, заложенных еще в X веке. А если наоборот, XI век, особенно в его второй половине, кажется столь блестящим и успешным только по контрасту с X веком, еще малоподвижным и смутным? Историографические дискуссии по этому поводу вновь разгорелись несколько лет назад. X век снова входит в моду: почему бы и нет, если он способен побудить к новым исследованиям? Наиболее свежие из них, как, например, труд К. Лорансон-Роза об Оверни, вряд ли заставят восторгаться этой эпохой. На самом деле изучение истории раннего средневековья в соответствии с разделением на века лишено всякого смысла. X века просто не существует. В Провансе около 1000 года еще не до конца исчерпала себя античность. А во Фландрии того же периода было уже близко новое время. На полдороге, в Маконне, Ги Буа не колеблясь отмечает революцию в действии. Почти повсюду привлекает внимание приспособление старого и еще прочного порядка к новым формирующимся реалиям, пусть локальным, разрозненным и прерывистым.

1. НА АВАНСЦЕНЕ — БЛИСТАТЕЛЬНЫЕ ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ПЕРСОНАЖИ

Вот, в начале X века, Фулк Рыжий. Это небезызвестная персона. Он, несомненно, был прямым потомком Адаларда, всемогущего сенешаля Людовика Благочестивого. С согласия и под контролем маркиза Роберта Нейстрийского Карл Простоватый назначил его виконтом Анжера, где сам Роберт был графом. Но маркиз, управляя огромным княжеством, выполняя определенные функции при королевском дворе, был не в состоянии справляться еще и с графскими обязан-

постями, поэтому виконт и заменил его в этом. Фулк расширил свои владения, в частности со стороны Лопш. Как светский аббат, он обладал монастырями Сент-Обен и Сен-Лезен, являвшимися графским достоянием. Не хватало только титула графа, который уравниал бы его с цветом аристократии, с его собственным сеньором Гуго Великим. В 920 году, затем в 929 году он пытается получить этот титул, судя по сохранившейся грамоте. Однако Гуго жалует ему лишь титул виконта, и только. Лишь незадолго до своей смерти в 942 году Фулк Рыжий становится графом с позволения Гуго, который сам сделался герцогом франков. Его сын Фулк Добрый, унаследовав от отца все титулы и богатства, уже носил титул графа. В 966 году его внук Жоффруа Гризегонель именуется «графом Анжуйским Божией милостью и щедростью моего господина Гуго». Бог, долгое время занятый исключительно королями, узаконивает теперь и графскую власть. И наряду с таким дарителем Гуго Канет, при всей его щедрости, отступает на задний план. Действительно, в октябре 989 года правнук Фулка Рыжего Фулк Нерра провозглашает себя «графом Анжуйским Божией милостью» — и только ею одной. Если бы он признал себя вассалом короля Гуго, он больше уже не имел бы своих полномочий. С этой минуты его богатство и политический вес сравнивались с королевскими. Когда он два года тому назад стал преемником своего отца Жоффруа, то его новоиспеченный сеньор и король ничего не знал об этом, и даже не подозревал о подобных вещах. Поэтому отношения между герцогом, затем королем франков, и графами Анжуйскими были в общем прекрасными. Граф Анжуйский, утвердив свое влияние в Нанте, владел также Туаром и Лудёном, захваченными у Гийома Аквитанского. В Анжере он сам назначил виконтом Рено Тюрингского. За пределами родовых поместий династия продвигает своих пепек. Брат Фулка Доброго Ги становится епископом Суассона, а брат Жоффруа Гризегонеля, тоже именуемый Ги, потому что он, как и его дядя, был

призван стать епископом, получил-таки епископство Пюи.

Еще больших успехов добился сосед и соперник графа Анжуйского. В начале X века виконтом в Туре был Тибо. Возможно, это был сын виконта Гарпего из Блуа. А его жена Ришильда, конечно же, была дочерью графа Гуго из Буржа, а по линии матери — внучкой Карла Лысого. Тибо преуспел еще больше Фулка Рыжего. Около 936 года он завладел графством Блуа. Немного позднее он пытается присвоить титул графа Тура. Гуго Великий противится этому. Его сын Тибо, прозванный Мошенником, становится после 940 года его преемником. И вот он уже прибирает к рукам графства Шартр и Шатоден. Гуго Капет будет вынужден пожаловать ему графский титул, соответствующий его реальной власти в Туре, — что и произошло около 970 года. Как позднее сделает Фулк Нерра в Ланже, Шомоне, Монтрёй-Беллей и Шато-Гонтье, — так же и Тибо показывает, что он является обладателем должностных полномочий, возводя башни в городах Блуа, Шатоден, Шинон, Шартр, чтобы выступить против епископа, назначаемого непосредственно королем. В Дуэ-ла-Фонтен он восстанавливает и укрепляет для себя старинную резиденцию императора Людовика Благочестивого. Его женитьба на Лиегарде, дочери Герберта Вермандуаского, становится поводом для новых приобретений далеко за пределами его земель на Луаре. В 948 году он строит крепость в Монтегю, бросая тем самым вызов Каролингу из Лапа, бывшему несколько месяцев в заключении. В том же году он присваивает себе крепость Куси — владение реймского архиепископства, что стоило ему отлучения от церкви. Дело уладилось только в 965 году, когда архиепископ Одельрик уступил крепость в обмен на присягу о верности сыну графа Эду. Осуществляя опеку над сыном Алена Бретонского, Тибо приобрел большое влияние в графстве Ренн. Наконец, стремясь укрепить свои позиции в церкви, он последовательно добивается для своих брата и сына — с 955 по 985 годы — епископских

должностей в Бурже. Старший сын Тибо, Эд, в 977 году один получает отцовское наследство. После смерти дяди Герберта Старого около 980 года он прибавляет к нему еще и часть вермандуаских владений в Шампани. Женившись на Берте, дочери короля Конрада Тихого и внучке Людовика IV Заморского, Эд к 985 году достигает небывалого могущества, может быть, даже превосходящего власть самого герцога франков — своего господина, которого он едва удостаивает своим посещением. Став королем, Гуго будет терпеть и более значительные унижения. У Эда был свой двор, он чеканил собственную монету, он назначил виконтом Шартра своего приближенного Ардуина — возможно, сына того Ардуина, которому Тибо Мошенник доверил охрану крепости Куси в 948 году.

Итак, в Нейстрийском княжестве по мере того, как его властитель продвигался вверх по иерархической лестнице, становясь герцогом, затем королем, — образовались два новых объединения, достаточно сильных и автономных, и их правители заставляли признать себя — добровольно или по принуждению — в качестве урожденных и несменяемых графов. Владения Гуго Великого оказались слишком большими для одного наследника. Мало-помалу прямой контроль над графствами ускользал из рук властителя, и его собственные владения снова сокращаются до пределов Орлеана и Санлиса. Почти полная независимость по отношению к светским властям, которой добились графы Анжуйский и из Блуа-Шампань, прочность и стабильность княжеств «второго поколения» придали этим двум династиям совершенно особое значение. Утрата герцогом наследства Робертинов стала очевидной. С 942 года виконт Тейдон Парижский приобретает титул графа; в 948 году настала очередь Фромона Санского, а в том же году его сменяет его сын Ренар. В руки Бушара Вандомского последовательно попадают графства Парижа, Корбей и Мелён. Накануне восшествия франкского герцога на престол один лишь Орлеан оставался, по-видимому, во власти Гуго Капе-

та, и то больше из личной преданности, а не из субординации, Фулк Анжерский и особенно Бушар Вандомский, друг, сторонник и зять Фулка, предоставили Гуго свободу действий. Около 985 года относительное единство княжества Гуго Великого ушло в прошлое. Однородное ядро между Луарой и Сеной было разделено. Раздробленность победила.

Подобные процессы происходили также и за пределами Нейстрии. В междуречье Сены и Мёзы, во владениях многочисленной семьи из Вермандуа, появляются новые образования, управляемые людьми не повыми, но получившими возможность большей автономии, которые опирались при этом на крепости, узурпируя часть или всю полноту государственных полномочий, вступая в семейные связи, упрочившие их положение в аристократической среде, вербуясь на военную службу к наиболее щедрым из князей и неустанно увеличивая собственные владения. Вот около 940 года некий Рено, главный вассал реймской Церкви, возможно, виконт Реймса, наделенный соответствующими полномочиями. Нам неизвестно его происхождение. Он очень удачно женился на Обрее, дочери Жильбера Лотарингского и Герберги Саксонской, которая во втором браке стала королевой франков. В 948 году он строит крепость в Руси, между Реймсом и Ланом. Получил ли он разрешение на это? Ведь возведение любых крепостей и укреплений дозволялось исключительно королем. Вполне вероятно, тем более что Рено был одним из ближайших сторонников Людовика IV и архиепископа Арто. Опираясь на свой бастион, вокруг которого образовалось графство, Рено де Руси участвует в походах начала правления Лотаря, своего сводного брата. Его старший сын Жильбер унаследовал отцовские права, не без колебаний перейдя на сторону короля Гуго, тогда как младший, Брюнон, получил крупное епископство Лангр. В следующем поколении семейство Руси завладеет уже архиепископством Реймса.

В 970-е годы в Шампани возвысился род Рамеруп, вступивший вскоре в союз с Руси. Гильдуин, брат

епископа Манассии из Труа, был графом в Арси-сюр-Об. Но главной его гордостью являлся замок Рамеруп. От очень набожного Гильдуина, который, похоже, совершил паломничество в Иерусалим в 992 году вместе со знаменитым аббатом Адсоном Монтьеранде, произошла крепкая графская династия. Как и Руси, она не только пережила распад каролингской системы, но и извлекла из нее личную выгоду — в частности благодаря своей могучей крепости.

В конце X века графство повсеместно остается неделимой территориальной единицей. Именно на этом уровне продолжает осуществляться власть — захваченная, присвоенная, унаследованная.

В Маконнэ совершенно независимым был граф Обри. Он получил графство от своего деда Лето, а тот, в свою очередь, от своего отца Обри. Лето присягал на верность королю Лотарю. Обри II не игнорировал свою родину, так как он был женат на Эрментруде, дочери Рено де Руси; как тесен мир! Графство Макон принадлежало вначале Гийому Благочестивому из Аквитании, затем Гуго Черному из Бургундии. Расположенное на границе с королевствами франков и бургундцев, это графство в 980 году всецело подчинялось Обри. Конечно, граф старался поддерживать государственную власть во всей ее полноте. Жорж Дюби пишет: «Герцогство Макон являлось автономным княжеством, где бесконтрольно правила самостоятельная династия». Оставаясь внешне неизменной, каролингская система меняла содержание: делегирование полномочий становилось мертвой буквой. Общественные структуры функционировали беспрепятственно, удачно приспособившись к реальным отношениям и социальной ситуации. Граф с помощью своего виконта и под защитой епископа чеканил монету, лично присутствовал на заседаниях суда, проходивших в его городе, взимал пошлины. Так, с выгодой использовались традиционные институты власти. Повелитель свободных людей графства, сам граф, или скорее его отец и дед, поручал охрану своих крепостей наиболее влиятель-

пым из местных магнатов. Эти лица — их было около дюжины — и составляли окружение графа; они и советовали ему, и подчинялись ему. В тот же период положение графа Гийома Провансальского в его городе Арле было очень сходно с положением Обри, чей дед был к тому же родом из Прованса.

Ближе к Западу существовали тоже группы, использовавшие свои должности для расширения личного господства. Так поступали в Пуату очень влиятельные поверенные престижного аббатства Шарру. В Марше они образовали настоящую графскую область. В середине века один из наиболее предприимчивых, Бозон, построил замок Беллак. В 958 году он безо всякого повода присваивает себе титул маркиза. Около 970 года его сын Эли наследует графство Перигё, доставшееся ему от его матери Эммы, и нападает на виконта из Лиможа, а затем на Арно Ангулемского. Гийом из Пуатье использует разногласия между своими вассалами, чтобы лучше управлять ими. Графы из Марша тем не менее стали родоначальниками еще одной новой династии. Брат Эли Одебер делается графом Перигора и прославится в период правления королей Гуго и Роберта. Граф Ангулемский расширил традиционные границы своего графства и, опираясь на аббатства Сен-Жан в Анжели и Сен-Сибар, все больше отделяется от герцога Аквитанского. В Гаскони во второй половине X века княжество, развитие которого несколько запаздывало по сравнению с остальным королевством, распадается на виконтства, управляемые герцогом Гийомом Саншем: Ломань, Беарн, Марсан, Дакс, Олорон. В двух последних городах виконт от имени князя владел крепостями.

Освобождение и развитие графств и виконтств, хорошо заметное после 930 года в Клермоне и Бриуде, а также и в Мане, где виконтская семья обладала епископством, — способствовало тому, что поверенные, даже простые викарии, возможно, стоявшие у истоков династий в Люзиньяне, Шателейоне или Тальмоне в Пуату, к примеру, олицетворяли собой глубокий про-

цесс раздробления власти в светском обществе. Но начало этого процесса, подчеркнем еще раз, находилось в обладании должностными полномочиями. Очень редко случалось прямое, непосредственное узурпирование. Если же таковое и имело место, то прежде всего в Берри, — то есть там, где традиционное графское устройство раньше всего было отвергнуто и где исчезла столь долго сохраняемая старая юридическая система. А более активно после 925 года вели себя графы Буржа. В этой провинции с первой трети X века, как показывает Жорж Девайи, уже возникло то, что позднее будет названо помещичьими замками.

2. ЗАМКИ НА ГОРИЗОНТЕ

Этот процесс был отмечен изменениями пейзажа и изобилием укреплений. По крайней мере, так явствует из тех немногих текстов, которыми мы располагаем. Археологические находки тоже усиливают это впечатление, хотя датировка иногда устанавливается с ошибкой на несколько десятилетий. Разумеется, все эти замки и баппи существовали на Западе с античных времен. Но они были тогда сосредоточены в городах или пригородах. Города Прованса и Септимании, где сохранились значительные развалины античной эпохи, имели предостаточно подобных сооружений. В X веке они встречаются уже в сельской местности, в стратегически важных местах. Часто это были восстановленные древнеримские строения, или же новые постройки, возведенные на средства от королевских налогов. Ибо по закону строительство замка освобождало от должностных обязанностей. Короли, аббаты, обладающие иммунитетом, были первыми строителями крепостных стен и рвов. Архиепископы Эрве и особенно Арто Реймский тоже вели строительство. Герберт Осерский для защиты своей епархии выстроил замки в Туси и Сен-Фаржо в 971—995 годах. В Орийяке, в самом начале X века, у графа Жеро был замок. В середине

века Герберт и Роберт Вермандуаские возводят замки, в Монфеликс, между Шато-Тьерри и Шалоном, а их племянник Эд — замок в Варк. В Шампани Минель Бюр насчитывал более сорока крепостей в конце X века, часто на границе между различными каролингскими графствами, которым грозил распад.

Государственная власть, частная инициатива, — сложно в этом переплетении найти истоки происхождения крепостей, число которых на протяжении X века все возрастает. Новыми постройками более всего изобилует малая Франция; об этом сохранилось больше документов. Там, где княжеская власть оставалась сильной, процессы были ограниченными и контролируемыми. Так случилось в Нормандии и Фландрии, где ни один замок не мог ускользнуть от внимания графа: городские замки, монастырские строения встречались здесь чаще, чем простые валы; но все они были в руках князя. В Фекампе — маркиз Ричард, в Аррасе — граф Арнуль соединяли в одном и том же строении дворец и крепость. В Арле, Авиньоне граф Гийом Провансальский жил в сходной постройке. На юге крепости находились в древних античных местах: в Эннезате, старом центре королевских налоговых служб; в Полиньяке, Меркёре — в Оверни; в Истре, Фосе, Ансуи, Форкалькье — в Провансе. В Шаранте, отмечает Андре Дебор, из двенадцати замков до 1000 года один точно являлся частным сооружением. Правда, в этом районе большое значение имело территориальное деление на паги, и местные власти — граф Ангулемский и герцог Аквитанский, — строго хранили атрибуты королевской службы.

Зато в Провансе к концу века растет милитаризация аристократии, а также все больше возводятся замки, принадлежащие частным лицам. Среди них назовем Ле-Бо, Боннё и Руссийон. Так же обстояло дело и в Оверни, где нарастала волна насилия, и в Гаскони, где все чаще возводятся замки на холмах. Завещание виконта Гийома из Безье в 990 году упоминает о многочисленных укрепленных областях. Однако маловероятно,

что все они были построены на средства от королевских налогов. В Лангедоке в последней четверти X века упоминалось о башнях, построенных на свободных землях; правда, иногда даже эти земли были уже поделены между многочисленными наследниками.

Укрепления различались как по внешнему виду и размерам, так и по происхождению. Трудно судить об этом достоверно, так как эти здания, где скорее всего первое место занимало дерево, множество раз перестраивались; трудно также и установить точную дату их постройки. В междуречье Луары и Рейна самый старый сохранившийся вал находится в Шантрэн-ле-Музон, в Арденн, который принадлежал графу Гозрану между 940 и 971 годами. Вал был четырех метров в высоту, диаметром в пятьдесят метров. Но как сопоставить, следуя текстам, внушительный ансамбль в Кузи, который около 960 года включал в себя башню, крепость и ограждение, с крошечным замком, принадлежавшим рыцарю Бюршару в Брей, в графстве Санс? Или же, на пятьдесят лет раньше, с маленькой крепостью в Сен-Сере, которую обманным путем отнял у графа Жеро из Ориака этот разбойник по имени Арланд и которого Жеро обезвредил?

Невзирая на все разногласия, естественные, но неразрешимые, по поводу происхождения и назначения замков, зададимся вопросом о значении этого строительства.

Разумеется, идея поставить препятствие в форме стены между собой и противником столь же стара, как и сама война. Поэтому наличие крепостей по мере необходимости не являлось новостью. Норманнские и сарацинские набеги еще больше усилили эту необходимость. Реставрировались старинные разрушенные стены, возводились новые — по инициативе или разрешению властей.

В то же время только ли потребностям обороны отвечали многочисленные строящиеся замки? Их появление влияло на образ действия и общественные структуры. Они становились приметой рассредоточивания функций управления в руках частных лиц. Замок был

не только оборонительным сооружением, но и средством утверждения, завоевания, причиной поляризации сил в обществе. Утрата прав и средств заставить уважать чужие права превратила насилие в способ разрешения конфликтов, хотя частные междоусобные войны существовали и в прошлые века. В конце концов король и его уполномоченные считали своим долгом находить мирное решение споров между христианами, и их власть позволяла им достигать мира в большинстве случаев. Более того, воинские подвиги не представляли ценности для аристократии, которая к тому же не обладала монополией на ведение войны. В IX веке искусство сражения не являлось общественной или моральной добродетелью. Оно было в лучшем случае необходимостью, которую диктовали общественные интересы, когда сам король призывал к оружию за правое дело.

В X веке, особенно во второй его половине, распад общественной власти привел к тому, что наиболее сильные захватывали эту власть и использовали ее в своих интересах. Замок служил одновременно и средством, и приметой осуществления этих интересов. Холм и башня имели корни в земле, высясь над территориальным округом в самом его центре, которым управляли его владельцы. Точно так же и родовая династия была укоренена в этих землях, выросла здесь и набралась сил для дальнейшего развития. Наиболее влиятельные князья доверяли свои крепости людям из ближайшего окружения: Ардуин охраняет Куси для графа Тибо Турского, Готье — Мелён для Бушара Вандомского. Предательство Готье, в 991 году перешедшего к Эду из Блуа, стало таким позором, что не только сам охранник замка был повешен, но и — факт исключительный! — его жена вместе с ним. Тридцать лет назад молодой человек, которому король Лотарь передал свою крепость в Дижоне и который продался Роберту из Труа, был обезглавлен в присутствии своего отца. Значит, замок был самым ценным из всего, чем владел сеньор.

3. КТО ТАКИЕ «МИЛИТЫ»?

Крепость была приметой власти и фортуны, ко-агулировав частные владения вокруг реальной власти. Обладатель замка — был ли он представителем кого-то другого или же выступал от собственного имени — сосредотачивал в своих руках властные полномочия и захватывал новые, так как власть принадлежит тому, кто способен взять ее. Обладание замком позволяло роду возвыситься среди других властителей. Поэтому Гуго, приближенный первого Капетинга, владел его замком в конце X века в Аббевиле, а его наследник получил титул графа Понтьё. В Бургундии семья, владеющая замком Божё, тоже была весьма удачливой. Сила и принуждение создавали в первую очередь военачальников, чьими услугами пользовались графы. Воины и сами подыскивали себе покровителей. В исторических документах, в хрониках все чаще встречается термин «воины» («*militēs*»). Само по себе слово не ново. «Воинство» («*militia*») принадлежит церковному лексикону, теологии с давних пор. «Воинство Христо-во» часто встречается у Святых Отцов. В X веке «милиты» употреблялись сперва в собирательном, обобщенном смысле. Они окружают в церкви графа Жеро из Орийака. Биограф Жеро, Эд из Ключи, использует этот термин не в воинском смысле. Здесь речь идет о ближайших сторонниках графа, лично преданных ему. Милиты — это люди на службе, но сама служба все больше понимается как военная. У Ришера Реймского милиты (это слово он употребляет только во множественном числе) означают «вооруженные люди». Чаще всего он описывает их как защитников крепостей. Милиты, преданные воины, около 1000 года окружают виконта Гийома из Марселя и побуждают его захватить богатства Сен-Виктор.

Употребление слова в единственном числе — более позднее и для рассматриваемой нами эпохи еще редкое. Истолковать его непросто. Человек, который, по грамотам последней трети века, носил титул «воина»,

занимал определенное положение в обществе. У него были материальные средства для несения службы, он оказывал честь той влиятельной персоне, у которой в подчинении он служил. Откровенно говоря, мы располагаем весьма скудными фактами на этот счет. Подобный воин Ансу, который около 970 года просит у епископа Жерара Отёнского отдать ему церковь Сент-Мари в Витри, чтобы передать ее затем по наследству своему внуку и правнуку, неся «синодальную» службу, то есть при условии, что церковь будет совершать регулярные службы, — похоже, умел требовать от церковного учреждения удовлетворения своих запросов.

Вокруг такого знатного князя, как граф Эд I из Блуа, также были милиты: это явствует из картулярия аббатства Сен-Пер в Шартре. Вот около 986 года Ардуин, о котором уже известно, что он был виконтом Шартра и описывался в одной грамоте как «человек благородный» и «преданный» графу, награжденный от него «бенефицием». Он подписывает эту грамоту непосредственно вслед за графом следующим образом, весьма простым: «Воин Ардуин». Вероятно, этого было достаточно, чтобы указать на высокое положение такого знатного аристократа, как этот Ардуин, имеющий собственных приближенных. Титул «воина», таким образом, бывал пожалован в дар, ибо он означал почти кровную связь с князем — более тесную, чем какие-либо иные отношения с приближенными. Воину граф достаточно доверял, чтобы делегировать ему часть своих полномочий, в частности, в военной области. Так было около 990 года, с неким Ротроком, «вступившим в ополчение и присягнувшим графу Эду». Обозначение остается все еще неустойчивым. Грамота 984 года подписана неким Тедуином; и ни он, ни его еще живой отец никак более не обозначены. Через десять лет он подписывается как «воин», и непосредственно после Эда. Несомненно, став преемником своего отца, приближенного графа, он за свои заслуги получил право именоваться «воином».

Таким образом, до 1000 года воины, как следует из документов, были устойчивой социальной группой, занимающей высокое положение в обществе и идущей сразу вслед за графами, то есть за влиятельными должностными лицами, выступавшими некогда от имени короля. Ибо и среди князей уже не срабатывали старые регуляторы закона и справедливости, а их приближенные все больше вынуждены были сражаться, утверждаясь путем применения силы. Такие милиты, которым князья доверяли свои крепости, отряды всадников, посылаемые с какой-нибудь миссией — юридической, дипломатической, — сами являлись влиятельными правителями, часто знатного происхождения.

Однако ясно, что до 1000 года существовали воины, вооруженные люди, используемые в военных действиях и при охране замков. В документах им никогда индивидуально не давался титул воина: на самом деле они стали так называться только лишь в поздних текстах уже XI века. Ришер Реймский, к примеру, не называет титула своего отца. Однако в окружении королевы Герберги он явно выступал как искусный военачальник. Именно ему в 958 году было поручено взять Монс, и он посылает туда «людей, обученных им самим военному искусству». Явный воин, но без титула — Готье Обья, солдат-пахарь из Оверни, написавший около 980 года свое завещание. Он передавал аббатству Сосийанж лучшее из своего состояния — поле, виноградник, вино, и главное — свою лошадь; брату Жерару он оставлял свою кольчугу, оцененную в значительную сумму в пятнадцать су — сто восемьдесят серебряных монет, которые в течение десяти лет Жерар раздал соседским священникам. Этот воин наверняка происходил из сельских тружеников и преуспел в своем деле, так как имел лошадь и оружие. Воины происходили также из обнищавшей семьи или же были отпрысками младшей ветви рода, которая стала лишней в процессе прямого наследования. Так получилось с воином Эраном, описанным около 1030 года монахом из Музона в его повествовании о собы-

тиях предшествующих пятидесяти лет. Этот Эран «унаследовал от своих предков щедрость и благородство», однако сам он принадлежал «к захудалой ветви» своего рода. Поэтому он поступил на службу к более могущественному, чем он сам. Воином именовался также и Бюршар, который, если верить хронике Санского аббатства Сен-Пьер-ле-Виф более позднего времени, владел около 950 года крохотной крепостью Брей.

Короче говоря, термин «милиты», «воины», малоупотребительный в X веке, означал тогда вассалов первого уровня. Следом за ними смутно различаются люди, еще более многочисленные, тоже способные воевать, имеющие лошадь, меч, панцирь и достаточные ресурсы — либо земельный падел, либо вознаграждение от своего сеньора, либо то и другое вместе.

Все эти фигуры были, разумеется, мирянами, и, как правило, свободными от повинностей, которые вельможи в своих интересах все больше и больше перекладывали на плечи тех, кто трудился и производил. Отсюда родилась идея, оправданная для целого ряда регионов, что эти воины, столь различные, образовывали отдельную социальную группу — служилую аристократию. Но будем очень осторожны в своих выводах по поводу X века. В Каталонии, например, все свободные люди, то есть почти все мужское население, имели право, и даже обязанность, носить оружие. Война традиционно оставалась делом каждого. И та страсть, с которой здешние аристократы относились к своим лошадям и обмундированию, несколько не означала, что они были столь кровожадны: войны в Каталонии того времени были очень редкими.

4. МЕСТНАЯ АРИСТОКРАТИЯ

Бездействие во многих краях королевской власти, перераспределение и дробление функций управления более четко выявили присутствие местной аристократии, которая находилась в тени в эпоху Каролингов.

Лучше всего заметно ее благородное происхождение на юге Луары. Прежде всего, местные монографии об этой части королевства, очень солидные, свежие и многочисленные, содержат ценные сведения на этот счет и скрупулезно исследуют малейший текст, извлекая из него максимум информации. Затем, и главным образом потому, что здесь франкская аристократия была представлена меньше, чем на севере. Несколько графских династий, назначенных королем, пустивших здесь корни благодаря своим личным качествам, — это Гильгельмиды, Раймундины, Бозониды, Рамнульфиды и некоторые другие. Вплоть до начала X века они, судя по документам, владели всем. Иногда позади них, чаще рядом с ними, а иногда и против них можно уже различить фигуры, группы, давно обосновавшиеся в этих краях, которых вынуждены признать князья и которые владели большей частью земли, имели знатных предков, являясь представителями чисто южной цивилизации и культуры.

Когда распадается королевская власть, когда наступает брожение среди самих князей, тогда на сцену выступают местные представители, большие и малые. Откуда появился, к примеру, этот Эбб, занявший видное место в Берри? У него не было никакого особого титула, когда он основал у себя в Деоле в 917 году монастырь, порученный аббату Бернону из Ключи. Его отец и дед сами как будто имели владения в этих краях. Сеньоры из Деоля были также известны в долине Эндр, — и более давно, чем династия Гийома Благочестивого на юге Луары, вассалом которой был Эбб. В склепе церкви Деоля будут вскоре помещены мощи святителей Берри — Леокадия и Люции, к которым принадлежала будто бы могущественная семья из Деоля, владеющая на протяжении двух поколений архиепископством Бурж. Эмар де Бурбон тогда не был ни графом, ни виконтом, ни поверенным, ничем, что относилось бы его к франкской системе управления. Он был просто сыном Эмара. Его называют, по крайней мере однажды, «сиятельнейшим воином», что ставит

его почти рядом с герцогом Аквитанским, его господином. Он чувствует себя как дома в Алье, а из собственных владений он в 915 году жертвует Ключни область Сувины. Граф Жеро из Орияка сам был королевским чиновником, который, несмотря на просьбы Гийома Благочестивого присягнуть ему на верность, остался лично преданным королю франков. Жеро был не менее знатным овернцем благородного происхождения. Его род вел свое начало от святого Ириея, чьи добродетели были известны в этих местах триста пятьдесят лет тому назад. Тем самым он был связан с галло-римской аристократией времен Григория Турского. Иначе говоря, с античностью периода ее расцвета, когда Овернь в изобилии рождала Галлии императоров и святых. Имея столь блестящее происхождение, Жеро обладал и особыми привилегиями, и значительной земельной собственностью. Аббат Эд из Ключни, написавший биографию Жеро около 925 года, то есть почти через пятнадцать лет после смерти своего героя, в молодости также близкий к Гийому Благочестивому, — отмечает, что граф мог отправиться из Руэрга в Канталь, на расстоянии около двухсот километров, каждый вечер останавливаясь в своих владениях, что предполагает наличие хотя бы десяти таковых в одном только этом направлении. И еще многих — в других местах. Подобные владения не были нажиты благодаря одной графской должности. Жеро, знатный овернец, имел свободные земельные наделы, как имели или присвоили их и другие местные аристократы: Дальмас, виконты-аббаты из Бриуда после 930 года; виконты Клермона, откуда был родом выдающийся епископ Этьен II; или эти сеньоры, владеющие землями в Оверни, — семья Меркёр, от которых произошел аббат Одилон из Ключни, семьи Полиньяк, Гюйо. В Оверни X века, отмечает К. Лорансон-Роза, всегда жила римская античность, едва прикрытая тонким франкским покровом: город, право, язык, может быть, костюм, земельные владения, происхождение собственности, народная память, церковная организация, верования —

все носило отпечаток древнего Рима. Здесь лучше всего сохранилось общество V века, в сравнении с Фландрией или Нормандией.

Сходная ситуация наблюдается и в Провансе. Там тоже различимы местные знатные семейства. В IX веке они иногда вступали в союз с франкскими чиновниками или присваивали себе титулы графов и виконтов, быстро становящиеся наследственными. Здесь влияние Рима было еще сильнее, накладывая характерный отпечаток на городской пейзаж, произведения искусства, дороги, имена и названия. Крупный помещик Прованса, чьи владения, в основном в графстве Анж, были расположены вдоль древнеримских дорог, — Фушер в 909 году по римскому, то есть вестготскому закону женится на Раймонде, дочери виконта Майёля Нарбоннского, сестре епископа Гонтара из Фрежюса, племяннице Обри, старшего брата Майёля, женатого на дочери графа Раку из Макона, чьим наследником он стал. По брачному контракту, который в этих местах был письменным, Фушер давал Раймонде более ста мансов — несомненно, половину своих владений. В центре этих земель — вилла Валенсоль, где издавна жила семья Фушера. Здесь же на следующий год родился мальчик, названный Майёлем, в честь маминого дедушки. Клану Обри-Майёль противостоял род Сабран, имевший обширные владения в районе Узе, из которого во второй половине IX века вышли виконты в Безье, епископы в Узе и аббаты в Сен-Жиль. И они тоже были провансальского происхождения. При поддержке Бозонидов, ставших королями Прованса, они вынуждали Обри покинуть Нарбонн. Будущий Майёль из Ключи спасался от них со своими родственниками при дворе графов Макона, около 918 года. Дома остался Эйрик, брат Майёля, ставший затем родоначальником знатных семейств. И не столько сарацины — что бы ни писалось об этом в агиографии, — сколько различные кланы, борясь друг с другом, нанесли больше всего ущерба Провансу. Эти местные властители, обладая земельными угодьями и городскими

крепостями — последние чаще всего охранялись от имени графа Прованса Гийома Арлезианского, — располагая военными отрядами, оставшимися не у дел после окончательного изгнания мусульман в 972 году, надежно контролировали не только назначения на светские посты в обществе, но и дела в Церкви. Семья виконта из Марселя с 965 года и на протяжении более века правила отвоеванным ею епископством. То же самое происходило и в Септимании. Одно епископство вошло даже составной частью в личное наследство виконта Гийома, о котором уже говорилось выше. В своем завещании он отдает жене Арсинде город Агд с епископством, а дочери Гарсинде — Безье с его епископством.

На юге, таким образом, присвоение светскими лицами церковных богатств, государственных привилегий и земель было ранним и энергичным. Местные аристократы, действительные или мнимые потомки галло-римской знати, крупные земельные собственники использовали происходящие процессы с выгодой для себя. Некоторые высокопоставленные каролингские чиновники, когда-то назначенные сюда королем, смешались с местной знатью, как, например, графы Ангулема.

5. ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ

В целом во второй половине X века в Провансе, Оверни, Шаранте, Маконне появилось два десятка знатных семей, сосредоточивших в своих руках землю и власть. Каково бы ни было происхождение этих земель, ими владели как свободными земельными наделами. Имелось значительное количество церквей. И огромные владения редко имели одного лишь хозяина. Наследства через преемников, пожертвователей, захватчиков чаще всего распылялись, иногда делились. Надел представлял собой землю, находящуюся в частном владении, без принудительного труда и ограниче-

ний. Согласно историческим исследованиям, частная собственность, большая и малая, распространяется на Западе до конца века. В частности, это справедливо для юга королевства. Там, на этих огромных богатых просторах, — никаких следов, или совсем мало, системы доменов, феодальности, даже вассальных отношений. На верность здесь присягали — если вообще присягали — представителю общественной власти: графу Макона и владельцам замков, графам Каталонии, графу Прованса или его виконтам. Большинство же наверняка вообще никому не присягало. Там жили свободные люди. Когда крестьяне обрабатывали землю местного сеньора, то они приобретали, иногда на долгое время, ценз оседлости. Земельная рента постепенно уменьшается. Тем более что, как в Провансе, число мелких земельных собственников в X веке возрастало, а крупные собственники не могли найти достаточно рабочей силы (так как крепостная зависимость почти исчезла, тогда как вплоть до 930 года она была еще довольно распространенной в этом регионе, больше — в Маконне, согласно Ги Буа) и потому предпочитали оставлять земли невозделанными.

Если в Оверни сеньоры со своими вооруженными отрядами иногда и посягали на церковную и крестьянскую собственность, то потому, что к духу грабежа примешивалось еще и беспокойное стремление как-то утвердиться в неблагоприятных экономических условиях. В Оверни тоже большие территории оставались невспаханными. А. Дебор пишет об иной ситуации в Шаранте. Здесь он выделяет «многочисленный класс мелких и средних собственников». Что же касается крепостных, то здесь они практически исчезли. Так, от Бургундии до Гаскони, от Пуату до Прованса, мелкая и крупная собственность, находящаяся в свободном владении как мужчин так и женщин — обычно двух владельцев сразу, — лежала в основе крестьянского уклада. Церковные картулярии, описывая щедрое пожертвования на протяжении века, в огромной степени свидетельствуют об этом.

Возникают сомнения, переживала ли северная Франция аналогичное развитие, отказываясь от образцов столетидесятилетней давности. Здесь все больше встречаются бенефиции, концессии, резервные земли и лены, вассальная зависимость. Столь прекрасные картины, по крайней мере во вкусе X века и более позднего времени, были всего лишь исключением. Р. Фоссье на примере Пикардии констатирует, что свободные и независимые собственники были главной опорой крестьянского общества, даже если среди них, при различных экономических условиях, и росло социальное расслоение. В противном случае остается непонятным, откуда взялись столь огромные пожертвования на Церковь, — судя по документам, и в реальности тоже, — если дарители не являлись бы собственниками, способными отдавать часть своих благ.

Наличие почти повсюду массы свободных крестьян, помимо всего прочего обрабатывающих землю других за легкий оброк, объясняет, почему обладатели должностных полномочий, присвоившие себе функции управления и юридическую власть, были озабочены тем, чтобы усилить контроль над людьми, а не над земельными владениями. Такой подход приносил свои плоды: взимать штрафы, лишать прав или, как их называли, «обычаев» тех, кто работает в подвластном магнату и его клану секторе, — вот что выгодно, ибо им подчиняются все: свободные и зависимые, собственники и ленники. Это желание, потребность покорить своему верховенству людей, выжать из них все возможное — придают истории X века черты жестокости и насилия. Не рассуждая, наиболее сильные, владеющие оружием, знаками различия и рычагами управления, стремятся поднять под себя других, принуждают — не всегда и не везде успешно — к оплате из собственного кармана.

Около 1000 года подобные процессы были еще ограниченными, раздробленными, неравномерными. И все же они были достаточно ощутимыми, чтобы войти в сознание общества, в его мировосприятие. Те,

кто заботился о мире и порядке, владали в беспокойство. Милитаризация общества, секуляризация всех сторон жизни были связаны с экономическим развитием, медленным и скачкообразным.

Из редких и фрагментарных документов можно вынести общее впечатление: сельскохозяйственная продукция улучшалась. Орудия труда тоже прогрессировали. В текстах все чаще встречаются упоминания о мельницах. Иногда говорится об освоении новых земель. На деле одни церковные картулярии служат источником сведений об этих фактах. Большую же часть участников составляли, разумеется, миряне. В экономику вкладывается все больше средств. С 930-х годов вокруг Шартра монахи и капоники заключают с крестьянами долгосрочные контракты о помощи в обработке земель и об аренде. В Пуату около 955 года жили некий Ландри и его жена Летграда, которые предоставили Желону и Готберге три эвра земли для разведения виноградников. Такая аренда — одна сторона дает землю, другая — рабочие руки — истекает через пять лет. И каждый использует свою часть урожая, как ему заблагорассудится. Три эвра — это немного, около двадцати акров. Достаточно было заключить договор, и в архивах монастыря Сен-Сипрьен в Пуатье сохранились подобные документы. Собственники поднимают цену на свои имения. Виноградники, мельницы, места рыбной ловли становятся наиболее распространенными объектами аренды. На морском побережье к этому добавлялись солеварни. Около 970 года, к примеру, аббат Константин из Сен-Мэксана дает Укберту и его жене Констанции необработанную землю в Онисе, чтобы устроить на ней пятьдесят соляных разработок; до конца своей жизни арендаторы смогут пользоваться 3/5 части продукции. Действительно, производство и продажа соли занимали большое место в торговом обмене и потреблении. Это был неистощимый источник доходов. В Марселе — монахи Сен-Виктор, в Арле — граф Прованса, в Нарбонне — архиепископ контролировали производство соли и взимали налоги.

Начало оживления в экономике, по моему мнению, оставалось еще очень ограниченным. Два-три процитированных выше примера могут подтвердиться еще несколькими десятками, но не более.

Росло ли население в конце первого тысячелетия? Историки спорят по этому вопросу. Как составить себе хоть малейшее представление об этом? Если по поводу Маконнэ Жорж Дюби пишет, что в наиболее зажиточных семьях нередко были семь-восемь детей, то А. Дебор не обнаруживает в ленах Шаранты никакой демографической перенасыщенности. Вместе с тем там, где развивается сельское хозяйство, действительно растет и население, которое производит и потребляет: причина и следствие здесь уже неразличимы. Во всяком случае, достоверно, что изменилась плотность населения и образ жизни крестьян. В X веке на Западе не появляются ли деревни в их современном понимании — топографическом, культурном и социальном? Похоже, что да, даже если люди издавна объединялись, пусть в малых количествах, чтобы жить лучше. В свою очередь, археологические данные говорят о преемственности в расселении на разных землях. Как и прежде, селились вокруг монастырей, крепостей. Замки, возведенные Тибо Турским — Шинон, Сомюр, — вызывали к жизни и поселения — Лош, Ньор, Рюффек, Жарнак... Деревня — нечто иное, чем стихийный хутор, и она создается на определенной устойчивой основе — вокруг замка, церкви. В X веке, похоже, окончательно сложилась система сельских приходов. Один из лучших тому примеров — епархия Отён. Наконец, деревня играла определенную социальную и экономическую роль. Деревня — это не просто стоящие рядом дома. Это всевозможная хозяйственная деятельность, способность на месте создать все необходимое для жизни. Важное значение имело и наличие собственного деревенского кладбища. Правители стремились приучить людей к более оседлому образу жизни, и первый экономический подъем вызывал желание прочнее обосноваться на своей земле. Большие латифундии и эк-

стенсивный путь развития приходили в упадок — параллельно с государственной властью. В документах меняется смысл старого слова «вилла». От домена, от центра эксплуатации со всеми ее зависимостями переходят — особенно на севере Луары — к чисто деревенскому образу жизни. Тексты XI века фиксируют эту эволюцию.

О таких деревнях археология едва ли может что-то сообщить нам, кроме тех случаев, когда речь идет о местах постоянного расселения еще со времен античности — в Провансе и Лангедоке, а также Нормандии — например, в Мондевиле, близ Кана. И все же раскопки открыли нам деревню X века под названием Большой Приход, в Сен-э-Марн, — со своей церковью, кладбищем, следами улиц. Здесь занимались текстильным и металлургическим производством: найдены металлические орудия труда, в том числе из железа.

Концентрация, укрепление, объединение, интенсификация — все больше и лучше. Возможно, так оно и было. Не везде и не одновременно. Орудия труда остаются посредственными, земли — скудными, социальные отношения, общественная жизнь, структуры управления и контроля — вялыми. Деньги не имели в экономике той эпохи достаточного веса. За редким исключением, никаких следов денежного обращения. Нет и речи о развитии торговли, за исключением нескольких портовых городов во Фландрии, Пикардии, в Средиземноморье. Евреи заняты больше земельной собственностью, нежели денежным и товарным оборотом. В Арле, например, где, между прочим, велась торговля, монетная мастерская в конце IX века была закрыта. В городах тоже не занимались развитием коммерции. Торговый склад, обнаруженный в 985 году в Вердене, вызвал множество комментариев. Но упоминания подобного рода — исключительная редкость.

2

ОЧИЩЕНИЕ ЦЕРКВЕЙ

Н емного лучше — в течение столетия таково было стремление и лучших представителей церковного мира. Можно ли говорить о реформировании Западной Церкви? С тех пор как она существует, она не перестает меняться, очищаться, развиваться. Реформа всегда стояла на повестке дня. Под реформой следует понимать не прогресс или желание перемен, а возврат к прошлому, к святым истокам, к первоначальной истине. По крайней мере, так утверждают. В действительности, церковники искали ответа, адекватного вызову светского общества, особенно аристократии, владеющей и управляющей этим обществом. В X веке духовенство ясно определяло зло: насилие над творением, смущение, сомнение, противоестественное смещение — короче, обмирщение духа, его загрязнение. Люди все хуже и хуже служат Богу, Христу, святым. Боги отступаются от погрязшего в грехах человечества, которое катится к своей гибели. Как под натиском секуляризации сохранить заповеди Евангелия? Можно ли будет окончательно преодолеть дух наживы — наслаждений, хищничества — словом, лукавого?

Возврат к порядку требовал незамедлительного принятия решений. Каждый на своем месте — так хочет Бог, справедливость, мир. Различать, разделять — таков путь к спасению, частный и общий.

1. РЕФОРМИРОВАНИЕ МОНАСТЫРЕЙ

«Вся религия — в отречении от мира», — пишет Эд из Клуни. Мир, разумеется, плотский, изменчивый, греховный. Тех, кто выбирает иное, единственно ценное, следует скорее спрятать в укрытии, защищать от грязи, чтобы они могли смиренно, но величественно возносить к Небу молитвы, пение, приношения, благовоения, чтобы Бог излил на них и на всех остальных свою милость и благодеяния. Те, кто профессионально служил Церкви, испытывал призвание к нищете духа, к чистоте, — это лучшие из людей Божиих — монахи. Но на монастырях, их доходах и богатствах, на их полномочиях остановили свой выбор светские князья. В X веке большинство монастырей находились в руках вельмож, которые распоряжались в них как в своей вотчине. Выше я уже говорил о том, как пострадала Церковь (ее единство, качество и тождественность), в которой заправляли люди вроде Гуго Жарнака, епископа Ангулема, который, желая присвоить себе графство, раздаривал епископские земли. Расхищение церковных богатств, присвоение полномочий не прекращались на протяжении всего века и затем в будущем. На юге Луары эти явления были еще более глубокими и болезненными, чем на севере, где королевская власть гораздо дольше сохраняла свою эффективность.

Становясь собственностью князя, монастыри превращались в часть их владений, придавая им престиж. Контролировать Церковь можно не иначе как служа ей. Со своей стороны, лучшие из монахов, еще не забывшие уроков Алкуина и Бенедикта Анианского, тоже проявляли свою заинтересованность в судьбах Церкви. Епископы, являвшиеся также и аббатами, управляющими, как обычно, аббатствами своей епархии, будучи составной частью аристократического общества, также проявляли обеспокоенность хаосом и беспорядком.

Все это надо иметь в виду, чтобы попытаться понять сложные процессы, происходившие в обществе и

Церкви. Те же самые люди, которые захватывали и эксплуатировали монастыри, были и инициаторами реформ; часть монахов требовала очищения, а другая часть возмущалась этим требованием; одни епископы призывали к порядку, другие же слушали их с недоверием.

В этом сложном и противоречивом процессе фигура короля практически отсутствовала. В IX веке церковные дела касались его в первую очередь, и он активно участвовал в них. В X веке Каролинг в лучшем случае только подтверждает и дает согласие, если его еще спросят об этом. Отныне вельможи правят самостоятельно, имитируя королевскую модель власти ради узаконивания и возвышения собственных династий. Здесь все перемешано — духовное, политическое, материальное. Князья ведь тоже заботились о спасении своей души. Обладая функциями королевской власти, они должны были, подобно королям, выделяться своим образом жизни и манерами поведения. В этом был самый большой недостаток. И они также испытывали потребность — ибо в них жило благочестие — исполнить свой долг, особенно на закате жизни. Духовные лица из их окружения поощряли их, подталкивали к этому. И князь за себя и своих близких отчисляет из своих богатств на молитву: обратить земные сокровища в небесные, умолить Бога о милости — такова растущая забота знати. Кто, как не хорошие монахи, знает, как достичь этого! И тогда берутся за основание монастыря или же восстанавливают старый. Так, граф Жирар Вьеннский основал Везелей, а граф Жеро — Орийак, пожертвовав им земельные наделы впридачу. Так поступил в 909 году и старый граф Гийом, герцог Аквитании, в Ключи. Преамбула дарственной грамоты восторженно описывает церемонию: «Я, Гийом, по воле Божией граф и герцог, по зрелом размышлении и из желания позаботиться о своем спасении по мере сил и возможностей, счел за лучшее и необходимое посвятить Церкви на пользу моей души скромную часть моего состояния». И не только на благо своей души,

как он уточняет дальше, но и ради спасения своей жены, родителей, братьев, сестер, племянников, «верно нам служащих». Такой личный жест ставит на карту судьбу всего семейства, соединяя вместе и живых, и мертвых.

Огромный успех Ключи, начиная со второй половины X века и особенно в XI веке, лишь в незначительной степени обязан первоначальным пожертвованиям. Отдать папству большие владения Церкви не считалось в эти годы нужным и полезным; избавить же Церковь от всякого вмешательства извне — таковыми были устремления духовенства. И важное значение придавалось различным дарам: в виде области — с земель, строениями, угодьями, даже церковью. Геополитическое положение Ключи было очень важно: аббатство находилось на границе королевств Фрапккии и Бургундии. Аббат Бернон уже проявил здесь свои реформаторские способности — причем в районе, где не было никакой принудительной политической власти, так как Маконне избежало правления преемника Гийома Благочестивого и герцогов из Бозонидов, а затем Робертинов Бургундских. Находясь в приграничной области, на окраине, аббатство лучше других смогло сохранить свою свободу — свободу избрания аббата, записанную, как полагается, в грамоте 909 года, — и независимость монастырских владений. К этому можно добавить и исключительные личные качества аббатов X века — достойных, образованных, энергичных, аристократического происхождения. Короче говоря, во всех реформаторских начинаниях X века, Ключи сумел сохранить свое положение на границе между видимым и невидимым, между веком и вечностью, живыми и мертвыми, между самоотречением и возвеличиванием, выполняя, таким образом, пожелания герцога Гийома: «Я верю и надеюсь, что даже если я не могу совсем отречься от мира, то встречая отреченных от него людей, в праведность которых я верю, — я получу награду от этих праведников». Как свидетельствует «Биография Жеро Ориакского», на-

писанная Эдом из Ключни, другом и протее Гийома Аквитанского, Фулка Анжерского, князя Роберта Нейстрийского, и сам он был знатного туреньского происхождения, — Ключни предлагал светской аристократии перспективы расцвета, не противоречащие ее собственной идентичности и образу жизни. Чтобы возродить мир, монахи Ключни брали его таким, каков он есть, обращаясь к нему на соответствующем языке. Их реформаторство прекрасно уживалось с новым политическим и социальным порядком. Старая добрая эпоха каролингской системы ему бы не подошла. В итоге Ключни и проводимая им реформа активно способствовали все новым и новым жертвованиям на Церковь.

Другие успехи реформы монастырей, меньшего значения, в основном не отличались друг от друга. Активнее всего включилась в движение реформ Лотарингия. Жерар из Бронь, аристократ Намюра, основывает в своих владениях в 919 году монастырь. Будучи одно время монахом в Сен-Дени, он в 940-950 годах реформирует аббатство графа Арнуля Фламандского. Заменить каноников монахами, запретить графам занимать должности аббатов, доверяемые с тех пор только духовным лицам, восстановить церковные владения, чтобы монахи могли достойно исполнять свой святой долг — вот что означала реформа. Граф Фламандский просто ограничивал то, что в процессе очищения шло вразрез с его личными интересами. Он запускал руку в церковные средства, когда ему это было нужно, утверждал избрание только того аббата, который подходил ему самому. По-прежнему оставалась актуальной и защита монастырей, которую раньше граф делил с королем. Восстановленное аббатство предназначалось для того, чтобы распространять вокруг себя идеи и дух порядка, укрепляющий власть князя. В годы, следующие непосредственно за реформой Сен-Бертен Жераром Броньским — около 955 года, — монахом Витгером было написано восхваление добродетели графа, достойного правителя; его со-

чинение сопровождалось генеалогическим описанием, в котором Арнуль напрямую связывался с каролингскими королями, истинным преемником которых он и служил в этих краях.

Старинное аббатство в Горце было восстановлено в 930-е годы по инициативе епископов Меца. Жан Вандьер стал его аббатом в 959 году. Он еще больше очистил благочестивое учреждение, которое излучало одновременно аскетизм и культуру. Семья Арденн не пожалела на него сил. Отсюда вышли выдающиеся лотарингские прелаты, которые позднее станут знаменитыми: Адальберон Реймский, Адальберон Ланский, Ротар из Камбре... Дело возрождения, проводимое Адальбероном Реймским, носило отпечаток духа Горца. После Ришера Реймского монах из Музона показывает архиепископа в действии, охваченного праведным гневом на «вельмож, тиранов королевства», которые «узурпировали, расхитили» церковные богатства. Летописец продолжает: «С тем же рвением он по приказу светских властей очистил монастырь Сен-Тьерри от священников, которые вели в нем далеко не религиозную жизнь». Так же поступил в 961 году и епископ Рорикон в ланском аббатстве Сен-Винсен, а в 977 году — Сегин Санский в Сен-Пьер-ле-Виф, за что его избили его предшественники.

2. ПРИСУТСТВИЕ КНЯЗЕЙ

Сотрудничество князей, епископов и аббатов создавало своего рода реформаторскую цепь. В 931 году Эд из Ключни, по просьбе графа Лизьяра Орлеанского, вводит у монахов Флёри-сюр-Луар, в королевском аббатстве, здоровый устав бенедиктинцев. Это произошло не без унижений и сопротивления. Но Эд прививает также в этом аббатстве традиции Ключни, характеризующиеся, в частности, особой пышностью богослужения. В следующем десятилетии монахи из Флёри уже сами отираваются обновлять Сен-Реми в Реймсе,

оставив там аббатом Гинкмара. Аббат Вульфад из Флёрри сам реформирует Сен-Флоран в Сомюре — по просьбе графа Тибо Турского, затем Сен-Пер в Шартре совместно с епископом Рэнфруа.

Около 936 года епископ Фротье из Пуатье возрождает монастырь Сен-Сипрьен при поддержке графа Гийома Патлатого, подарив ему девять областей. Гийон Длинная Шпага из Руана, видя блестящие результаты, призывает монаха Мартина из Сен-Сипрьен реставрировать аббатство Жюмьеж. Позднее его приемник Ричард будет вместе с Мэнпаром, учеником Жерара Броньского, восстанавливать Сеп-Вандрий и Мон-Сен-Мишель.

Следует ли продолжать перечисление? Длинны список церквей, построенных или восстановленных по инициативе правителей: Сент-Эними, реформированная по просьбе епископа Этгена из Манда в 951 году аббатом Дальмасом из Сен-Шаффа, учившимся в Сен-Жеро в Орийаке, и тоже из Ключи; Монмажур, основанный в 954 году, охраняемый графом Гийомом Арлезианским и его братом Рубо; Сен-Сезер в Арле, восстановленное теми же, в союзе с архиепископом в 972 году; Сент-Виктор в Марселе — епископом Онора совместно со своим кузеном виконтом; Сен-Мишель в Кюкса, восстановленное графом Сунифредом Серданским, освященное в 975 году в присутствии епископов Эльна, Жерона, Вика, Уржея, Тулузы, Кузерана и Каркассонна; монастырь Сен-Север, перестроенный и освященный в присутствии огромного количества народа в 988 году — после блестящей победы над норманнами возле Таллера, одержанной Гийомом Саншем Гасконским. Длинный список, но не бесконечный. Далеко не все монастыри западного королевства были восстановлены и очищены. Новые же основывались довольно редко. В X веке графы и епископы почти полностью контролировали этот процесс. Движение Ключи за освобождение, в частности, от епископата, активно развернулось только к концу века.

Остановимся в заключение на аббатстве Сент-Обен

в Анжере, хорошо изученном О. Гийо и являющимся показательным примером. Он дает понять, что такое реформа. Около 930 года граф Анжера был аббатом в Сент-Обен. Конечно, аббат светский, тем более что там были только каноники. Аббатство являлось частью графских владений. Фулк Рыжий располагал им по своему усмотрению. Сент-Обен относилось к наиболее значительным из его богатств. Влияние аббатства не могло не помочь графу освободиться от своего сеньора, герцога франков, который не спешил признать его графское достоинство. Граф оказался также лицом к лицу со своим соседом и соперником Тибо Турским, который сам покупался на Мармутье и Сен-Мартен. Уже около 950 года была сделана первая попытка заменить каноников монахами, более чистыми и целомудренными. Импульс развитию был дан. Сразу же после 960 года Жоффруа, сын и преемник Фулка, решает поставить своего брата Ги во главе Сент-Обен как аббата. Ибо Ги, монах, уже был аббатом в Феррьер и Кормери. Однако этот аббат, погрязший в мирских грехах, оказался недостойным своего сана. «Охваченный грехами века, — как признает он сам в грамоте 964 года, — я изменил своему сану многими преступлениями». На деле он растратил казенные средства. И его случай был не единственным. Но он перед своим дядей Ги, епископом Суассона и аббатом Гинкмаром из Сен-Реми в Реймсе вернул узурпированные средства, принадлежащие только Богу, его слугам и бедным. Впрочем, Ги не был типичен. Аббат Гинкмар заставил тогда графа Жоффруа пойти до конца. Он дал ему хороших монахов, пример которых в Сент-Обен привлек и внимание окружающих. 19 июня 966 года Жоффруа, граф Анжуйский Божией милостью, торжественно подписывает грамоту о реформе своего аббатства. «Совершенствование монашеского ордена» окончательно вытесняет менее чистое выражение — «конгрегация каноников». Борьба с силами зла будет вестись еще лучше. Видбо, достойный монах, свободный от всяческих искушений мира сего, был

назначен графом в качестве первого аббата. Монахам была возвращена привилегия избирать преемника аббата — конечно же, с одобрения графа. Аббатский манс был отдан Видбо, выделившись из графского наследства. Князь больше уже не мог использовать в своих интересах, наряду с собственными землями, и земли монастырские. Столь распространенная ранее система соединения должностей графа и аббата исчерпала себя, — как во Фландрии. Однако граф хотел сохранить связи с Церковью. Все происходившее в ней было с его ведома и согласия. Честь и авторитет его только росли от этого. В итоге решения аббата, отныне избираемого, все равно постоянно зависели от графа. В церкви Сент-Обен монахи, принятые сюда им самим, молятся о нем, славят его имя, отмечают его благодеяния. Там, под этими сводами, а также в скриптории создается образ доброго князя, соединяющего в себе благородную кровь и духовные добродетели. Годовщина его смерти становится памятным днем: служится панихида на месте его захоронения, он теперь среди монахов, близко к ним, смешался с ними. Ибо монашеский образец из Ключни предписывает князьям перед кончиной уйти святыми, искупить свои грехи особой милостыней, отречься, хотя бы перед смертью, от зла века сего, — и подобные заботы все больше занимают вельмож. С 943 года граф Лето из Макона принимает предварительные меры: «Где бы я ни умер, пусть придут за моим телом монахи и похоронят меня в монастыре Ключни». Только что его родственник Майёль ушел в Ключни. Через два года граф Ангулема Гийом Железный принимает монашеский постриг. В 987 году его сын Арно Манцер уходит в Сен-Сибар, перед своей кончиной. В 990 году старый герцог Аквитании Гийом Фьеребрас становится монахом в Сен-Мэксане, а в 996 году грозный Эд из Блуа, чувствуя приближение конца, уходит в Мармутье, где почти тотчас же и умирает. Два года назад Гийом Арлезинский, граф Прованса, не пожелал отдать Богу душу без благословения Майёля, которого еще недавно, в

972 году, он спас от сарацинского плена в Ла-Гард-Френе. Майёль, князь аббатов, аббат князей; в октябре 996 года король Гуго Капет пришел помолиться над его могилой в Сувиньи, совершив долгое паломничество. Возвращаясь назад, очищенный, король мирно скончался.

Именно Майёлю из Ключни герцог франков доверил реформу самых крупных аббатств: Сен-Жермен-де-Пре, Сен-Дени, Сен-Мор-де-Фоссе. Союз Робертинов с монашеским движением, очень тесный с самого начала, много значил в удачливой судьбе династии. С 898 года король Эд был погребен в Сен-Дени, возле Карла Лысого. Именно здесь будут хоронить всех потомков Эда и Роберта. Гуго Капет гораздо больше, чем последние Каролинги, проявлял внимание к Церкви и поддерживал ее возрождение и обновление. В частности, он особо почитал мощи святых, оказывая духовенству всяческую поддержку в этом со своей стороны: тело святого бретонца Маглория было помещено в парижской церкви Сен-Бартеlemi; Гуго вернул на свои средства мощи свв. Валерия и Рихария в соответствующие храмы. Гуго своевременно отказался от титулов светского аббата и призвал монашескую элиту для реформации своих монастырей, совершая благочестивые поступки и сохраняя покровительство над почитаемыми и влиятельными аббатствами Сен-Мартен в Туре, Сент-Дени, Сен-Эньян в Орлеане, Сен-Рикье, Корби. Поистине королевское поведение Гуго связало его с восходящими силами, способствовавшими также его избранию и упрочению новой королевской династии.

3. ДУХ И МАТЕРИЯ

Герцог франков несомненно был покровителем Церкви и, в частности, аббатства. Наиболее впечатляет в эволюции церковной жизни X века все увеличивающийся поток пожертвований в пользу реформированных монастырей. Хотя, возможно, мы находимся в заблуждении из-за недостатка документальных свиде-

тельств. Процветая материально и духовно, монастыри в X веке заботятся о хранении своих архивов. Это, очевидно, в связи с новыми монастырями, вроде Ключи, картулярий которого поражает своим богатством и точностью, — или вроде аббатства Сосийанж и других. Грамоты о более старинных аббатствах, прошедших реформирование — Сен-Мэксан, Сен-Пер в Шартре, Сен-Сипрьен в Пуатье, Сен-Бертен, Сен-Пьер в Больё, Сен-Виктор в Марселе, — были еще многочисленнее и насыщены различными сведениями, они содержали данные о более скромных фигурах, выступающих в роли дарителей, и об их владениях. Картулярий аббатства в Нуайе, зависящего от Сен-Илэр в Пуатье, примечателен в этом отношении: маленькое здание, скромные наделы, пожертвованные простыми людьми, — ничего особенно выдающегося в документах. Но здесь, может быть, и содержится самая главная примета: пожертвование, ставшее благочестивым примером для подражания, охватило все общество. Дух очищения взывал к смирению, искупающему все: в противоположность насилию и грабежу — отречение, дар. Стать нищим из пищих, но зато приобрести сокровище на небесах. Это сокровище, которое жертвуют Церкви, ее святым здесь, на земле, было предтечей небесных сокровищ, их чудесным обещанием. Передача личных богатств Церкви свидетельствовала, возможно, об улучшении условий существования, — ибо тот, кто не имеет, ничего и не отдаст. Она была примечательным экономическим феноменом эпохи средневековья, по крайней мере до конца XII века. В Маконнэ Жорж Дюби замечает, что ослабление в 950—1000 годах светских владений, затрагивающее главным образом мелкое дворянство, было следствием пожертвований на Церковь. Поиски спасения — тоже могучий двигатель экономического развития. Несомненно, именно поэтому область Ключи переживала такие глубокие перемены около 1000 года.

Увеличение пожертвований, которые, впрочем, далеко не компенсировали в X веке узурпаторских грабе-

жей вооруженных мирян, свидетельствовало о влиянии возрождаемых монастырей, об успехе пропаганды, происходящей из богослужений, процессий, торжественного перенесения мощей святых, повествований о чудесах, сопровождающих их, — из деятельного папства, которому предавались, в частности, именно священники из Ключни.

Монахи были не единственными в борьбе за веру и обновленную Церковь. Много достойных епископов, поддерживающих монашеские реформы в своих городах, также трудились над очищением и улучшением своих собственных церквей: они перестраивали жизнь каноников в более строгом плане, они пытались защитить или, еще лучше, восстановить епископские церкви, они поддерживали, даже иногда укрепляли, уровень образования в школах, которые, как правило, имелись в каждом епископском городе. Пример Адальберона Реймского, описанный Ришером, в этом смысле показателен. Нередки были и новые строения. В 948 году епископ Этьен II из Клермона освящает свой новый собор, от которого еще сохранилась крипта, — уже в наши дни. Диакон Арно в проповеди через пятьдесят лет описывает это грандиозное сооружение в возвышенном тоне. В частности, в алтаре, за престолом, находилась золотая кафедра со статуей Пресвятой Девы, держащей на коленях Христа, и с ковчежцем, — по образцу той статуи, которая уже несколько десятилетий украшала собою хоры и составляла славу церкви Сент-Фуа в Конке, где еще недавно был аббатом Этьен. Через несколько лет Этьен I Мандский тоже освятит свою новую церковь. В 983 году Сегин Сапский поступит аналогичным образом. В Бове и сегодня частично сохранился собор Басс-Эвр, возведенный во второй половине X века при епископе Эрве. Он достигал, вероятно, семидесяти метров в высоту. Во всех этих соборах, как и в новых аббатствах Ключни или Турню, построенных в 980 году, или Жюмьеж — десятью годами позже, — важное значение приобретает купол, свидетельствующий о возрождении и укра-

шении Церкви. Крипты церквей, где хранились мощи святых, превращались в настоящие подземные святилища.

В тени освященных богатых соборов, при поддержке возрожденных монастырей, прерывисто пульсировала культурная деятельность. В этой области мы можем ограничиться лишь простым перечнем. Гукбальд из Сент-Аман, Реми Осерский продолжали великую традицию своих предшественников IX века. Помимо Эда из Ключи, оратора, агиографа и композитора, — еще два имени, чей авторитет затмевает остальные: Герберт из Орияка и Аббон из Флёри. Оба скромного происхождения, монахи Ключи, блестяще образованные, оба — советники королей и активные политики, поддерживающие, в частности, двух первых Капетингов. Но оба — также и соперники, даже противники: Герберт выступал за традиционный епископат и сам в 992—997 годах был архиепископом Реймса, которому он отдал лучшие двадцать пять лет своей деятельности. Аббон — поборник полного освобождения аббатств из-под власти епископов; он стремился вытеснить последних из королевского окружения. Наиболее известные очаги культуры, главные летописцы истории, создатели канонического права, агиографии, посланий, — по-прежнему находились в северной части королевства: Туре, Орлеане, Флёри, Шартре, Париже, и особенно в Реймсе и Лане, а также в Камбре и Меце — известных местах, славных своими учеными и богатейшими книжными собраниями. Отсюда вышли те, кто в начале XI века прославит собой науку и литературу: Фульбер из Шартра, Андре и Эльго из Флёри, Жерар из Камбре, Адальберон из Лана, чья «Поэма о короле Роберте», написанная около 1030 года, в последний раз озаряет, хотя и довольно тускло, каролингскую традицию. На окраинах королевства блистала Каталония, близкая к Италии, и особенно к арабо-вестготской Испании, которая сохранила и продолжила бесценные традиции античной культуры. Из Каталонии вышло много письменных источников, которые все еще в изобилии обращаются в обществе.

3

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ

В этом разобщенном, ожесточившемся обществе, где само понятие общественного блага казалось утраченным, где обособленность стала правилом, где сама Церковь, тоже разобщенная, пытается с переменным успехом возродиться и усмирить насилие, привить порядок в этом злосчастном сообществе людей, раздираемом распрями, — что же остается от королевства, от короля, — в момент, когда меняется наследник, когда княжеский род занимает место самой прославленной династии в мире — Каролингов?

1. ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ

Есть факты, которые мы пытаемся различить. Чаще плохо, чем хорошо. Есть интерпретация этих фактов современниками той эпохи, данная в формулах и клише, заимствованных из античности. Они описывают мир и общество, но скорее не такими, какими они были, а такими, какими они должны были бы быть. Между реальностью и идеологическими установками существует разрыв. Насколько он велик? Мы не знаем в точности. Но ничто не говорит и о том, что летописцы X—XI веков были более проникательными, видя

то, что они хотели видеть, и игнорируя, как обычно происходит у интеллектуалов, то, что не соответствует их представлениям. Я стремился описать эту реальность. Она разрозненная, противоречивая, контрастная, не поддающаяся обобщениям, синтезу, сопротивляющаяся умственным конструкциям, которые столь приятны мысленному взору. Около 1000 года — хотя эта временная грань и искусственна, все же сама дата не была безразлична тем, кто жил в то время, — подведем итоги. Растет и усиливается контраст между севером и югом. На юге все еще ощущается влияние античности: и в городах, и в римско-готском праве, и в письменности, и в традициях местной древней аристократии; в отсутствии сеньориальной системы, в активном подчинении светскими властями Церкви, в отсутствии короля. На севере же Луары, особенно между Сеной и Мёзом, за исключением Бретани и Нормандии, королевская власть имела более прочные позиции. Должности графа и епископа были столпами каролингской системы. Секуляризованная церковь сохраняла главенствующее влияние. Развивались личные связи между людьми, отношения, основанные на частных рекомендациях.

Но и там, и здесь более или менее крупные чиновники овладели полномочиями, которые до этого являлись прерогативой королевской власти, — и использовали их в своих личных интересах, на пользу собственному княжеству. Эту власть они начинают передавать по наследству. Так происходит укрепление династий по мужской линии. Чтобы сохранить и упрочить свои позиции, вельможи нуждаются в помощниках, верных людях, которые взяли бы часть полномочий на себя, сражались бы за этих вельмож, охраняли и содержали бы их городские башни, крепости, число которых в деревнях все увеличивается. Несмотря на реформы, по-прежнему сильным остается давление на церковные владения. Увеличивается и давление на крестьян, свободных или зависимых, которые мало чем отличались друг от друга в юридическом плане.

Повсюду разгул насилия. Развитие общества постепенно разрушает традиционную и всеобъемлющую систему управления эпохи Каролингов, — пусть даже ценой беспорядка и хаоса. И тем не менее эта эпоха оставалась живым идеализированным воспоминанием. Видоизмененное, подточенное изнутри социальными и политическими реалиями, франкское общество распадается, обнажая новые структуры. На исходе первого тысячелетия завершается эпоха античности, воспринятая и продленная франкской монархией.

2. ОТСТАВКА КОРОЛЯ

Материальное положение франкской королевской власти в течение двух веков и особенно со смертью Карла Лысого существенно ухудшилось. События 987 года едва ли ускорили эту эволюцию. Окончательный отказ от Лотарингии лишил королевство живительного очага цивилизации. Камбре, Верден, Мец, Ахен были хранилищем каролингской истории, но о ней не очень-то заботились, по крайней мере некоторое время, первые Капетинги. Еще больше увеличилось разделение между Франкией и Германией. На юге Луары окончательно утрачены позиции короля. Когда в 988 году граф Боррель из Каталонии призвал на помощь своего сеньора, короля Гуго, то последний и с места не двинулся. С исчезновением Каролингов каталонские церкви не получили более ни одной дарственной грамоты от короля. В Септимании, Гаскони, Оверни, в раздробленной Аквитании происходило то же самое. Там не видели и долго уже не увидят короля франков. Датировка грамот часто лишь с опозданием фиксирует смену власти. Даже самые могущественные из князей не присягают на верность Гуго и Роберту, если только этого не потребуют обстоятельства. Да и к чему им эта клятва? Ни к чему, тем более если их интересы идут с ней вразрез. Они уже давно научились жить без королевской власти.

Чем реально располагал король? Графствами и владениями Робертинов между Орлеаном и Парижем, а также Этамп и Ла Шатр, Санлис, Дрё, захваченный в 991 году Эдом из Блуа, Корбей, Мелён, Вандом, управляемый преданным Бушаром, Монтрёй, и еще разветвленная сеть аббатств, среди которых — Сен-Дени, Сен-Мартен в Туре и Флёри. Сюда же следует добавить унаследованный от Каролингов прямой контроль над несколькими малыми графствами на Уазе и Обе, дворцы в Компьене и Вербери, и главным образом важные епископства — Реймс, Санс, Лап, Орлеан, Париж, Бове, Лангр, Шалон, Нуайон, возможно Шартр. Это что-нибудь да значило. Король был на уровне местного князя среднего достатка. Это было меньше, чем у Эда из Блуа или Ричарда Нормандского, Арнуля Фламандского или Гийома из Пуатье, и примерно равное владениям Фулка из Анжера... Король над малым... В 991 году Эд из Блуа, если верить Ришеру, высказался без обиняков: «Неспособный властвовать, бесславно живет король». Имелась в виду слабость короля и его неспособность к действию. Что же касается миссии мира и справедливости, навязываемых силой оружия, то король вряд ли мог осуществлять ее в своих немногочисленных владениях. Мирные ассамблеи, которые проходили в Оверни, в Пуату в 990-е годы, сделали вывод: в отсутствие короля, за его полным бессилием, епископы, аббаты и лучшие из графов заменяют его, с тем чтобы обуздать насилие, защитить нуждающихся, то есть Церковь и безоружных мирян. Заменить собой короля из необходимости, дабы избежать хаоса и окончательного падения, когда Бог навсегда оставит свой народ.

3. ПРЕОБРАЖЕНИЕ КОРОЛЯ

Ослабление власти короля, уменьшение его способности к принятию решений, в пользу местных властей, частично объясняет легкость прихода к власти другой

династии. Король больше уже не вел свободных людей на войну — против кого? — не вынуждал к примирению своих аристократов, не покупал ее услуги щедрыми подарками — да и что он теперь мог? Фигура короля относится больше к высшим, трансцендентным смыслам. Сама его личность исчезает за тем образом, который парисовали наиболее возвышенные из летописцев. Чист, как монах, мудр, как епископ. Процедура коронации меняется: избрание, будучи всегда фиктивным, но все же менее фиктивное, когда новый король не являлся сыном предшествующего, упраздняется в пользу помазания. Путем помазания юный, сильный, красивый, безупречный мирянин, избранный вельможами, переходит на сторону мудрых и опытных епископов, среди которых он занимает теперь свое место и с которыми он советуется, по желанию старого Адальберона Ланского. Только один род, избранный Богом, мог обладать таким почти священным статусом: Каролинги. В 989 году Герберт спрашивает себя по поводу Карла Лотарингского: «По какому праву законный наследник лишен наследства?» В то же время, утверждает Ришер, Гуго Канет «не сознавал, что он действует преступно и незаконно, лишая Карла престола его предков, чтобы самому захватить власть». Династия Оттона также была способной к управлению королевством, и в 993 году Адальберон Ланский вступает с Эдом из Блуа в заговор, с тем чтобы предложить франкский престол Оттону III, тогда как сам Эд стал бы герцогом франков. Король, избираемый наравне с епископами и аббатами, — утверждает Аббон из Флёри. Но король и по крови, по праву наследования. К этому же стремился и Гуго, по примеру своих предшественников сделав как можно раньше своего сына Роберта королем.

Священная фигура короля становится мифом, символом, приукрашенным монахом Эльго из Флёри. Около 1030 года, описывая жизнь Роберта Благочестивого, он как можно ближе притягивает ее к идеалу святости, показывая короля, пытающегося искупить

свой грех — кровосмесительный союз с Бертой из Блуа — силой молитв и умерщвления плоти. Ибо только через общение с Богом король может вымолить у Него благодеяния для своего народа, — он, краеугольный камень на вершине земной иерархии, отражение Небесного Града, которому являются ангелы.

Так думали и выражались самые просвещенные люди того времени, — нам это зачастую трудно понять. На самом деле институт королевской власти всячески поддерживался и охранялся Церковью, которая пыталась избавить его от растущих мирских соблазнов и распрей. Первые Капетинги, и в особенности Роберт, сам учившийся у Герберта Реймского, соученик будущих епископов и аббатов, был готов к подобному преображению гораздо лучше, чем Каролинги, так как грандиозное восхождение последних долго основывалось на самодостаточном законном праве преемственности. Около 1030 года аквитанец Адемар Шабанский выразил, похоже, распространенное в то время чувство: «Считается, что причиной падения потомков Карла Великого была их неблагодарность милости Божией. Они пренебрегали Церковью и не строили новых храмов». Гуго же, напротив, был «другом св. Церкви и ревностным поборником справедливости». Еще в Реймсе около 990 года оправдывали изменение правящей династии тем, что св. Реми в своем завещании написал, будто правящий род будет низложен, если он будет угнетать Церковь. И Карл Лотарингский, еще больше чем его брат Лотарь, пренебрегал Церковью, даже если и не противоречил ей. Тем самым он показал себя недостойным королевской власти, как утверждает Адальберон Реймский в Санлисе в июне 987 года. Ибо королевская власть лишь для тех, «кто отличается не только благородством родового происхождения, но и своими духовными добродетелями». «Сила души превосходит силу тела», — скажет позднее Адальберон Реймский королю Роберту. И эта таинственная сила названа добродетелью у Ришера,

как и у Адальберона Ланского. Добродетельный король, Давид и Христос в одном лице, более Христос, чем Давид, посвященный в Божественный Промысел, смиренный и величественный, монах и епископ, необходимый для того, чтобы мир сохранил смысл, свою опору — христианский народ, общество и порядок.

4. ОБЩЕСТВО ПОРЯДКОВ

Летописцы давно пытались описать этот порядок, связывая его с движением ко спасению. Сохраняется старинное различие между духовенством и мирянами. Однако проявляются и свои нюансы в каждой из этих двух групп. Внутри Церкви в конце века обостряются отношения между монахами и светскими церковниками, и об этом свидетельствует яростный конфликт между аббатом из Флёри Аббоном и епископом Арнулем Орлеанским. Монахи требовали полной независимости от епископата, считая себя, вдохновленные Одилоном из К्लюни, советниками королевской власти, водителями христианского народа, а более приземленно — отказываясь уплачивать десятину. Снова обозначилась старая иерархия между чистыми девственниками и просто воздерживающимися, подверженными влияниям века. Разумеется, епископы, особенно на севере, повернули аргументы в обратную сторону, подозревая монахов в сговоре с новыми властями, инициаторами беспорядков. Сложно стало стричь всех мирян под одну гребенку. Милитаризация общества, вооруженное насилие, в частности по отношению к церквям, показывали, что люди неоднородны. В них самих все больше различаются две противоположные стороны, что описывалось, кстати, современниками, — в библейских образах или же древнеримских. Одним из первых на этом пути, насколько нам известно, был монах Эмон, преподававший в Осере в 840—860 годах. Он писал, что как Ромул разделил римлян на три категории, так и Церковь тоже разделилась на три

группы: священники, воины, земледельцы. Те, кто воюет, те, кто пашет землю; вооруженные всадники и безоружные крестьяне. Это разделение еще более очевидно у Аббона из Флёри и около 1030 года у Адальберона Ланского и Жерара из Камбре. «Воины» — это слово долгое время произносилось Церковью с пренебрежением, а некоторые даже играли словами «воинство» («*militia*») и «лукавство» («*malicia*»). От этих злодеев, обрушивающихся на беззащитных, — все зло. Озабоченные их интегрированием в общество, допуская, что в социальном устройстве противоположные силы тоже являются необходимостью, другие называли воинов более благородно — латинским словом «*bellatores*» («ратники»). Так вырисовывалась известная тройственность комбинаций и различных схем. К сожалению изобретательных ученых, такие тексты очень редки и, выражая подобные представления, отличаются риторическим красноречием и напыщенностью стиля. Перед лицом распада королевской власти, политических изменений в обществе они сами выражали это желание — навести порядок; желание утопическое. Наведение порядка возвратило бы к жизни сотрудничество короля и Церкви — как некогда, как всегда.

ЭПИЛОГ

В 1000 году слова оставались теми же, что и двести лет назад: Бог, справедливость, война и мир, закон; король, епископ, аббат, граф; дворец, город, крепость, земля; Церковь и церкви; вельможи, нищие, христианский народ; королевство франков.

Но действительность начала постепенно расходиться со словами. В недрах существующего мира зарождается другой, и он уже виден, хотя еще и в зародыше. В лоне западного христианского государства обретает плоть и кровь новое королевство, с центром между Луарой и Сеной, Сен-Мартен и Сен-Дени: король западных франков, затем король франков; Каролинги, затем Капетинги. Королевская власть — освященная, унижаемая или побежденная; королевская власть — необходимая и непотопляемая. Для нас — близкая и далекая, необъяснимая. Между тем, это первые опыты Французского королевства, истории Франции.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ХРОНОЛОГИЯ

- 28.1.814 Смерть Карла Великого.
816 Людовик Благочестивый коронован в Реймсе папой
Этьеном V.
817 «О порядке в империи». Реформа Бенедикта Ани-
анского, обобщающая устав бенедиктинцев.
822 Всеобщее покаяние в Аггивьи.
13.6.823 Рождение Карла (Лысого) во Франкфурте.
824 Набег норманнов на Нуармутье.
828—830 Эйнгард пишет «Биографию Карла Великого».
829 Последовательно собираются четыре франкских по-
местных собора.
831 Иона Орлеанский посвящает Пипину Аквитанскому
трактат «О королевской власти».
832 Конвуайон основывает в Редоне аббатство.
30.6.833 Полс Менсонж: в сражении с восставшими сыновья-
ми Людовика Благочестивого бросают его прибли-
женные.
7.10.833 Лишение Людовика Благочестивого королевской
власти.
1.3.834 Восстановление Людовика Благочестивого в коро-
левских правах.
22.6.840 Смерть Людовика Благочестивого.
25.6.841 Битва при Фонтенуа-ан-Пюизей.
14.2.842 Присяга в Страсбурге.
842 Норманны разграбили норт Кентовик.
Август 843 Верденский «договор». Ассамблея в Кулен.
14.6.844 Смерть в бою историка Нитгарда.
845 Гишмар — архиепископ Реймса.
29.6.845 Первое взятие Парижа норманнами.
22.11.845 Победа бретонца Номиноэ над Карлом Лысым в
Баллоне.

- 846 Библия графа Вивьена, из аббатства Сен-Мартен в Туре.
- 6.6.848 Карл Лысый становится королем Аквитании.
- 851 Эриспоз, сын Номиноз, получает графства Ренн, Рец и Нант.
- 852 Роберт Сильный — граф Тура и Анжера.
- 855 Основание аббатства Больё в Лимузене.
- 28.9.855 Смерть императора Лотаря. Трое его сыновей делят отцовское наследство.
- 858 Людовик, аббат Сен-Дени, захвачен в плен норманнами. Жирар Вьеннский основывает аббатство Сент-Мари в Везелей.
- Январь 859 Людовик Немецкий покидает западное королевство, куда его призвали мятежные дворяне.
- 861 Гинкмар продолжает составление «Хроники аббатства Сен-Бертен» после смерти Пруденция из Труа. Бодуан Железная Рука берет в жены Юдифь, дочь Карла Лысого.
- 863 Смерть Карла Провансальского. Его королевство делят между собой Лотарь II и Людовик II. Соломон становится князем Бретани.
- 864 Питрский эдикт.
- 866 Смерть Роберта Сильного в Бриссарте.
- 9.9.869 Карл Лысый был помазан в Меце и стал королем Лотарингии.
- 870 Мастерская королевской канцелярии изготавливает «Золотой кодекс». Соглашение в Мерсене между Людовиком Немецким и Карлом Лысым.
- 875 Монахи из аббатства Сен-Филибер обосновываются в Турню.
- 25.12.875 Карл Лысый помазан в Риме и стал императором.
- 8.10.876 Карл Лысый побежден в Андернахе Людовиком Младшим.
- 14.6.877 Ассамблея в Кьерзи.
- 6.10.877 Смерть Карла Лысого.
- 10.4.879 Смерть Людовика Заики.
- 15.10.879 Бозон становится королем Прованса.
- 3.8.881 Победа Людовика III над норманнами в Сокур-ан-Вимё.
- 5.4.882 Смерть Людовика III. Карломан — единственный король Запада.
- Ноябрь 882 Смерть Гинкмара, написавшего несколько месяцев назад «О королевском порядке».
- 882 Эд — граф Парижа.
- Декабрь 884 Аристократия призывает на престол Карла Толстого.

- Ноябрь 885-
ноябрь 886 Осада норманнами Парижа.
- 886 Смерть Гуго Аббата. Эд становится его наследником. Смерть Бернара Плантавелью; его преемник — сын Гийом Благочестивый.
- 29.2.888 Эд помазан королем франков.
- Июнь 888 Победа над норманнами в Монфоконе.
- 6.6.890 Людовик, сын Бозона, становится королем Прованса.
- 891 Смерть Эбля из Сен-Дени. Аббатство переходит к Робертинам.
- 28.2.893 Карл Простоватый коронован в Реймсе.
- 894 Граф Жеро основывает аббатство в Орийак.
- 1.1.898 Смерть Эда. Его преемником становится Карл Простоватый.
- 28.12.898 Победа Ричарда Отёнского над норманнами.
- Июнь 900 Убийство Фулка Реймского по наущению Бодуана Фламандского.
- 909 Грамота об основании Ключни. Собор в Тросли.
- 911 Победа в Шартре над норманнами; «договор» в Сен-Клер-сюр-Эпт. Лотарингия переходит к Карлу Простоватому.
- 914 Карл Простоватый разрешает Гуго стать преемником своего отца, маркиза Нейстрии Роберта. Жерар передает монастырю свои земли в Бронь.
- 918 Смерть Гийома Благочестивого, герцога Аквитании.
- 919—966 «Хроника» Флодоарда.
- 920 Распря между Карлом Простоватым и франкскими вельможами по поводу Аганона.
- 30.6.922 Коронация Роберта Нейстрийского.
- 1.9.922 Смерть Ричарда Заступника, князя Бургундии. Его преемником становится сын Рауль.
- 15.6.923 Победа князей над Карлом Простоватым в Суассоне. Гибель короля Роберта.
- 13.7.923 Коронация Рауля Бургундского.
- 927 Герберт Вермандуаский делает своего маленького сына Гуго архиепископом Реймса. Эд — аббат в Ключни. Гийом Длинная Шпага становится наследником своего отца Роллона и графом Руана.
- 930 Смерть известного ученого Гуквальда из Сент-Аман. Ордсн Ключни реформирует аббатство во Флёри.
- 933 Гуго Арлезианский отдает Прованс королю Родольфу II Бургундскому.
- 935 Рауль окончательно отказывается от Лотарингии в пользу Генриха Германского.

- 18.6.936 Помазание Людовика IV в Ланс.
25.12.936 Гуго Великий стал герцогом франков.
936 Пришествие герцога Бретани Алена Кривая Борода.
942 Убийство Гийома Длинная Шпага по наущению Арнуля Фламандского.
943 Смерть Герберта Вермандуаского.
945 Пленение Людовика IV по приказу Гуго Великого.
946 С помощью Оттона Германского Людовик IV возвращает себе королевскую власть и Реймское архиепископство.
948 Майель — аббат в Ключи. Освящение нового собора в Клермоне епископом Этьеном II.
949 Людовик IV строит башню в Лане.
12.11.954 Помазание Лотаря в Реймсе.
16.6.956 Смерть Гуго Великого, который несколько месяцев назад получил для своего сына Оттона Бургундию.
959 Жан де Вандьер — аббат в Горце.
960 Жоффруа Гризгонель становится пресвитером своего отца Фулка Доброго и графом Анжуйским. Гуго Капет наследует пост своего отца.
2.2.962 Оттон Великий стал императором.
963 Гийом Фьеребрас — преемник своего отца Гийома Патлатого и граф Пуатье.
27.3.965 Смерть Арнуля, графа Фламандского.
966 Жоффруа Анжерский реформирует аббатство Сент-Обен.
969 Адальберон — архиепископ Реймса.
972 Герберт становится преподавателем в Реймсе.
7.5.973 Смерть Оттона Великого.
973 Граф Гийом Провансальский изгоняет сарацин из Ла Гард-Френэ.
975 Освящение новой церкви Сен-Мишель в Кюкса.
977 Эд стал пресвитером своего отца Тибо и графом Тура, Блуа и Шартра. Адальберон — епископ Лана. Карл, брат Лотаря, — герцог Лотарингский.
978 Летний поход Лотаря на Ахен, против Оттона II. Осенью — ответное наступление Оттона II на Париж.
Троица 979 Людовик, сын Лотаря, помазан и вступил в королевские права.
980 Гуго Капет отбирает Монтрей у Арнуля II Фламандского.
982 Людовик V вступает в брак с Аделаидой де Жевондан.
985 Лотарь захватывает Верден.
Март 986 Смерть Лотаря.
21.5.987 Смерть Людовика V.

ПРИЛОЖЕНИЕ

- 3.7.987 Помазание Гуго Капета.
- Июль 987 Фулк Нерра — пресмник своего отца Жоффруа и граф Анжуйский.
- 25.12.987 Роберт помазан в Орлеане и вступил в королевские права.
- Май 988 Карл Лотарингский захватывает Лан.
- 988 Аббон — аббат во Флёри. Гийом Санш Гасконский восстанавливает аббатство Сен-Север.
- 23.1.989 Смерть Адальберона Реймского. Город подчиняется Карлу Лотарингскому.
- Июнь 989 Мирный собор в Шарру.
- 29.3.991 Адальберон Ланский выдает Карла Лотарингского Гуго Капету.
- Июнь 991 Собор в Сен-Баль в Верси отвергает кандидатуру Арнуля и избирает архиепископом Реймса Герберта.
- 992 Победа Фулка Нерра в Конкерей над Конаном Ренским, погибшим в бою.
- 11.5.994 Смерть Майёля из Ключи. Его преемник — Одилон.
- Март 996 Смерть Эда I из Блуа.
- 24.10.996 Смерть Гуго Капета. Его пресмник, Роберт Благочестивый, вступает вскоре в брак с Бертой де Блуа.
- Декабрь 996 Смерть Ричарда I Нормандского. Преемник — его сын Ричард.
- 2.4.999 Герберт становится папой под именем Сильвестра II.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН

- Аббон из Флёри, 244, 249, 251.
Аббон из Сен-Жермен-де-Прс, 61, 123.
Абд-аль-Рахман, 65.
Ава, сестра Гийома Благочестивого, 140.
Августин, святой, 16, 19, 90.
Аганон, 152—153.
Агобард, архиепископ Лиона, 20, 22, 26—27, 94, 101.
Адалалд, епископ Тура, 132.
Адалард, граф Парижа, 49, 67.
Адалард, граф и сенешаль, 29—30, 208.
Адалард, епископ Пюи, 167.
Адалард из Корби, 24, 80.
Адалельм, граф Арраса, 169.
Адалсьм, граф Труа, 136.
Адальберон, епископ Лана, 192, 193, 200—202, 237, 244, 249, 251—253.
Адальберон, архиепископ Реймса, 172, 189, 191, 192, 196, 199—201, 237, 243, 250.
Адальберон, епископ Меца, 188, 198.
Адальгер, епископ Отёна, 119, 138.
Адвенций, епископ Меца, 55, 105.
Аделаида, или Азалаида, королева, 197—198.
Адель, графиня Бургундии, 165, 166.
Адемар из Шабанн, 250.
Адемар, граф Пуатье, 135, 141.
Адон, епископ Вьенна, 54—55.
Адриан, папа, 55.
Адсон, аббат Монтьеранде, 213.
Азалаида, см. Аделаида.
Акфред, граф Оверни, 156, 164, 171.
Акфрид, граф, 51.
Александр, 129.
Ален Кривая Борода, герцог Бретани, 162—165, 210.
Ален Великий, герцог Бретани, 111, 138, 162—163, 165.
Алко, поверенный, 92—93.
Алкуин, 87, 233.
Альбер, граф Вермандуа, 182, 185, 190, 193.
Альдрик, епископ Мана, 95.
Альтмар, граф Арраса, 144.
Альтуин, монах из Фульда, 87.
Ангильберт, аббат Сен-Рикье, 18, 28.
Андре из Флёри, 244.
Ансегиз, архиепископ Санса, 117.
Ансу, воин, 220.
Аншёр, епископ Парижа, 125, 138—139.
Ардуин, владелец замка в Куси, 211, 218.
Ардуин, виконт Шартра, 211, 220.
Арланд, 217.
Арно Гасконский, 68.
Арно, диакон, 243.

- Арно Манцер, граф Ангулема, 214, 240.
Арпуль II Фламандский, 189, 201, 248.
Арнуль Великий Фламандский, 158, 164, 165, 169, 177, 181, 183, 185, 189, 236—237.
Арпуль Германский, 126—130, 133—134, 139—141, 143, 145.
Арнуль, епископ Меца, 28, 54.
Арнуль, епископ Орлеана, 197, 252.
Арнуль, епископ Туля, 55.
Арсинда, жена Гийома из Бэзье, 226.
Арто, епископ Реймса, 160, 177, 178, 180, 183—186, 188, 212, 215.
Аршамбо, архиепископ Санса, 172, 189.
Ательстан, король Вессекса, 162.
Аттон, виконт Тура, 132.
Азли, графиня, 114.

Бальтфрид, епископ Байё, 63.
Беатриса, жена Роберта I, 141.
Беатриса, герцогиня верхней Лотарингии, 198—199.
Беллон, граф Каркассона и Конфлана, 163.
Бенедикт, святой, 18—19, 117.
Бендикт IV, папа, 147.
Бенедикт Анианский, 18—19, 22, 233.
Бенедикт Нурсийский, 18.
Беннон, епископ Меца, 169.
Беранже из Фриуля, 128, 134, 147.
Беранже, граф Ренн, 163.
Бернар, король Италии, 12, 23—24.
Бернар Готский, 59, 70, 113, 115, 118.
Бернар Септиманский, 26, 45, 51, 69, 85.
Бернар Плантавелью, 59, 69—70, 115—116, 119—122, 125, 165.
Бернольд, 106.
Бернон, аббат Ключи, 223, 235.
Берта, графиня Вьенна, 78, 93, 96, 120.
Берта, жена Пипина Короткого, 78.
Берта из Блуа, 211, 250.

Бертрик, 99.
Бивен, аббат Горца, 55.
Бодуан I Фламандский, по прозвищу «Железная Рука», 67—68.
Бодуан II Фламандский, 125, 132, 134, 136, 144, 158, 164, 169.
Бозон, граф Витри, 159, 165.
Бозон из Марша, 214.
Бозон Вьеннский, король Прованса, 51, 54, 55, 57, 59, 70, 111, 115, 118—122, 125, 128—130, 134, 138, 185.
Бозониды, династия, 136, 165, 223, 235.
Боррель, граф Барселоны, 164, 249.
Брюнон, архиепископ Кёльна, 186—188, 191.
Брюнон, епископ Лангра, 212.
Буа, Г., 208, 227.
Бушар, граф Вандомский, 197, 211—212, 218, 249.
Бюр, М., 216.
Бюршар, воин, 217, 222.

Вала, аббат Корби, 18, 24, 26.
Валахфрид Страбон, 106.
Вальдрада, королева, 53—54, 120.
Валерий, святой, 241.
Варфоломей, епископ Нарбонна, 26.
Вельфы, династия, 25, 49, 129.
Венилон, архиепископ Санса, см. Ганелон, 46—47, 49—50.
Вергилий, 6, 86.
Веттин из Рейхенау, монах, 106.
Вивьен, граф-аббат Тура, 47, 107.
Вигерик, граф Арденнский, 188.
Видбо, аббат Сент-Обен, 239—240.
Витгер, монах Сен-Бертен, 236.
Вульгрн, граф Ангулема, 70, 125.
Вульфад, аббат Флёри, 238.
Вульфад, священник из Реймса, 90.

Ганелон, см. Венилон.
Гарнего, виконт Блуа, 132, 210.

- Гарнье, виконт Санса и граф Труа, 136.
- Гарсинда, дочь Гийома из Безье, 226.
- Гарсия Санш, герцог Гаскони, 68, 161.
- Гатуида, герцогиня, 187.
- Геххард, герцог Лотарингии, 146—147.
- Геласий, папа, 102.
- Гелон, епископ Лангра, 133.
- Геноле, святой, 162.
- Генрих, граф, 122, 124—125.
- Генрих, герцог Бургундии, 193, 195.
- Генрих Саксонский, по прозвищу Птицелов, король Германии, 146, 148, 152—153, 155, 158—160, 179.
- Герберга, королева, 182—183, 186, 187, 212, 221.
- Герберт из Орияка, 189, 199, 201, 244, 248, 250.
- Герберт, епископ Осера, 172, 216.
- Герберт Юный, 198, 201.
- Герберт I Вермандуа, 125, 132, 137, 139, 141.
- Герберт II Вермандуа, 154, 156—160, 165, 169, 177, 179—182, 210, 216.
- Герберт III Старый, дворцовый граф, 182, 190, 198, 211.
- Герлуин, граф Монтрёй, 159, 181—182.
- Ги, аббат Феррьер, затем епископ Пуи, 197, 209, 239.
- Ги, архиепископ Руана, 149.
- Ги, епископ Осера, 180.
- Ги из Сполето, 128, 133—134.
- Ги, епископ Суассона, 185, 209, 239.
- Гибуин, епископ Шалона, 193.
- Гийо, О., 239.
- Гийом, сын Бернара Септиманского, 51, 65, 86, 102.
- Гийом, виконт Безье, 216, 226.
- Гийом Арлезианский, граф Прованса, 198, 214, 216, 226, 238, 240.
- Гийом, виконт Марселя, 219.
- Гийом Фьеребрас, граф Пуатье, 197, 201, 214, 240, 248.
- Гийом Юный, граф Оверни, 158, 164, 167.
- Гийом Благочестивый, герцог Аквитании, 125, 132, 135, 137, 140, 141, 149, 151, 156, 158, 165, 169, 209, 213, 223—224, 234—236.
- Гийом Длинная Шпага, граф Руана, 158, 164—167, 177, 180—181, 238.
- Гийом Санш, герцог Гаскони, 214, 238.
- Гийом Железный, граф Ангулема, 240.
- Гийом Патлатый, граф Пуатье, 164, 165, 179, 186, 238.
- Гильдебер, 92—93.
- Гильдуин, аббат Сен-Дени, 26, 29, 88, 97, 116.
- Гильдуин из Рамерупа, 212—213.
- Гильдуин, граф Мондидье, 159.
- Гинкмар, епископ Лана, 92.
- Гинкмар (Хинкмар), архиепископ Реймса, 47, 49—50, 52—54, 57, 61, 64—65, 71, 75, 80, 83, 88—92, 94, 96—104, 106, 113, 117, 121, 134, 139, 238, 239.
- Гифред, граф Сердани, 70, 132, 163.
- Годфруа, граф Вердена, 188, 191—193, 199.
- Годфруа де Тюренн, 93.
- Гозбер, граф Мана, 51.
- Гозлен, аббат Сен-Дени, затем епископ Парижа, 67, 113—116, 119, 121—125.
- Гонтар, епископ Фрежюса, 225.
- Готберга, 229.
- Готфрид, вождь викингов, 64.
- Готшалък (лат. — Годскальк), 90—91.
- Готье, граф Лана, 137.
- Готье Обья, 221.
- Готье, архиепископ Санса, 132, 136, 138—139, 155, 156.
- Готье, епископ Орлеана, 132.
- Готье из Мелёна, 218.
- Гоэран, граф, 217.
- Григорий Великий, папа, 19.
- Григорий Турский, 224.
- Гуго, сын Лотаря II, 53, 120.
- Гуго Капет, 5, 6, 8, 133, 187—

- 188, 190, 195, 197—203, 206, 209—211, 214, 241, 247, 249, 250.
- Гуго Аббевильский, 219.
- Гуго, граф Отёна, 158.
- Гуго, граф Буржа, 135, 210.
- Гуго Жарнак, епископ Ангулема, 233.
- Гуго из Сен-Кантен, 45.
- Гуго, граф Тура, 26.
- Гуго Вермандуаский, архиепископ Реймса, 158, 169, 180, 181, 183, 185.
- Гуго Аббат, 59, 67, 68, 113—117, 119—122, 125, 129, 131, 133.
- Гуго Великий, герцог франков, 150, 154, 157, 158, 164, 172, 176, 178—187, 207, 209—212.
- Гуго Черный, 157, 159—160, 165, 166, 177, 179, 182, 185, 214.
- Гукбальд из Сент-Аман, 171, 244.
- Дагобер (Дагоберт) 1, 80, 97, 164, 178.
- Дальмас, виконт Клермона, 171, 224.
- Дальмас, аббат Сен-Шаффр, 238.
- Дебор, А., 216, 227, 230.
- Десайи, Ж., 215.
- Дионисий Ареопагит, 88, 97.
- Дрогон, епископ Меца, 24, 28.
- Дуода, графиня, 85—86, 102.
- Дюби Ж., 99, 213, 230, 242.
- Евлалия, святая, 83.
- Евсевия, святая, 96.
- Жан Вандьер, аббат Горца, 237.
- Желон, 229.
- Женевьева, святая, 124.
- Жерар, граф Буржа, 51.
- Жерар, брат Готье Обья, 221.
- Жерар из Бронь, 236, 238.
- Жерар, епископ Камбре, 244, 252.
- Жерар, епископ Отёна, 220.
- Жермен (Герман), святой, 96.
- Жермен Осерский, святой, 124.
- Жеро, граф Орийака, 136, 144, 215, 217, 221, 224, 234—235.
- Жибер, епископ Нима, 137.
- Жильбер, 94.
- Жильбер, герцог Бургундии, 185.
- Жильбер, герцог Лотарингии, 148, 152—154, 159, 166, 179, 180, 212.
- Жильбер из Руси, 201, 212.
- Жирар, граф Парижа, затем Вьсна, 29—30, 48, 52, 55, 78, 93—94, 96, 234.
- Жирар, граф Парижа, 114.
- Жоффруа Гризегонель, граф Анжера, 190, 195, 197, 209, 239.
- Жуссом, епископ Шартра, 149.
- Зигфрид, вождь норманнов, 123, 125.
- Ив, епископ Санлиса, 185.
- Иероним, святой, 86.
- Иммон, епископ Нуайона, 63.
- Иоанн VIII, папа, 38, 56, 115, 118, 155.
- Иоанн Скотт Эриугена, 88, 90, 107.
- Иона, епископ Орлеана, 25, 26, 98—99, 102—103.
- Ирисей, святой, 224.
- Исайя, епископ Амьена, 26.
- Иссак, епископ Лангра, 92.
- Карл Великий, 5, 11—14, 17, 21, 23, 25, 28, 34, 35, 37, 45, 53, 56—58, 60, 62, 65, 72, 75, 77—80, 82, 84, 86, 101, 106, 111, 113, 123, 127, 128, 131, 134, 145, 147, 158, 163, 178, 179, 187, 194, 200, 250.
- Карл-Константин, граф Вьсн-ский, 159, 185.
- Карл Лотарингский, 182, 191, 192, 194—196, 199—202, 249, 250.
- Карл Лысый, 25—33, 35—52, 54—60, 64—70, 73, 78, 80—82, 84, 86, 90, 92, 93, 96, 97, 101, 105—107, 111—113, 115—118, 122, 125, 128, 130, 138—140, 142—144, 146, 148, 154, 160, 163, 183, 186, 193, 196, 199—201, 210, 241, 247.
- Карл Мартелл, 106, 115, 148, 178.
- Карл Провансальский, 48, 52.
- Карл Простоватый, 122, 123.

- 131, 134, 136, 139—141, 143—156, 158—159, 163, 167, 178, 182, 192, 200, 208.
- Карл Толстый, 72, 76, 83, 115, 120—126, 130, 131, 133, 134, 138, 139, 143.
- Карл Юный, 11—13.
- Карломан, сын Карла Лысого, 51.
- Карломан, сын Людовика Заики, 74—75, 143.
- Карломан, сын Людовика Немецкого, 56, 58, 115—117, 119—121, 125—126, 151.
- Карломан, сын Пипина Короткого, 76.
- Колумбан, святой, 18.
- Конвуайон, аббат, 48, 93, 96.
- Конрад, граф Парижа, 116, 122.
- Конрад, грецог Юрских гор, 128—130.
- Конрад, герцог Франконии, 146—148.
- Конрад Тихий, 183—184, 211.
- Константин, аббат Сен-Мэксан, 229.
- Констанция, 229.
- Ламбер из Нанта, 46—47, 128, 133.
- Ламбер из Эно, 191—192.
- Ландри, 229.
- Ландрамн, епископ Тура, 47.
- Лев IV, папа, 96.
- Леокадий, святой, 223.
- Летгарда, 229.
- Лето, граф Макона, 185, 213, 240.
- Лисгарда, графиня Тура, 210.
- Лизьяр, граф Орлеана, 237.
- Лиудульф, епископ Нуайона, 193.
- Лорансон-Роза, К., 208, 224.
- Лотарь I, император, 22, 25—26, 28—34, 48, 51, 145.
- Лотарь II, 48, 52—55, 100, 105, 120, 129, 146, 148.
- Лотарь III, король, 180, 182, 186—200, 212—213, 218, 250.
- Луп Азнар из Гаскони, 161.
- Луп, аббат Феррьерский, 37, 42—43, 45, 46, 68, 73, 79, 82, 87, 90, 105, 117.
- Людовик, аббат Сен-Дени, 65, 67, 113, 115.
- Людовик II, император, 48, 54—56, 118, 134, 147.
- Людовик III, король Западной Франкии, 74, 80, 103—104, 115—117, 119—121, 143, 151.
- Людовик IV Заморский, 5, 160, 162—163, 176—186, 200, 212, 213.
- Людовик V, 195—200.
- Людовик Благочестивый, 8, 11—14, 17—18, 20—29, 34, 35, 40, 41, 46, 48, 49, 53, 68, 71, 76, 77, 80—82, 85, 86, 88, 89, 95—97, 101, 102, 123, 126, 134, 208.
- Людовик Дитя, 143, 146—147.
- Людовик Заика, 47, 49, 58, 64, 67, 80, 105, 111—116, 118—119, 122, 125, 143, 162.
- Людовик Младший Немецкий, 57, 115—116, 119—121.
- Людовик Немецкий, 25, 27—34, 49—50, 54—56, 82, 104, 106.
- Людовик Слепой, 130, 134, 159.
- Люция, святая, 223.
- Маврикий (Вьеннский), святой, 119.
- Маглорий, святой, 241.
- Майель из Ключи, 225, 240—241.
- Майель, виконт Нарбонна, 225.
- Манассия, епископ Труа, 213.
- Манассия из Вержи, граф Шалона, 136, 150, 166, 185.
- Маркеллин, святой, 96.
- Мартин, монах из Сен-Сипрьен, 238.
- Мартин, святой, 96, 180.
- Матфрид, граф Орлеанский, 26, 99.
- Менар, аббат, 172, 238.
- Мир, граф, 164.
- Митарра, см. Санш-Санше.
- Михаил Византийский, император, 88.
- Морван, бретонский вождь, 13.
- Нивен, 99.
- Николай I, папа, 54, 90, 96.
- Нитгард, 5, 28—29, 31, 33, 37, 45, 81, 85.
- Номиноз, «герцог Бретани», 46—47, 84, 93.

- Ноткер из Сен-Галлена, 123.
 Обрес, жена Рено из Руси, 212.
 Обри I, граф Макона, 213.
 Обри II, граф, 213—214.
 Одебер, граф Перигора, 214.
 Одельрик, архиепископ Реймса, 188, 210.
 Одилон из Ключи, 224, 251.
 Одульф, граф, 43.
 Олиба, граф, 164.
 Онора, епископ Марселя, 238.
 Оноре, епископ Бове, 139.
 Оттон I Германский, 179—181, 183—184, 186—188, 190.
 Оттон II, 190, 192—198.
 Оттон III, 198, 249.
 Оттон, герцог Бургундии, 185, 187, 190, 201.

 Павел, епископ Руана, 47.
 Пасказ Радберт, 61.
 Паскаль, папа, 25.
 Пелагий, 90.
 Петр, святой, 114.
 Пипин, граф Санлиса, 139.
 Пипин Итальянский, 11—12.
 Пипин I Аквитанский, 22, 25, 27—28.
 Пипин II Аквитанский, 28, 45—46, 49, 51, 65, 68.
 Пипин из Перонны, 125.
 Пипин Короткий, 12, 53, 78, 80, 83, 111, 112, 115, 118, 131, 148, 160, 178, 190.
 Помпей Трог, 129.
 Понтиан, святой, 96.
 Присциан, 87.
 Пруденций, епископ Труа, 45—46, 90, 94.

 Рабан Мавр, 26, 90, 101.
 Рагнар, вождь норманнов, 63.
 Радуйн, монах, 97.
 Раймонда, жена Фушера, 225.
 Раймунд, граф Нима, 136, 137.
 Раймунд из Руэрга, 164.
 Раймунд из Тулузы, 93, 100.
 Раймунд-Понс из Тулузы, 164.
 Раку, граф Макона, 225.
 Рамеруп, династия, 212—213.
 Рамнульф I, граф Пуатье, 67, 70—71, 113, 124.
 Рамнульф II, граф Пуатье, 118, 125, 128, 132, 134, 151.
 Ратбод, архиепископ Трира, 148.
 Ратрамн из Корби, 90.
 Ратфрид, епископ Авиньона, 118.
 Ратье, граф Невера, 166.
 Рауль, аббат Сен-Васт, 137.
 Рауль Бургундский, герцог и король, 154, 156, 158—161, 165, 167.
 Регинон Прюмский, 117, 128—129, 145.
 Реми Осерский, 244.
 Реми, архиепископ Лиона, 55, 96.
 Реми (Ремигий) Реймский, святой, 96—98, 131, 169, 180, 250.
 Ренар, граф Санса, 211.
 Ренар, виконт Осера, 170.
 Рено из Руси, 182, 212—213.
 Рено Тюрингский, виконт Анжера, 209.
 Ренье Длинная Шея, 145—148, 152, 191.
 Ренье IV Эно, 191—192.
 Рихарий, святой, 241.
 Ричард Заступник, герцог Бургундии, 119, 125, 130, 132, 136—138, 140, 141, 149—151, 154, 164—167, 169, 170.
 Ричард, граф Дижона, 193.
 Ричард I, герцог Нормандии, 166, 173, 190, 216, 238, 248.
 Ринер Реймский, 5, 189, 193, 196, 218, 220, 231, 237, 243, 248—250.
 Ришильда, графиня Тура, 210.
 Ришильда, императрица, 55, 114.
 Роберт, архиепископ Трира.
 Роберт I Нейстрийский, 132—133, 135, 137, 141—142, 148—151, 153—158, 178, 208, 236, 241.
 Роберт, граф Труа, 182, 198, 218.
 Роберт Сильный, 5, 49—50, 67—68, 70—71, 114, 117, 122, 125, 128, 133, 195.
 Роберт Благочестивый, 5, 8, 201, 203, 206, 214, 247, 249, 250.
 Родольф I Бургундский, 128—130, 134.
 Родольф II Бургундский, 183.
 Родульф, архиепископ Буржа, 93.

- Роже, граф Мэн, 154.
 Роже, граф Ланский, 158.
 Роллон, норманнский вождь, 149, 158, 164.
 Роргон, граф Мана, 113.
 Рорикон, епископ Лана, 192, 237.
 Ростен, архиепископ Арля, 118.
 Ротар, епископ Камбре, 237.
 Ротильда, аббатиса Шелль, 154.
 Ротрок, воин, 220.
 Рубо из Арля, 238.
 Рэмбо, епископ Амьена, 185.
 Рэнон, епископ Анжера, 132.
 Рэнфруа, епископ Шартра, 238.

 Савари, виконт Туара, 166.
 Саллюстий, 193.
 Санш-Лу из Гаскони, 68.
 Санш Санле, прозванный Митарра, 68, 85, 161.
 Сегин, граф Бордо, 68.
 Сегин, архиепископ Санса, 193, 237, 243.
 Седулий Скот, 102.
 Сеульф, архиепископ Реймса, 158.
 Сигфруа, епископ Мана, 172.
 Сигфруа, граф Люксембурга, 199.
 Соломон, князь Бретани, 47, 65, 84, 94.
 Сунийе, граф Ампурия, 137, 163.
 Сунифред, граф Сердани, 163, 238.

 Тедуии, воин, 220.
 Тейдон, граф Парижа, 211.
 Тейтберга, королева, 53—54.
 Тейтберг, граф Мо, 125.
 Теодульф, епископ Орлеана, 23.
 Тибо, епископ Амьена, 185.
 Тибо, епископ Лангра, 136, 139.
 Тибо, шурин сына Лотаря II, 120.
 Тибо Старый, граф Тура, 163, 182—183, 185.
 Тибо Мошепник, граф Тура, 198, 210—211, 218, 238, 239.
 Тутанхамон, 5.
 Тьерри, сын Жирара Вьеннского, 94.
 Тьерри, граф Отёна, 70.
 Тьерри, епископ Камбре, 103.
 Тьерри, герцог Верхней Лотарингии, 199.
 Тьерри, епископ Меца, 195.
 Тьерри, камергер, 115—116, 122, 125.
 Тьётильда, аббатиса Ремирмона, 102.
 Тюрени, династия, 93.
 Тюрпён, граф Ангулсема, 66.

 Узуар, монах из Сен-Жермен-де-Пре, 96.
 Укберт, 229.

 Феофано, императрица, 190, 199.
 Филибер (Филиберт), святой, 61, 74.
 Флодоард, 5, 152, 154, 169, 176, 183, 189.
 Флор Лионский, 31, 34.
 Фоссье, Р., 61, 228.
 Франкон, епископ Льежа, 55.
 Фрерона, королева, 146.
 Фридрих, архиепископ Майнца, 183.
 Фридрих де Бар, герцог Верхней Лотарингии, 188, 192, 198.
 Фромон, граф Санса, 211.
 Фротвальд, епископ Шартра, 63.
 Фротье, епископ Пуатье, 238.
 Фуа (из Конка), святая, 119.
 Фукидид, 75.
 Фулк Рыжий, виконт Анжера, 132, 208—210, 238, 241.
 Фулк, архиепископ Реймса, 122, 132—134, 137, 139, 140, 143, 144, 169.
 Фулк Добрый, граф Анжера, 209.
 Фулк Нерра, граф Анжера, 209—210, 248.
 Фульбер, епископ Шартра, 244.
 Фушер (Фульхерий) из Валенсоль, 225.
 Фушер (Фульхерий), епископ Нанта, 162.

 Хейрик Осерский, 84.
 Хлодвиг, 21, 80, 97, 130, 146, 178.
 Хродеганг, епископ Меца, 15.
 Хродеганг, святой, 19.

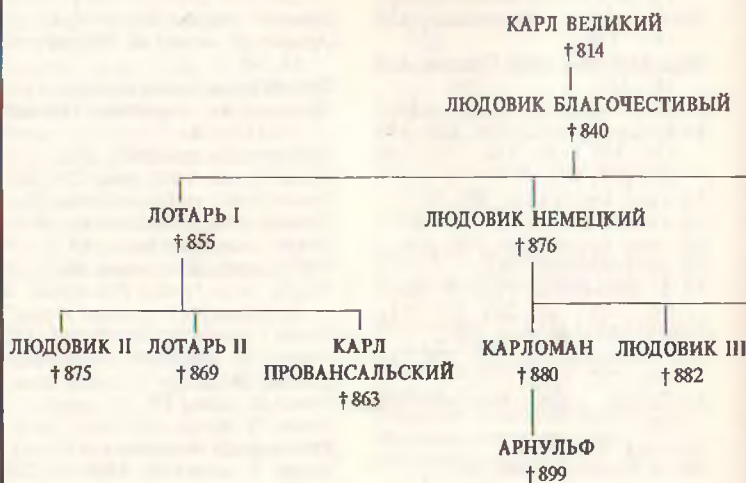
 Цвентибольд, король Лотарингии, 145.
 Эбб из Деоля, 224.

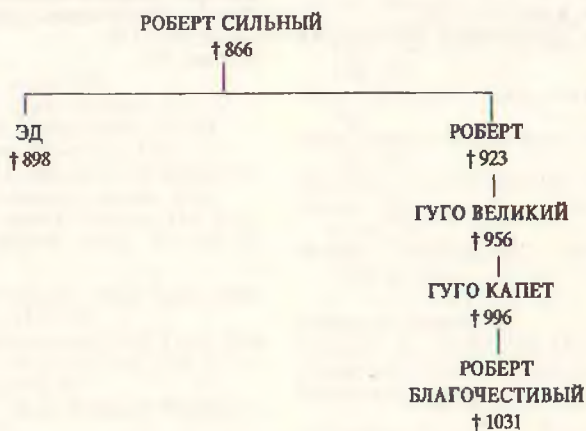
ПРИЛОЖЕНИЕ

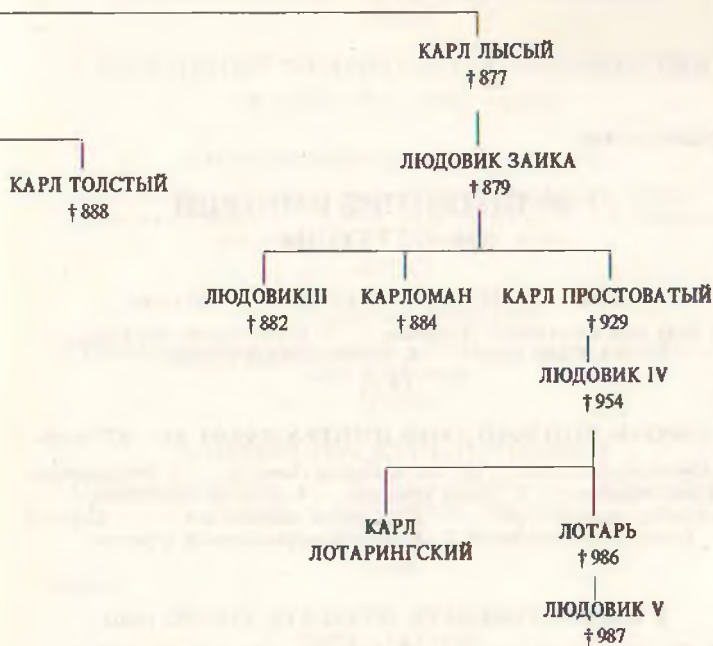
- Эббон, архиепископ Реймса, 15, 22, 26, 89—90, 96.
Эбль, аббат Сен-Дени, 124, 137—138.
Эбль Мангер, граф Пуатье, 135, 151, 164.
Эввар из Фриуля, 86, 128, 137.
Эд I, король, 112, 114, 122, 124, 125, 128, 130—142, 157, 166, 167, 169, 195, 241.
Эд, граф Бургундии, 92.
Эд, граф Орлеана, 26, 30, 49.
Эд, граф Верманда, 190, 216.
Эд, граф Амьена, 182.
Эд I, правитель Тура и Блуа, 190, 198, 201, 202 210—211, 218, 220, 240, 248, 249.
Эд из Клуни, 171, 219, 224, 233, 236—237, 244.
Эд-Генрих, герцог Бургундский, 190.
Эйнгард, 80, 82, 87.
Эйрик Нарбоннский, 225.
Эккар, граф Макона, 86.
Эли, граф Перигё, 214.
Элиахар, священник, 18, 22.
Эльго из Флёри, 244, 249.
Эмар Бурбонский, 223.
Эмма, графиня Марша, 192, 214.
Эмон, монах, 251.
Эмуан из Сен-Жермен-де-Пре, 64.
Эран, воин, 221—222.
Эрве, архиепископ Реймса, 143, 148, 149, 152—154, 170, 215, 243.
Эриспоз, герцог Брстани, 47.
Эрмантер, монах из Нуармутъе, 61, 64.
Эрменгарда, императрица, 113.
Эрменгарда, королева Прованса, 118, 130.
Эрментруда, графиня, 213.
Эрментруда, королева, 29—30.
Эрменфрид, епископ Бове, 63.
Эрмольд Черный Нигелл, 24.
Этард, епископ Нанта, 64.
Этьен, граф Клермона, 66.
Этьен, зять графа Раймунда из Тулузы, 100.
Этьен I, епископ Клермона, 185.
Этьен II, епископ Клермона, 224, 243.
Этьен II, папа, 77.
Этьен IV, папа, 17.
Этьен, граф Жсводана, 197.
Этьен I, епископ Манда, 239, 243.
Эшер (Евхерий), епископ Орлеана, 106.
Юберт из Сен-Сорис в Аголе, 53, 54.
Юдикаэль, князь Бретани, 138, 164.
Юдифь, графиня Фландрии, 68.
Юдифь, императрица, 25, 27, 49, 81, 113, 130.
Юстин, 129.

КАРОЛИНГИ

РОБЕРТИНЫ/КАПЕТИНГИ

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

1 ВЕЛИКОЛЕПИЕ ИМПЕРИИ 814—877 ГОДЫ

1. РАСТЕРЗАННАЯ ИМПЕРИЯ. 814—843 годы

1. Над чем властвовал Людовик, — 2. Достоинства порядка, —
3. Сила вещей, — 4. Необходимый раздел,
11-31

2. КОРОЛЬ, КОТОРЫЙ УМЕР ИМПЕРАТОРОМ. 843—877 годы

1. Общие представления об эпохе Карла Лысого, — 2. Возвышение аристократии, — 3. Эпоха кризиса, — 4. Апогей правления, —
5. Ошибка императора, — 6. Норманны наноследок, — 7. Первые большие объединения, — 8. Итоги норманнской агрессии,
36-72

3. ЗНАТЬ, ПОНИМАТЬ, ИЗЛАГАТЬ. 814—882 годы

1. Пространство и время, — 2. Язык устный и письменный, —
3. Культурная деятельность, — 4. Необходимое послушание, —
5. Материальная база Церкви, — 6. Церковная пропаганда, —
7. Жизнь в миру, — 8. Королевские полномочия,
76-101

2 КОРОЛЬ ИЗ КНЯЗЕЙ 887—987 ГОДЫ

1. ОБЛАДАНИЕ КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТЬЮ. 877—898 годы

1. Короли под опекой, — 2. Агония Каролингов, — 3. Процветание королевств, — 4. Эд, другой король франков, — 5. Война законов,
111-138

2. ГРЯДУЩИЕ КНЯЗЬЯ. 898—936 годы

1. Явная реставрация, — 2. Распределение ролей, — 3. Король по требованию, — 4. Система княжеств, — 5. Захват церквей,
143-168

3. ОТ ОДНОЙ ДИНАСТИИ К ДРУГОЙ. 936—987 годы

1. Король герцога, — 2. Германское вмешательство, — 3. Лотарингское искушение, — 4. Пришествие Гуго Капета,
176-200

3 РОЖДЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОГО ОБЩЕСТВА ОКОЛО 930—1000 годов

1. ИЗМЕНЕНИЕ СВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

1. На авансцене — блистательные второстепенные персонажи, — 2. Замки на горизонте, — 3. Кто такие «милиты»? — 4. Местная аристократия, — 5. Земля и люди,
208-227

2. ОЧИЩЕНИЕ ЦЕРКВЕЙ

1. Реформирование монастырей, — 2. Присутствие князей, — 3. Дух и материя,
234-243

3. ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ

1. Подведение итогов, — 2. Отставка короля, — 3. Преображение короля, — 4. Общество порядков;
247-253

Эпилог

ПРИЛОЖЕНИЕ

255-269

Хронология

Библиография

Указатель предметный и именной

НОВАЯ
ИСТОРИЯ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ
ФРАНЦИИ
Лоран Тейс
НАСЛЕДИЕ
КАРОЛИНГОВ

IX-X
ВЕКА

2

«СКАРАВЕЙ»